ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2023. Т. 68, № 2

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2023. Т. 68, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белоруссов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68, № 2.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 03.04.2023. Выход в свет 27.04.2023. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 80 экз. Заказ 64.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,66 руб., ведомственная подписка – 29,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2023, vol. 68, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belsky – Deputy Chairman of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vasily L. Gursky – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Editorial Council:

Alexander N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center "Nauka" of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr P. Tolochko – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2023, vol. 68, no. 2.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. A. Aheichyk*

Signed to print on 03.04.2023. Published on 27.04.2023. Format 60×84 1/8. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 80 copies. Order 64.
Number price: individual subscription – BYN 12.66, departmental subscription – BYN 29.74.

Publisher and printing execution:
Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Кнаус О. Ю. Особенности развития православно-католического институционального диалога в Республике Беларусь (1990–2022) 95
Балич Н. Л. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий сельской молодежи Беларуси ... 104

ГІСТОРЫЯ

Бароўская В. М. Пытанне адкрыцця транзіту па р. Нёман у сістэме савецка-польскіх адносін (1921–1931 гг.).... 112

МОВАЗНАЎСТВА

Ялынцава І. У. Марфемная структура рускіх і беларускіх ад'ектыўных колеранайменняў: агульнае і спецыфічнае 123

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. О новых сценических жанрах в музыке второй половины XX века 130

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Алейнік Л. В. Мастацкае асэнсаванне сацыялізацыі асобы ў іншакультурным соцыуме ў аповесці Алены Брава "Каменданцкі час для ластавак" 140

ПРАВА

Бодак А. Н. Конституционное право на охрану здоровья: содержание, правовые механизмы обеспечения в парадигме современных реалий 149

ЭКАНОМІКА

Вертинская Т. С., Педро Колон Вальдивьесо Салинас. Теоретико-методологические и практические основы разработки совместной стратегии торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор 160

РЭЦЭНЗІІ

Гурын А. В. 30 год знешняй палітыкі незалежнай Беларусі: цікавы і глыбокі аналіз 172

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Knaus O. Yu. Dynamics of the development of the orthodox-catholic institutional dialogue in the Republic of Belarus (1990–2022) 95
Balich N. L. Conceptual foundations of research of life strategies of rural youth in Belarus 104

HISTORY

Borovskaya O. N. The issue of opening transit along the river Neman in the system of Soviet-Polish relations (1921–1931) 112

LINGUISTICS

Yalyntsava I. U. Morphemic structure of russian and belarusian adjective color names: general and specific 123

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mdivani T. G. About new stage genres in the music of the second half XX century 130

LITERARY SCIENCE

Aleinik L. V. Artistic interpretation of the socialization of personality in a foreign cultural society in the novel by Elena Bravo “Curfew for swallows” 140

LAW

Bodak A. N. The constitutional right to health care: the content, legal mechanisms to ensure in the paradigm of modern realities 149

ECONOMICS

Vertinskaya T. S., Pedro Colon Valdivieso Salinas. Theoretical, methodological and practical foundations for developing a joint strategy for trade cooperation between the Republic of Belarus and the Republic of Ecuador 160

REVIEWS

Gurin A. V. 30 years of foreign policy of independent Belarus: an interesting and deep analysis 172

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Поступила в редакцию 12.10.2022
Received 12.10.2022

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 26.009
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-95-103

О. Ю. Кнаус

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОСЛАВНО-КАТОЛИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1990–2022 гг.)

Аннотация. Период второй половины XX – начала XXI в. ознаменован созданием новых форм диалога между восточной и западной христианскими Церквями. Концептуальными базисами коммуникации конфессий являются открытость, стремление узнать «Другого», преодоление трудностей диалога, взаимоуважение, готовность к единству. В религиозном пространстве Республики Беларусь православная и римско-католическая конфессии составляют ядро религиозной структуры общества. Взаимодействие Церквей осуществляется в нескольких плоскостях: социальной, теологической, культурной и образовательной. Цель данного исследования – определение основных проявлений и особенностей институционального православно-католического диалога в Республике Беларусь. Исследование основывается на материале из официальных СМИ Православной и Римско-католической Церквей. Автор приходит к выводу, что значительная роль в развитии коммуникаций между конфессиями принадлежит православному иерарху – митрополиту Филарету (Вахромееву), первому Патриаршему Экзарху всея Беларуси и Герою Беларуси. Рассматриваемый тридцатилетний период (период существования суверенной Беларуси) разделяется на два этапа: 1990–2015 гг. – централизация диалога, условно с 2016 г. – децентрализация коммуникаций.

Ключевые слова: христианство, Православная Церковь, Римско-католическая Церковь, межконфессиональные коммуникации, институциональный диалог, православно-католический диалог, митрополит Филарет (Вахромеев)

Для цитирования: Кнаус, О. Ю. Особенности развития православно-католического институционального диалога в Республике Беларусь (1990–2020 гг.) / О. Ю. Кнаус // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 95–103. https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-2-95-103

Oxana Yu. Knaus

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF THE ORTHODOX-CATHOLIC INSTITUTIONAL DIALOGUE IN THE REPUBLIC OF BELARUS (1990–2022)

Abstract. The period of the second half of the XX – beginning of the XXI centuries is marked by the creation of new forms of dialogue between the Eastern and Western Christian Churches. The conceptual basis for the communication of confessions is openness, the desire to know the “Other”, overcoming the difficulties of dialogue, mutual respect, and the desire for unity. In the religious space of the Republic of Belarus, the Orthodox and Roman Catholic denominations form the core of the religious structure of society. The interaction of the Churches lies in several planes: social, theological, cultural and educational. The purpose of this study is to identify the main manifestations and features of the institutional Orthodox-Catholic dialogue in the Republic of Belarus. The study is based on material from the official media of the Orthodox and Roman Catholic Churches. The author comes to the conclusion that a significant role in the development of communications between confessions belongs to the Orthodox hierarch – Metropolitan Philaret (Vakhromeev), the first Patriarchal Exarch of All Belarus and the Hero of Belarus. The thirty-year period under consideration (the period of existence of sovereign Belarus) is divided by the author into two stages: 1990–2015 – centralization of dialogue, conditionally since 2016 – decentralization of communications.

Keywords: Christianity, Orthodox Church, Roman Catholic Church, Orthodox-Catholic dialogue, interfaith communications, institutional dialogue, Metropolitan Philaret (Vakhromeev)

For citation: Knaus O. Yu. Dynamics of the development of the orthodox-catholic institutional dialogue in the Republic of Belarus (1990–2022). *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 95–103 (in Russian). https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-2-95-103

© Кнаус О. Ю., 2023

Введение. Разделение христианства в 1054 г. сопровождалось комплексом политических, богословских и культурных разногласий. Долгий период отсутствия евхаристического общения, доктринальные изменения, конфликт нерелигиозных ценностей усугубляли раскол между двумя христианскими традициями [15, с. 78–79]. Почти за десять веков Православная и Римско-католическая Церкви сформировались как независимые институты. Глобальный запрос на примирение и толерантность, сложившийся в мире после Второй мировой войны, повлиял на развитие межконфессионального диалога, маркером чего стала модификация отношений Православной и Римско-католической Церквей. В теологическом поле и на уровне иерархов конфессий возрастает интерес к подлинному межрелигиозному диалогу с целью поиска понимания, единства и духовного взаимообогащения. К концу XX в. Беларусь стала значимой площадкой православно-католического диалога в силу исторически сложившегося конфессионального состава населения, а также вследствие дипломатической, миротворческой, внешнецерковной деятельности митрополита Филарета (Вахромеева). Эти факторы значительно обусловили институциональный характер межконфессионального диалога в Беларуси. В статье используется классификация форм участия в межконфессиональном диалоге С. В. Мельникова: институциональный (официальный, высокий), концептуальный (средний) и низовой. Институциональному диалогу присущи следующие характеристики: диалог ведется на уровне глав конфессий и от имени религиозных организаций, религия выступает как социальный институт, такая форма диалога имеет высокий дипломатический статус [10, с. 90]. Целью данного исследования является определение основных проявлений и особенностей институционального православно-католического диалога в Республике Беларусь.

Основная часть. К середине XX века обоюдное настороженное отношение христианских Востока и Запада сменилось на стремление понять «Другого» и преодолеть трудности диалога. Поворотным событием в коммуникациях между конфессиями стала встреча в 1965 г. Папы Римского Павла VI и Патриарха Константинопольского Афинагора в Иерусалиме. После встречи, называемой «диалог любви», взаимоотношения между конфессиями вышли на качественно новый уровень. Итогом встречи явилось снятие взаимных анафем 1054 г. Однако подписанная главами Церквей «Совместная декларация» не восстанавливала евхаристического общения, знаменовавшего полное единство, а была «жестом справедливости». Отношения между главой Римско-католической Церкви (РКЦ) и главами Православных Поместных Церквей стали рассматриваться как братские между равными в епископском служении. Начался путь к постепенному преодолению трудностей диалога и конструктивной коммуникации, в которых активное участие принимала Русская Православная Церковь (РПЦ), а в ее лице и митрополит Филарет (К. В. Вахромеев) (1935 – 2021 гг.), первый Патриарший Экзарх всея Беларуси, Герой Беларуси, удостоенный указанного звания «за многолетний личный вклад в духовное возрождение белорусского народа, укрепление дружбы и братских связей между народами, развитие межконфессионального диалога» (2006 г.). С 1968 по 1971 г. митрополит Филарет работал вторым заместителем председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. В 1978 г. митрополит Филарет был назначен на Минско-Белорусскую кафедру и с 1981 по 1989 г. одновременно возглавлял Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата [22, с. 223–233]. 20-летний опыт в сфере межрелигиозных и международных коммуникаций РПЦ нового митрополита значительно повлиял на участие Белорусской ССР, а потом и Республики Беларусь в этой деятельности. Особенно примечательно в контексте нашего исследования, что митрополит Филарет неоднократно принимал участие в аудиенциях с Папой Римским Иоанном Павлом II, Папой Римским Бенедиктом XVI и в многочисленных богословских собеседованиях с католическими епископскими конференциями и Папским Советом по содействию христианскому единству.

К концу XX в. среди верующих Беларуси православные составляли 80 %, католики – 14, другие религиозные организации – 6 % [13]. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (1993 г.) исходит из следующих принципов: «признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси; неотделимости от общей истории народа Беларуси Еванге-

лическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» [8]. В религиозном пространстве Беларуси христианство восточного и западного обрядов составляет ядро конфессиональной структуры общества. Сохранение добрососедских отношений и стремление к подлинному единству декларируются обеими конфессиями, тем самым закладывая основу межконфессионального диалога.

Интенции к диалогу между Православной и Католической Церквями в период становления независимости Республики Беларусь обусловлены стремлением влиять на социально-культурную и правовую сферы формирующегося гражданского общества. Такая цель предполагает и взаимодействие с государственными органами по различным вопросам жизни христианской части социума. Примерами такого взаимодействия являются совместное письмо первоиерархов Православной и Католической Церквей Беларуси митрополита Филарета и кардинала Казимира Свёнтека (1914 – 2011 гг.) к Президенту с просьбой об освобождении молодых священнослужителей от воинской повинности (1996 г.); выработка общей православно-католической концепции поправок к Закону «О здравоохранении» (недопустимость изменения половой принадлежности, недопустимость стерилизации как метода контрацепции и практики искусственного прерывания беременности, недопустимость испытаний на эмбрионах и т. п.) (2012 г.) [19, с. 40–41].

В контексте развития конфессионального диалога и богословского образования в Беларуси на базе Европейского государственного университета в 1993 г. был создан факультет теологии, который возглавил митрополит Филарет. На постсоветском пространстве в 1997 г. Республика Беларусь стала первым государством, которое признало специальность «Теология». В 2004 г. факультет, преобразованный в Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла, вошел в структуру Белорусского государственного университета. В профессорско-преподавательский состав входят православные и католические священнослужители. В конце 1990 – начале 2000-х гг. осуществлялась практика приглашений преподавателей-визитеров и ведущих христианских богословов (из Папского Восточного института (Рим), факультета теологии Рижского государственного университета (Рига), католического колледжа им. св. Фомы Аквинского (Москва) и др.). Институт имеет соглашения о сотрудничестве с иностранными теологическими факультетами: Евангелическо-теологическим факультетом Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда (Германия), Фрибургского университета (Швейцария), Институтом Восточных Церквей (г. Регенсбург, Германия) и др. В частности, студенты Института приглашаются на обучение в Папский Григорианский университет. Выпускники Папского Григорианского университета преподают в Институте теологии и православной Минской духовной академии. Последняя, являясь высшим белорусским богословским учебным заведением, стала одной площадкой для религиозного диалога. На ее базе проводились ежегодные богословские собеседования РПЦ с Германской Епископской Конференцией Католической Церкви, что показывает высокий уровень учебного заведения.

В 1993 г. Конференция католических епископов Германии создала фонд «Renovabis». За время существования фонда была оказана помощь 29 странам Центральной и Восточной Европы. Благотворительное общество оказывает финансовую и социальную поддержку религиозным организациям стран СНГ после падения коммунистической атеистической идеологии. В рамках сотрудничества БПЦ и фонда финансируется строительство приходских домов и духовно-образовательных центров, осуществляется поддержка богословского образования в Беларуси. По приглашению организации представители БПЦ принимают участие в ежегодных международных конгрессах, к участникам которых митрополит Филарет (Вахромеев) и митрополит Павел (Пономарев) направляли приветственные адреса.

По инициативе митрополита Филарета в 1997 г. начал функционировать Белорусский республиканский христианский образовательный фонд, преобразованный через два года в МОО «Христианский образовательный центр им. св. Мефодия и Кирилла», задачами которого являлось поддержание христианского диалога в стране и коммуникации белорусских христианских общин с христианами Западной Европы. Основной деятельностью Центра стало осуществление просветительских и образовательных программ, основанных на христианских ценностях. Под эгидой Центра проходят ежегодные Международные Кирилло-Мефодиевские чтения (в 2022 г. состоялись 28-е по счету чтения), которые, в частности, стали одной из площадок богословского православно-католического диалога. По итогам работы чтений выпускается сборник докладов. В 2018 г.

делегация во главе с председателем Христианского образовательного центра, иереем Святославом Рогальским (в числе делегации присутствовал первый проректор Института теологии БГУ протоиерей Сергий Гордун) с рабочим визитом посетила Рим, где состоялись аудиенция с Папой Римским Франциском и встреча с представителями Папского Совета по содействию христианскому единству [6]. Встреча проходила в рамках подготовки научной конференции, посвященной митрополиту Никодиму (Ротову) (1929–1978 гг.), иерарху РПЦ, способствовавшему установлению диалога между Святым Престолом и Московским Патриархатом. В октябре прошла конференция, на которой священник Яромир Задрапа зачитал приветственный адрес от Папского Совета по содействию христианскому единству, а также с докладом о вкладе митрополита Никодима (Ротова) в православно-католический диалог выступил архиепископ Тадеуш Кондрусевич [4].

Следует упомянуть примечательную заметку в «Минских епархиальных ведомостях» об отношении Православной Церкви к другим религиозным организациям в Беларуси во второй половине 1990-х гг.: «Отношения между Православной Церковью и другими религиями и конфессиями можно считать нормальными, открытых конфликтов нет. Но, справедливости ради, надо отметить, что добрых, доверительных отношений между Православной и традиционными и нетрадиционными конфессиями в Беларуси нет. Дух прозелитизма в той или иной форме проявляется в бурной и подчас чисто нехристианской деятельности как католических священников и монашествующих польской национальности…» [12, с. 64]. Далее в статье отмечается, что ксендзы часто ставят под сомнение принадлежность того или иного культового сооружения Православной Церкви. Также речь идет и о прозелитизме по отношению к православным и отказе от исполнения Костелом таинств над католиками, в чьих семьях есть православные. Автор статьи доброжелательно отзывается о кардинале Казимире Свёнтеке и свидетельствует, что подобное поведение католических ксендзов является частной инициативой, а не мейнстримом политики всей Католической Церкви в Беларуси.

В то же время в России увеличивалось количество римско-католических приходов, в которых совершали богослужения преимущественно священнослужители – граждане иностранных государств. Московский Патриархат расценил рост католических миссионерских программ в качестве акта прозелитизма. По этой причине Всемирный Совет Церквей в 1995 г. (РКЦ не входят в состав) определил прозелитизм как «обращение христиан из одной конфессии в другую с использованием методов и средств, противоречащих принципам и духу христианской любви и свободы личности». Православная Церковь признала это определение, что и стало углублением конфликта РПЦ с Католической Церковью в России. Более сложные отношения Православной и Католической Церквей сложились в Украине, где греко-католическое духовенство силовым способом возвращало храмы, утраченные после 1946 г. Пути разрешения этих конфликтов искала Смешанная международная комиссия по богословскому диалогу между Римско-католической и Православной Церквями. Важным документом работы комиссии явилась Баламандская декларация, которая опровергает униатство как метод достижения полного единства конфессий.

В отличие от религиозных ситуаций в России и Украине в Беларуси этот период не был столь турбулентным в православно-католическом взаимодействии. Начиная с 1990-х гг. вместе с обретением государственной независимости встал вопрос о религиозной идентичности белорусов. Ряд политических, общественных и культурных деятелей представляли униатство как историческую форму национальной религии белорусов. В истории Беларуси внедрение унии (1596–1839 гг.), как и ее упразднение, носило политический характер и имело мало общего с подлинным богословским диалогом: государственные и церковные деятели, призывавшие к объединению Православной и Римско-католической Церквей, понимали слияние двух религиозных институтов как формальный акт. В рамках тезиса о возрождении униатства следует обратиться к статистике: по данным Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей, в 1996 г. Греко-католическая Церковь Беларуси была представлена 11 общинами, в то время как Православная Церковь – 938, Римско-католическая Церковь – 372 общинами. Спустя 20 лет, в 2016 г., количество греко-католических общин составило 15, православных – 1659 и католических западного обряда – 493 [13]. В соответствии с этими данными прежде всего очевидны поляризация верующих и отсутствие массового запроса на возрождение униатства. Важно отметить позиции

представителей конфессий по вопросу унии. В то время глава самой многочисленной конфессии Беларуси, митрополит Филарет, коррелировал свое отношение с консервативной православной точкой зрения: «Общеправославная позиция принципиально противостоит самой идее унии как усиливающей разделение между Православной и Католической Церквями и углубляющей разрыв между ними» [11, с. 27]. Отношение РКЦ и представителей Ватикана в Беларуси к проблеме униатства не является столь однозначным. Апостольский нунций в Беларуси архиепископ Габор Пинтер (13 мая 2016 – 12 ноября 2019 г.) положительно оценивал последствия Брестской церковной унии: «Уния привела к укреплению духовного и культурного обмена между христианами Востока и их братьями на Западе, что в свою очередь способствовало расцвету культуры, воспитания и архитектуры» [3]. В Беларуси отношения греко-католического и православного духовенства можно обозначить как умеренные. Греко-католический архимандрит Сергей Гаек отзывается о первоиерархе православных белорусов так: «Благодарим Господа за архипастырское служение митрополита Филарета, за его христианскую открытость к межконфессиональному диалогу, что способствовало выстраиванию отношений взаимоуважения между греко-католиками и православными в Беларуси» [21].

В 2016 г. в Гаване состоялась историческая встреча Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в результате которой была подписана декларация, где, в частности, отмечалось: «Сегодня очевидно, что метод “униатизма” прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путем ее отрыва от своей Церкви, не является путем к восстановлению единства» [16]. Здесь важно определить суть термина. В данном заявлении речь идет о насильственном объединении церквей, которое обозначается термином «униатизм», т. е. имеется в виду не договорная форма перехода общин, а принудительный перевод. Однако в рамках данной статьи не представляется возможным раскрыть полное официальное отношение Православной и Католической Церквей в Беларуси к унии. Тем не менее важно обозначить историчность проблематики унии в отношении православных и католиков в Беларуси.

По инициативе БПЦ реализуется большое количество международных и республиканских межконфессиональных проектов. Одним из таких проектов стало создание Института межрелигиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций при Синоде БПЦ, первостепенными задачами которого являлись поддержание контактов и реализация богословского диалога с христианскими конфессиями и иными религиями [9]. В ходе работы Института осуществлялась обширная исследовательская деятельность в области христианской истории и богословия, а также определение точек соприкосновения различных религиозных и культурных традиций, философии религии, религиозной философии и др. Были проведены научные конференции «Религиозная коммуникация сегодня: границы и перспективы», «Религиозный диалог и примирение через искусство», «Христианство и взаимодействующее соседство духовных ценностей в Европейском сообществе», «Христианская этика солидарности против насилия и жестокости», которые объединяли представителей разных исповеданий из Германии, Италии, Франции, Польши, Испании, Австрии, Швейцарии и других стран, по итогам которых издавался сборник статей «Кафоликия». В 2011 г. состоялась тематическая конференция «Православно-католический диалог: христианские этические ценности как вклад в социальную жизнь Европы». Общая заинтересованность в осуществлении дальнейших богословских собеседований выразилась в проведении IV Европейского православно-католического форума «Религия и культурное многообразие: вызовы христианским Церквям в Европе», который состоялся 2 июня 2014 г. Торжественное открытие прошло на православной площадке – в храме-памятнике Всех святых г. Минска. Ранее форум проводился в странах Западной Европы. В 2012 г. митрополит Филарет выступил с инициативой проведения форума в Республике Беларусь.

Иностранные религиозные делегации, которые многократно приглашались, имели встречи с Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко (например, в 1999 г. – делегация Немецкой конференции епископов во главе с епископом Йозефом Хомайером; в 2009 г. – делегаты форума «Христианско-иудейский диалог»: Президент Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Вальтер Каспер, член Конференции католических епископов США архиепископ Вашингтонский, кардинал Теодор МакКаррик [17, с. 54]; в 2011 г. – участники форума

«Православно-католический диалог»: Председатель Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох [2, с. 31] и др.), что является свидетельством высокого значения для государства международных межконфессиональных коммуникаций.

Следует упомянуть об актуализации идеала единства, образом которого выступают святые и святыни Церкви. В феврале 2006 г. по просьбе митрополита Филарета каноник Клод Дюкарро, настоятель кафедрального собора святителя Николая Чудотворца г. Фрибурга, где хранятся мощи правой руки святого Николая, передал частицу святыни для поклонения православных верующих в Минский Свято-Духов кафедральный собор. Николай Чудотворец является святым неразделенной Церкви и почитается в равной степени Православной и Католической Церквями [1, с. 44–45]. В 2016 г. после встречи Папы Римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла Содружество в поддержку современной христианской культуры «Артос» (г. Москва) инициировало иконописный проект «Святые неразделенной Церкви», в котором приняли участие и православные, и католические художники разных стран, в том числе и белорусские. Открытие экспозиции прошло в Национальном художественном музее при участии представителей двух конфессий.

С 2014 г. православно-католический диалог в Беларуси на институциональном уровне уменьшается и связи с католиками стран Европы значительно ослабевают. Это связано со сменой Патриаршего Экзарха всея Беларуси. Решением Священного Синода РПЦ митрополит Минский и Слуцкий Филарет был почислен на покой, а его преемником назначен митрополит Павел (Пономарев) (в должности Патриаршего Экзарха с 25 декабря 2013 по 25 августа 2020 г.). Устным распоряжением митрополита Павла работа Института межрелигиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций была приостановлена. Многие институциональные православно-католические коммуникации приобрели локальный и частный характер. Тем не менее это не значит, что диалог на высшем уровне окончательно сошел на нет. В 2014 г. под председательством оргкомитета митрополита Павла была осуществлена подготовка к упомянутому IV Европейскому православно-католическому форуму «Религия и культурное многообразие: вызовы христианским Церквям в Европе». В 2017 г. в Минске состоялось собрание Совета епископских конференций Европы, в работе которого приняли участие 45 глав католических епископских конференций европейских стран. В пленарном заседании также принял участие и митрополит Павел.

Ежегодно представители христианских конфессий по приглашению Католической Церкви в январе принимают участие в Неделе молитв о христианском единстве. Экуменические молитвы проходят по всей Беларуси: в Минске, Могилеве, Гродно, Витебске, Пинске и других городах. В 2020 г. по инициативе католического духовенства проходила межконфессиональная молитва о прекращении распространения коронавирусной инфекции. Следует также отметить, что представители этих конфессий по взаимным приглашениям посещают богослужения в кафедральных соборах на главные христианские праздники – Рождество и Воскресение Христово. Приглашенные имеют возможность поздравить верующих другой конфессии с амвона.

Помимо теологических и экклезиологических тем для обсуждения между Православной и Римско-католической Церквями сложились партнерские отношения и относительно важнейших христианских этических, антропологических вопросов и социального учения. Как известно, в европейских странах существует тенденция к переосмыслению феномена традиционной семьи, что уже нашло отражение в законодательных актах. В 2020 г. католическим благотворительным фондом «Открытые сердца» был инициирован сбор подписей под обращением к Президенту в защиту традиционных семейных ценностей и против пропаганды гомосексуализма и других сексуальных отклонений среди несовершеннолетних. Инициативу поддержали католический архиепископ Тадеуш Кондрусевич и православный священник Андрей Лемешонок. Общими усилиями было собрано более 52 тысяч подписей. После окончания сбора листы с подписями были переданы в Администрацию Президента [17], однако судьба инициативы спустя два года неизвестна. Фондом «Открытые сердца» также осуществляется взаимодействие с Синодальным отделом БПЦ по вопросам семьи, защиты материнства и детства по линии Pro-life движения.

В 2020 и 2021 гг. на фоне общественно-политических событий в Республике Беларусь произошла смена глав БПЦ (25 августа 2020 г. митрополитом Минским и Заславским был назначен

епископ Борисовский и Марьиногорский Вениамин (Тупеко)) и РКЦ (3 января 2021 г. и. о. митрополита Минско-Могилевского был назначен епископ Казимир Великоселец, с 14 сентября 2021 г. митрополитом Минско-Могилевским является архиепископ Иосиф Станевский). Православно-католический диалог на институциональном уровне перешел на уровень протокольных и ситуативных встреч. С этого же времени заметно снизилось количество упоминаний о межконфессиональном взаимодействии в Беларуси на официальных интернет-порталах конфессий (church.by – Официальный портал БПЦ и catholic.by – Официальный портал РКЦ) [5; 20].

Заключение. Таким образом, за последние 30 лет православно-католический диалог в Республике Беларусь приобрел свои отличительные черты. На рубеже XX–XXI вв. Православная Церковь как самая многочисленная конфессия в Республике Беларусь инспирировала развитие межрелигиозных и межконфессиональных коммуникаций. Однако этот тезис не следует рассматривать в качестве монополии Православной Церкви на инициативу, а как централизацию диалога между конфессиями в Беларуси. Активная фаза православно-католического диалога имела место в начале 1990 – середине 2010-х гг. – время, когда главой БПЦ был митрополит Филарет (Вахромеев), а также несколько лет пребывания на аналогичной должности митрополита Павла (Пономарева), в ряде случаев продолжившего начинания своего предшественника. Лидеры РКЦ Беларуси (кардинал Казимир Свёнтек и архиепископ Тадеуш Кондрусевич) в то время оказывали всестороннюю поддержку развитию межконфессионального диалога. Этот период автор определяет как централизованный диалог, его характерной особенностью является совокупность следующих факторов: инициатива исходит от глав конфессий и предполагает их участие; коммуникации имеют систематический характер; контакты публичны и предполагается их освещение в официальных церковных СМИ. Необходимо констатировать тот факт, что за последние годы интенсивность православно-католического диалога на уровне глав конфессий ослабла, однако коммуникации на местных уровнях продолжаются без значительных изменений, что можно назвать децентрализацией диалога (условно с 2016 г.). Здесь критериями выступают частные инициативы, которые исходят от отдельных лиц или организаций, контакты носят ситуативный характер и освещаются в официальных церковных СМИ частично либо остаются без внимания.

В указанное время значительное количество коммуникаций БПЦ осуществлялось не столько с католиками Республики Беларусь, сколько с католическими кафедрами стран Западной Европы. Автор полагает, что подлинный религиозный диалог должен вестись в условиях равенства, при этом значимым фактором обеспечения равенства выступает численное количество верующих, представителями которых являются иерархи – участники диалога. Эта разница в численном соотношении католиков и православных в Беларуси нивелировалась посредством коммуникации с европейскими католическими епископскими конференциями. В международном характере видится специфическая черта православно-католического диалога в Беларуси.

Богословские собеседования, которые осуществлялись между представителями двух христианских конфессий, не имели прозелитического характера и не являлись полемическими дискуссиями. Коммуникация представителей Православной и Римско-католической белорусских Церквей лежит в парадигме когнитивного диалога с целью изучения другого религиозного опыта, создания и установления партнерских взаимоотношений, распространения христианских ценностей и вероучения [14]. Благодаря этому в Республике Беларусь развивались богословская наука и религиозное образование. В представлении русского философа С. С. Хоружего успешность диалога заключается в личностном общении акторов и состоит в узнавании «Другого» в первую очередь как личности, независимо от его религиозных предпочтений и со значительным вниманием к его уникальности [10, с. 219–222]; такой диалог можно назвать «человеческим». Именно так следует охарактеризовать взаимоотношения иерархов Православной и Римско-католической Церквей в Беларуси, при этом «человеческий» диалог лидеров конфессий способствует выстраиванию добрососедства между верующими.

Заметной сферой православно-католического взаимодействия является защита христианских нравственных ценностей, в частности, Pro-life-активизм и продвижение консервативной повестки в области гендера и семьи. Тенденции мирового межконфессионального диалога демонстри-

руют, что его богословская составляющая сокращается и доминирующим становится секулярный диалог, который предполагает рассмотрение социальных, экологических и других проблем с точки зрения религии. Эта тенденция свойственна и белорусской форме межконфессионального диалога.

Список использованных источников

1. 19 декабря – день памяти Святителя Николая Чудотворца // Мин. епарх. ведомости. – 2006. – № 4. – С. 1–5.

2. Архиерейское служение // Мин. епарх. ведомости. – 2011. – № 4. – С. 31.

3. В Беларуси отмечается 420-летие униатской церкви [Электронный ресурс] // Katolik.life. – Режим доступа: https://katolik.life/rus/news/tserkov/item/2755-v-belarusi-otmechaetsya-420-letie-uniatskoj-tserkvi.html. – Дата доступа: 11.09.2022.

4. В г. Минске состоялось торжественное открытие Международной конференции «Митрополит Никодим: путь служения Церкви» [Электронный ресурс] // Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла. – Режим доступа: christeducenter.by/в-г-минске-состоялось-торжественное-о/. – Дата доступа: 10.09.2022.

5. В Национальной библиотеке Беларуси открылись XXVIII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения на тему «Христианство в Беларуси: история, богословие, традиции» [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: http://church.by/news/v-nacionalnoj-biblioteke- belarusi-otkrylis-xxviii-mezhdunarodnye-kirillo-mefodievskie-chtenija-na-temu-hristianstvo-v-belarusi-istorija-bogoslovie-tradicii. – Дата доступа: 10.09.2022.

6. Делегация Христианского образовательного центра посетила Рим [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: http://church.by/news/delegacija-hristianskogo-obrazovatelnogo-centra-posetila-rim. – Дата доступа: 10.09.2022.

7. Завещанное. Митрополит Филарет (Вахромеев) / сост. А. А. Петрашкевич. – Минск : Медиал, 2020. – 311 с.

8. О свободе вероисповеданий и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054. – Дата доступа: 05.09.2022.

9. Институт религиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: http://exarchate.by/resource/Dir0056/Dir0083/Page1732.html. – Дата доступа: 08.09.2022.

10. Мельник, С. В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации / С. В. Мельник. – М. : ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.

11. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Служение Богу и народу // Беларус. думка. – 2009. – № 5. – С. 20–27.

12. Новости // Мин. епарх. ведомости. – 1996. – № 2. – С. 58–72.

13. Сведения о количественном росте религиозных общин в Республике Беларусь (1996–2022 годы) [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религии и национальностей. – Режим доступа: https://belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kolichestvennom-roste-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-1996-2020-gody. – Дата доступа: 08.09.2022.

14. Свидлер, Л. Декалог диалога: основные принципы межрелигиозного, межидеологического диалога [Электронный ресурс] / Л. Свидлер. – Режим доступа: https://dialogueinstitute.squarespace.com/s/Dialogue-Decalogue-Russian.pdf. – Дата доступа: 08.09.2022.

15. Слесарев, А. В. Расколоведение: введение в понятийный аппарат : учеб. пособие / А. В. Слесарев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Познание, 2021. – 198 с.

16. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла [Электронный ресурс] // Русская православная церковь : офиц. сайт Моск. Патриарха. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html. – Дата доступа: 10.09.2022.

17. Сямейныя каштоўнасці – праява беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці [Электронный ресурс] // Catholic.by. – Режим доступа: https://catholic.by/3/news/belarus/11205-presslgbt. – Дата доступа: 11.09.2022.

18. Текущие события // Мин. епарх. ведомости. – 2010. – № 1–2. – С. 54.

19. Текущие события // Мин. епарх. ведомости. – 2012. – № 4. – С. 40–41.

20. Торжества в Заславле в честь 1030-летия Православия на Белорусских землях завершились большим праздничным концертом «Духовные истоки земли белорусской» // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: http://church.by/news/torzhestva-v-zaslavle-v-chest-1030-letija-pravoslavija-na-belorusskih-zemljah-zavershilis-bolshim-prazdnichnym-koncertom-duhovnye-istoki-zemli-belorusskoj-. – Дата доступа: 12.09.2022.

21. У Мінску грэка-каталікі маліліся аб супакоі для душы памерлага Мітрапаліта Філарэта ў першую гадавіну смерці [Электронный ресурс] // Catholic.by. – Режим доступа: https://catholic.by/3/news/belarus/47-gkc/14186-u-minsku-greka-katoliki-malilisya-ab-supakoi-dlya-dushy-pamerlaga-mitrapalita-filareta-pershuyu-gadavinu-smertsi. – Дата доступа: 05.09.2022.

22. Жизнь на пути правды: Митрополит Филарет из рода Вахромеевых / сост. А. А. Петрашкевич. – Минск : Белорус. Православ. Церковь, 2010. – 287 с.

References

1. December 19 is the day of memory of St. Nicholas the Wonderworker. *Minskie eparkhial'nye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 2006, no. 4, pp. 1–5 (in Russian).

2. Hierarchal service. *Minskie eparkhial'nye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 2011, no. 4, p. 31 (in Russian).

3. The 420th anniversary of the Uniate Church is celebrated in Belarus. *Katolik.life*. Available at: https://katolik.life/rus/news/tserkov/item/2755-v-belarusi-otmechaetsya-420-letie -uniatskoj-tserkvi.html (accessed 11.09.2022) (in Russian).

4. The solemn opening of the International Conference "Metropolitan Nikodim: the way of serving the Church" took place in Minsk. *Saints Methodius and Cyril Christian Educational Center*. Available at: christeducenter.by/в-г-минске-состоялось-торжественное-о/ (accessed 10.09.2022) (in Russian).

5. The XXVIII International Cyril and Methodius Readings on the topic "Christianity in Belarus: history, theology, traditions" opened in the National Library of Belarus. *Official portal of the Belarusian Orthodox Church*. Available at: http://church.by/news/v-nacionalnoj-biblioteke-belarusi-otkrylis-xxviii mezhdunarodnye-kirillo-mefodievskie-chtenija-na-temu-hristianstvo-v-belarusi-istorija-bogoslovie-tradicii (accessed 10.09.2022) (in Russian).

6. The delegation of the Christian Educational Center visited Rome. *Official portal of the Belarusian Orthodox Church*. Available at: http://church.by/news/delegacija-hristianskogo-obrazovatelnogo-centra-posetila-rim (accessed 10.09.2022) (in Russian).

7. Petrashkevich A. A. (comp.). *Testament. Metropolitan Philaret (Vakhromeev).* Minsk, Medial Publ., 2020. 311 p. (in Russian).

8. On freedom of religion and religious organizations: Law of the Republic of Belarus, December 17, 1992, no. 2054-XII. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054 (accessed 05.09.2022) (in Russian).

9. Institute of Religious Dialogue and Interfaith Communications. *Official Portal of the Belarusian Orthodox Church*. Available at: http://exarchate.by/resource/Dir0056/Dir0083/Page1732.html (accessed 08.09.2022) (in Russian).

10. Mel'nik S. V. *Interreligious dialogue: typology, methodology, forms of implementation*. Moscow, INION RAN, 2022. 398 p. (in Russian).

11. Metropolitan of Minsk and Slutsk Filaret. Serving God and the People. *Belaruskaya dumka* [Belarusian Thought], 2009, no. 5, pp. 20–27 (in Russian).

12. News. *Minskie eparkhial'nye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1996, no. 2, pp. 58–72 (in Russian).

13. Information on the quantitative growth of religious communities in the Republic of Belarus (1996–2022*). Commissioner for Religious Affairs and Nationalities*. Available at: https://belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kolichestvennom-roste-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-1996-2020-gody (accessed 08.09.2022) (in Russian).

14. Swidler L. J. The Dialogue decalogue: ground rules for interreligious, interideological dialogue. *Dialogue for interreligious understanding: strategies for the transformation of culture-shaping institutions*. New York, 2014, pp. 47–51. https://doi.org/10.1057/9781137470690_6

15. Slesarev A. V. *Schismology: introduction to the conceptual apparatus.* 2th ed. Moscow, Poznanie Publ., 2021. 198 p. (in Russian).

16. Joint statement of Pope Francis and His Holiness Patriarch Kirill. *Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarch*. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html (accessed 10.09.2022) (in Russian).

17. Family values – a true Belarusian national identity. *Catholic.by*. Available at: https://catholic.by/3/news/belarus/11205-presslgbt (accessed 11. 09.2022) (in Belarusian).

18. Current events. *Minskie eparkhial'nye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 2010, no. 1–2, p. 54 (in Russian).

19. Current events. *Minskie eparkhial'nye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 2012, no. 4, pp. 40–41 (in Russian).

20. Celebrations in Zaslavl in honor of the 1030th anniversary of Orthodoxy in the Belarusian lands ended with a big festive concert "Spiritual origins of the Belarusian land". *Official portal of the Belarusian Orthodox Church*. Available at: http://church.by/news/torzhestva-v-zaslavle-v-chest-1030-letija-pravoslavija-na-belorusskih-zemljah-zavershilis-bolshim-prazdnichnym-koncertom-duhovnye-istoki-zemli-belorusskoj (accessed 12.09.2022) (in Russian).

21. In Minsk, Greek Catholics prayed for peace for the soul of the late Metropolitan Filaret on the first anniversary of his death. *Catholic.by*. Available at: https://catholic.by/3/news/belarus/47-gkc/14186-u-minsku-greka-katoliki-malilisya-ab-supakoi-dlya-dushy-pamerlaga-mitrapalita-filareta-pershuyu-gadavinu-smertsi (accessed 05.09.2022) (in Belarusian).

22. Petrashkevich A. A. (comp.). *Life on the path of truth: Metropolitan Philaret of the Vakhromeev family*. Minsk, Belarusian Orthodox Church, 2010. 287 p. (in Russian).

Информация об авторе

Кнаус Оксана Юрьевна – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: knausoxana1323@gmail.com

Information about the author

Oxana Yu. Knaus – Postgraduate student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: knausoxana1323@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.74 (476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111

Поступила в редакцию 31.01.2023
Received 31.01.2023

Н. Л. Балич

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Представлены концептуальные основы теоретического и прикладного изучения жизненных стратегий сельской молодежи. Предложена интегральная модель анализа жизненных стратегий, направленная на выявление основных факторов, формирующих, способствующих и препятствующих реализации различных стратегий молодежи в контексте жизненных планов и ориентаций, запросов, мотиваций, ценностей данной социальной группы, а также с учетом потребностей и перспектив развития сельских территорий, аграрной отрасли. Представлена методика эмпирического изучения жизненных стратегий сельской молодежи в виде схемы с выделением конкретных компонент анализа социально-экономических, социально-культурных и досуговых, потребительских стратегий, а также стратегий профессиональной самореализации. Особое внимание обращено на востребованность методов управления региональным развитием: стратегическое планирование, проектный подход, которые применяются после изучения научной литературы и проведения опросов среди местного населения для моделирования социально-культурного развития сельских территорий на основе общественного мнения, статистических показателей экономического, социального, культурного развития. Отмечается значимость применения междисциплинарного подхода с учетом специфики конкретного региона и социально-демографических характеристик молодежи, необходимость разработки показателей оценки и эффективности функционирования сферы экономики, культуры, образования, здравоохранения (в том числе организаций) как в целом по республике, так и в сельских регионах.

Ключевые слова: жизненные стратегии, социально-экономические стратегии, социально-культурные стратегии, стратегии потребления, стратегии профессиональной самореализации, сельская молодежь

Для цитирования: Балич, Н. Л. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий сельской молодежи Беларуси / Н. Л. Балич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 104–111. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111

Natallia L. Balich

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF RESEARCH OF LIFE STRATEGIES OF RURAL YOUTH IN BELARUS

Abstract. The article presents conceptual foundations of a theoretical and applied study of life strategies of the rural youth. An integral model for the analysis of life strategies has been proposed, aimed at identifying the main factors that shape, promote and hinder the implementation of various youth strategies in the context of life plans and orientations, requests, motivations, values of this social group, as well as taking into account the needs and prospects for the development of rural areas, agrarian industries. A method of empirical study of the life strategies of the rural youth has been proposed in the form of a scheme with the allocation of specific components of the analysis of socio-economic, socio-cultural and leisure, consumer strategies, as well as strategies for professional self-realization. Particular attention is paid to the demand for methods of managing regional development: strategic planning, project approach, which are used after studying of scientific literature and conducting surveys among the local population to model the socio-cultural development of rural areas on the basis of public opinion, statistical indicators of economic, social, cultural development. The importance of applying an interdisciplinary approach is noted, with taking into account the specifics of a particular region and the socio-demographic characteristics of young people, the need to develop indicators for assessing the effectiveness of the functioning of the economy, culture, education, healthcare both in the republic and in its rural areas, regions.

Keywords: life strategies, socio-economic strategies, socio-cultural strategies, consumption strategies, professional self-realization strategies, rural youth

For citation: Balich N. L. Conceptual foundations of research of life strategies of rural youth in Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 104–111 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111.

© Балич Н. Л., 2023

Введение. Важным ресурсом развития сельских территорий является молодежь, ее образовательный, культурный, экономический, трудовой, инновационный потенциал. В отличие от других возрастных групп молодежь – наиболее динамичная социально-демографическая группа с неустоявшимся мировоззренческим самоопределением и меняющейся системой ценностей. Сельская молодежь легче адаптируется к новым социально-экономическим и культурным условиям жизни. Выбор стратегий данной группы формируется в зависимости от установок молодых людей на определенный вид достижений и самореализацию в образовании, профессиональной сфере, духовном развитии, семье и других направлениях. Значительное влияние на формирование жизненных стратегий оказывает социальное самочувствие сельской молодежи, что можно считать индикатором удовлетворенности своим социальным положением. Соответственно, жизненные стратегии – важный индикатор перспектив дальнейшего социального, экономического и культурного развития белорусского села. Социализация сельской молодежи происходит на фоне трансформации социальных институтов, развития информационного общества, глобализационных процессов, урбанизации. В современном обществе потребления культивируются гедонистические ценности и ценности материального блага, которые влияют на отношение молодежи к сельскому образу жизни. Определяющей в жизненных планах молодых сельчан становится установка на переезд, дальнейшее проживание и построение карьеры в городах. Растущая миграция молодежи является значимой проблемой современного села. На миграционные настроения и отток молодежи влияет оценка перспектив жизни на селе, что сокращает воспроизводство трудового потенциала аграрной отрасли. Основные причины миграции молодежи – поиск лучшей жизни и учеба, трудоустройство в городах, районных, областных центрах и особенно в столице. Другой, не менее важный аспект связан с потребностью молодежи в интересном и разнообразном досуге по месту жительства. Следует отметить также качество образования и широкий выбор профессий в крупных городах. Соответственно, необходимо повышать престиж аграрных профессий и жизни на селе для дальнейшего обеспечения демографической и продовольственной безопасности Республики Беларусь. Вместе с тем развитие социальной инфраструктуры, сферы культуры и досуга, внедрение инновационных проектов в сельских регионах немыслимо без притока молодых кадров, ремонта и строительства новых социальных, экономических, культурных объектов.

Выявление жизненных стратегий сельской молодежи (социально-экономических, социально-культурных и досуговых, стратегий в сфере профессиональной самореализации; стратегий потребления) будет способствовать разработке эффективных управленческих решений, обеспечению занятости и образованию сельской молодежи, системному, а не фрагментарному решению ее проблем в контексте социально-экономического и культурного развития сельских территорий.

Основная часть. Цель статьи – разработка концептуальных основ исследования жизненных стратегий, их теоретическая и практическая применимость к изучению стратегий сельской молодежи Беларуси. Новизна заключается в систематизации научных подходов, разработке интегральной теоретической модели и методики эмпирического изучения жизненных стратегий сельской молодежи.

Изучение жизненных стратегий сельской молодежи напрямую связано с изучением жизненных выборов человека. Каждый выбор – это способ преобразовать свою жизнь путем решения актуальных задач, проблем, противоречий, возникающих перед каждым.

В современной западноевропейской, российской, белорусской научной литературе, помимо отсутствия единого общепринятого определения понятия «жизненные стратегии», наблюдается отсутствие единой методики исследования. Сущность жизненных стратегий различными учеными сводится к системе оценки перспективных планов, представлений, потребностей и интересов, мировоззренческих установок социальных субъектов, которые лежат в основе сознательной организации своей жизни, выбора целей и направлений развития индивида.

Несмотря на то что жизненные стратегии являются преимущественно самостоятельным и осознанным выбором человека, не следует ограничиваться при их изучении только осознанными и вербализованными представлениями индивида о своем жизненном пути. Современные исследователи исходят из того, что человек, не имеющий четкой рефлексии о развитии своей жизни, «также обладает основным набором характеристик, позволяющих описать его жизненную стратегию, и, что еще важнее, его поведение может быть описано через жизненную стратегию»

[1, с. 134]. К. А. Альбуханова-Славская описывает жизненную стратегию как динамическое образование, которое подвержено постоянным изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов [2]. Стратегии жизни в качестве способа сознательного планирования будущего в рамках ориентирования личности в пространстве жизненных событий рассматриваются в концепции Т. Е. Резник и Ю. М. Резник. Базовыми ориентациями, по мнению исследователей, являются образ жизни и ее смысл, ценности и нормы, которые формируют определенный тип социальной активности и стратегий индивида – стратегию жизненного благополучия, жизненного успеха, самореализации [3]. В дальнейшем Ю. М. Резник и Е. А. Смирнов изучали теоретические и практические основания жизненного выбора индивидов в контексте поиска альтернативных вариантов стратегий жизни на основе системного подхода [4].

Концептуальные основы исследования жизненных стратегий определены с учетом междисциплинарного подхода, что позволит выявить различные факторы их формирования в контексте социально-демографических и возрастных характеристик различных групп молодежи, проживающих на селе.

В классической социологии отсутствует прямое обращение к понятию «жизненные стратегии» (скорее рассматривается жизненное, стратегическое самоопределение индивида в различных формах и проявлениях через анализ деятельности акторов, дискурсивности, практико-ориентированных составляющих, рефлексивности и других направлений).

Э. Гидденс определяет стратегическое поведение через образ действия актора, которое отличается дискурсивностью, ориентацией на практику, рефлексивностью [5, с. 394].

В социологической науке концепт «стратегии жизни» исследовался в контексте разных парадигмальных подходов: структурно-функционального (Т. Парсонс, Р. Мертон, Б. Малиновский), феноменологического в рамках субъективного и интерсубъективного поведения индивидов (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), стратегического действия и взаимодействия (М. Вебер, И. Годзман), символического интеракционизма при конструировании индивидами жизненной ситуации (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули), интегративного в контексте стратегического поведения индивидов в определенных социальных и культурных условиях (П. Бурдье, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, П. Штомпка).

В российской и белорусской социологии следует выделить методики изучения стратегического поведения личности, которые применимы к изучению жизненных стратегий молодежи. Среди них особого внимания заслуживает методика диспозиционной регуляции социального поведения личности, разработанная известным российским социологом, доктором философских наук, профессором В. А. Ядовым. Она направлена на выявление организационных аспектов социального поступка активно действующего субъекта в контексте всей диспозиционной системы личности.

Методика целенаправленного поведения личности в контексте социального и индивидуального жизненного ресурса с выделением стадий становления и развития жизненных стратегий в переходном обществе предложена Н. Ф. Наумовой – ведущим научным сотрудником Института системного анализа РАН [6].

Можно выделить также методику изучения социальных идеалов и жизненных планов молодежи, разработанную российским социологом белорусского происхождения, специалистом в области социологии молодежи, доктором философских наук, профессором В. Т. Лисовским.

Жизненные планы молодежи как субъективного фактора общественного также изучались по адаптированной методике учеными Уральского государственного университета им. А. М. Горького М. Н. Руткевич, Ю. Р. Вишневским, Н. А. Степановой В. Г. Мордкович, Ф. Р. Филипповым [7].

Следует отметить также методику измерения социальных ценностей и ориентаций, формирующихся двумя путями: институционально (сверху) и субстанциально (снизу), предложенную российским социологом, доктором философских наук, членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным. Среди базовых ценностей он выделял три культурно-различных типа: традиционный, общечеловеческий, современный [8, с. 47–48].

Отдельного внимания заслуживает анализ молодежи как особой социальной группы в контексте ее жизненных планов и ориентаций. В данном ключе выделяется обзор теорий молодежи в русле междисциплинарного анализа, проведенного В. А. Луковым [9].

Анализ результатов исследования жизненных стратегий молодежи показал, что в рамках каждого исследования интерес ученых сфокусирован на отдельной составляющей стратегии. Так, анализ жизненных планов российской молодежи, ее образовательных и профессиональных ориентаций представлен в работах Е. И. Головаха, В. Н. Шубкина, Г. А. Чередниченко; социальной активности – А. С. Капто, В. Г. Мордковича, жизненных ресурсов белорусской молодежи – О. Г. Ксенды, А. Н. Данилова и др.; анализ формирования идеалов, ценностей, интересов молодежи проводился российскими учеными Н. М. Блиновым, И. М. Слепенковым, а также белорусскими учеными Е. М. Бабосовым, В. И. Русецкой и др. При анализе жизненных стратегий молодежи применение междисциплинарного подхода позволит учесть различные факторы их формирования: социально-экономические, социокультурные, психологические.

Теоретический концепт понятия «жизненные стратегии», преобразованный в социологическую модель исследования, позволил выделить соответствующие индикативы системы жизненного ориентирования личности в трех основных признаках:

1) сознательное конструирование индивидом собственной жизни в единстве личной, социальной, экономической, культурной составляющих с выбором главных целей и задач, этапов их реализации;

2) способы решения индивидом противоречий, изменение условий и жизненных ситуаций с целью достижения поставленных целей и задач на основе индивидуальных возможностей, ценностных ориентаций, соотнесения собственных притязаний индивида с требованиями общества;

3) степень удовлетворенности жизнью, оценка перспектив в контексте реализации жизненных стратегий и соотнесения с принятым образом жизни.

Под жизненными стратегиями понимается сознательное конструирование индивидом своего жизненного пути с выбором направлений развития и средств достижения поставленных целей с учетом индивидуальных планов, жизненных ориентиров и ценностей. Соответственно, жизненные стратегии выступают в качестве модели индивидуально-личностного характера, объединяющей в себе систему целей, задач, приоритетов и ориентиров в различных сферах жизнедеятельности индивида.

На основе обзора различных концепций жизненные стратегии можно определить как выбор человеком способов жизненного самоопределения и самореализации, воплощенных в моделях индивидуально-личностного характера, которые представляют собой систему целей и задач в различных сферах жизнедеятельности индивида, а также выбранные способы достижения и реализации поставленных целей как смысложизненных ориентиров конкретного человека с учетом индивидуальных возможностей и приоритетов в единстве социальной, экономической, культурной составляющих.

В структуре жизненных стратегий сельской молодежи выделены следующие элементы: жизненные планы и ориентации, направления развития, способы и инструменты достижения целей, факторы успешности, мотивации, прогнозные оценки, социальная адаптация.

Наиболее значимые направления жизнедеятельности индивида формируются в соответствии с доминирующими жизненными стратегиями, на основе которых он строит стратегию настоящей и будущей жизни, выбирая конкретные формы и способы самореализации.

Для анализа жизненных планов и ориентаций сельской молодежи как особой социально-демографической группы существенное значение имеет выявление уровня ее региональной идентичности. Региональная идентичность определяется как самоотнесение индивида к территории проживания, включающее отождествление себя с определенным местом, его образом и людьми, его населяющими (когнитивный компонент); эмоциональное отношение, чувство места (эмоциональный компонент); привязанность к месту, удовлетворенность им, его символическую значимость (ценностный компонент).

Для выявления различных направлений и способов самоопределения молодежи важно произвести типологию жизненных стратегий. Типология жизненных стратегий – это различные направления и способы самоопределения и самореализации индивида в различных видах деятельности в соответствии со стратегическим видением собственных перспектив, планов, мотивов, целевых установок, наличием потенциала.

Таким образом, в классической социологии отсутствует прямое обращение к понятию «жизненные стратегии», однако существуют различные подходы, раскрывающие жизненное, стратегическое самоопределение индивида в различных формах и проявлениях через анализ деятельности акторов, дискурсивности, практико-ориентированных составляющих, рефлексивности и других направлений.

Для теоретического и эмпирического анализа были выделены следующие типы жизненных стратегий сельской молодежи: стратегии в сфере профессиональной самореализации; стратегии потребления, социально-культурные и досуговые стратеги, социально-экономические стратегии.

На основе анализа различных подходов к изучению жизненных стратегий была разработана интегральная теоретическая модель исследования, в основе которой теории жизненных стратегий, системно-деятельностный, сценарный подход; методы управления региональным развитием: стратегическое планирование, проектный подход.

Интегральная модель анализа жизненных стратегий сельской молодежи направлена на выявление основных факторов, влияющих на формирование и реализацию различных стратегий (социально-экономических, социально-культурных и досуговых, потребительских, стратегий профессиональной самореализации) в контексте ценностных ориентаций молодежи, потребностей и перспектив развития сельских территорий.

В основе концептуальной модели эмпирического анализа жизненных стратегий сельской молодежи лежит анализ следующих компонентов:

социально-экономические стратегии раскрываются через понятия: социально-классовая идентичность, принадлежность к определенной страте, уровень и источники дохода, ценности и потребности индивида, финансовая грамотность, экономическое поведение, экономическая целесообразность и др.;

социально-культурные стратегии изучаются через компоненты анализа: потребности и интересы, ценности, предпочитаемые виды досуга, частота посещения культурно-досуговых мероприятий, уровень дохода, развитие социальной инфраструктуры и др.;

стратегии профессиональной самореализации исследуются на основе анализа профессиональной идентичности, профессиональной культуры, мотивации, профессиональной самоосознанности, интегрированности и др.;

в основе анализа стратегий потребления – уровень и источники дохода, тип занятости, сис-

тема ценностей, спрос и потребление на рынке товаров рнятости, сис -з

включенности молодежи в социально-культурную жизнь региона. Основные направления анализа: уровень социально-культурной инфраструктуры региона (экономический, социальный, культурный контекст); динамика развития и востребованность учреждений культуры в регионах; образование в сфере культуры; защита культурного наследия; развитие социально-культурных услуг населению; взаимосвязь национальной, региональной, местной системы культуры; культурный и творческий экспорт; социокультурное многообразие и разнообразие форм культурного самовыражения и др.

Профессиональная самореализация также исследуется с учетом развитости инфраструктуры, доступности учреждений общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего и послевузовского образования. Нельзя не учитывать возможность получения дополнительного образования детей, молодежи и взрослых по месту жительства. Очевидно, что профессиональный и образовательный выбор молодых сельчан формируется в зависимости от установок на личные достижения в профессии (уровень заработной платы, условия труда, престиж, управленческие задачи и др.).

В современных социально-экономических и культурных условиях функционирования белорусского села процессы формирования жизненных стратегий сельской молодежи приобретают качественно новые характеристики и возможности. Наряду с изучением различных типов жизненных стратегий молодежи назревает необходимость разработки системы показателей оценки и эффективности функционирования сферы экономики, культуры, образования, здравоохранения (в том числе организаций) как в целом по республике, так и в сельских регионах. Существенный вклад в этом направлении могут внести междисциплинарные и прикладные исследования, исходя из мнений местного населения, на основе которых разрабатываются адресные практические рекомендации с учетом выявленной специфики и ресурсов региона.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках НИР «Особенности формирования и реализации жизненных стратегий сельской молодежи Беларуси: социологический анализ» (договор на выполнение научно-исследовательской работы БРФФИ № Г21-094 от 01.07.2021 г.).

Acknowledgments. The article was prepared as part of the research work “Peculiarities of the formation and implementation of life strategies of rural youth in Belarus: a sociological analysis” (contract for the implementation of research work by the Belarusian Republican Foundation for Basic Research № G21-094 of 01.07.2021).

Список использованных источников

1. Лапыгин, В. Л. Изучение жизненных стратегий в контексте теории социального действия [Электронный ресурс] / В. Л. Лапыгин // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2016. – № 2 (4). – С. 133–137.

2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.

3. Резник, Т. Е. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник. – М. : [б. и.], 1995. – 69 с.

4. Резник, Ю. М. Жизненные стратегии личности: (опыт комплексного анализа) / Ю. М. Резник, Е. А. Смирнов. – М. : Независимый ин-т гражд. о-ва, 2002. – 259 с.

5. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структурации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Акад. проект, 2015. – 528 с.

6. Наумова, Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социол. журн. – 1995. – № 2. – С. 5–22.

7. Жизненные планы молодежи : сб. ст. / отв. ред. Н. Руткевич. – Свердловск : [б. и.], 1966. – 245 с. – (Социологические исследования / Урал. гос. ун-т ; вып. 1).

8. Минигалин, М. М. Базовые ценности современной России: философская рефлексия / М. М. Минигалин // Вестн. Рос. филос. о-ва. – 2010. – № 4 (56). – С. 46–51.

9. Луков, В. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ / В. А. Луков. – М. : Канон+, 2012. – 527 с.

10. Луценко, Е. В. Количественный автоматизированный SWOT- и PEST-анализ средствами АСК-анализа и интеллектуальной системы «Эйдос-Х++» [Электронный ресурс] // Науч. журн. КубГАУ. – 2014. – № 101 (07). – Режим доступа: http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/90.pdf. – Дата доступа: 10.12.2022.

11. Пастухова, В. В. Использование SWOT-анализа в процессе выбора глобальной стратегии предприятия : практ. пособие / В. В. Пастухова. – Донецк : Донец. торговый дом «Донбасс», 2000. – 74 с.

12. Воронина, В. М. SWOT-анализ как современный инструмент исследования в целях антикризисного управления предприятием / В. М. Воронина, Д. В. Кокарев // Практ. маркетинг. – 2005. – № 3 (97). – С. 6–14.

13. Гвозденко, В. Н. Использование методики многофакторного SWOT-анализа для разработки стратегических направлений деятельности / В. Н. Гвозденко // Маркетинг и маркетинговые исслед. – 2006. – № 4 (64). – С. 316–322.

References

1. Lapygin V. Studying life strategies in the context of social action theory. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie = RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, 2016, no. 2 (4) pp. 133–137 (in Russian).

2. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Life strategy.* Moscow, Mysl' Publ., 1991. 299 p. (in Russian).

3. Reznik T. E., Reznik Yu. M. *Life strategies of personality: search for alternatives.* Moscow, 1995. 69 p. (in Russian).

4. Reznik Yu. M., Smirnov E. A. *Life strategies of the personality: (an experience of a complex analysis).* Moscow, Independent Institute for Civil Society, 2002. 259 p. (in Russian).

5. Giddens A. *The constitution of society: outline of the theory of structuration.* Oxford, John Wiley & Sons, 2013. 438 p.

6. Naumova N. F. Life strategy of a person in a transitional society. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1995, no. 2, pp. 5–22 (in Russian).

7. Rutkevich M. N. (ed.). *The life plans of youth: sbornik statei.* Sverdlovsk, 1966. 245 p. (in Russian).

8. Minigalin M. M. Basic values of modern Russia: philosophical reflection. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 2010, no. 4 (56), pp. 46–51 (in Russian).

9. Lukov V. A. *Theories of youth: interdisciplinary analysis.* Moscow, Kanon+ Publ., 2012. 527 p. (in Russian).

10. Lutsenko E. V. Quantitative automated SWOT and PEST analysis using ASC-analysis and "Eidos X++" intelligent systems. *Nauchnyi zhurnal KuBGAU = Scientific Journal of KubSAU*, 2014, no. 101 (07). Available at: http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/90.pdf (accessed 10.12.2022) (in Russian).

11. Pastukhova V. V. *Using SWOT analysis in the process of choosing a global enterprise strategy: a practical guide.* Donetsk, Donbass Publ., 2000. 74 p. (in Russian).

12. Voronina V. M., Kokarev D. V. SWOT-analysis as a modern research tool for anti-crisis management of an enterprise. *Prakticheskii marketing = Ptactical Marketing*, 2005, no. 3 (97), pp. 6–14 (in Russian).

13. Gvozdenko V. N. Using the methodology of multivariate SWOT analysis to develop strategic directions of activity. *Marketing i marketingovye issledovaniya* [Marketing and Marketing Research], 2006, no. 4 (64), pp. 316–322 (in Russian).

Информация об авторе

Балич Наталья Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом региональной социологии. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: n.balich@mail.ru

Information about the author

Natallia L. Balich – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Department of regional sociology. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: n.balich@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 327 (476:4-470)”1921/1931”
http://doi.org/10/29235/2524-2369-2023-68-2-112-122

Паступіў у рэдакцыю 21.02.2022
Received 21.02.2022

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ПЫТАННЕ АДКРЫЦЦЯ ТРАНЗІТУ ПА р. НЁМАН У СІСТЭМЕ САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН (1921–1931 гг.)

Аннотация. Рассматривается вопрос открытия транзита по р. Неман в период советско-польских отношений 1920-х гг., который осложнялся напряженными польско-литовскими взаимоотношениями из-за неурегулированных территориальных споров между сторонами. Организация свободного транзита по р. Неман имела важное значение для налаживания выгодных торговых отношений между Польшей и РСФСР. Политические и экономические взаимоотношения советских республик значительно усложнялись из-за неопределенного статуса р. Неман: объявление р. Неман международной рекой от г. Гродно до устья позволяло западным государствам вмешиваться во внутренние дела Литвы и связывать Польшу с Мемелем независимо от реализации плана Гиманса. Подписание Рижского мирного договора и начало новой экономической политики стали отправной точкой в постепенном процессе перехода к реальной оценке международного положения, но внешнеполитические действия Советского государства по-прежнему имели противоречивый характер. Неопределенный статус спорных территорий повысил уровень конфликтности в регионе. Предъявление СССР польскому руководству новых требований, касающихся сплава древесины по р. Неман, не привело к желаемым результатам. Ни польско-литовские переговоры в сентябре-октябре 1925 г., ни советско-литовские встречи в ноябре-декабре 1925 г. не прояснили вопрос о сплаве древесины по р. Неман.

Ключевые слова: советско-польские отношения, польско-литовский конфликт, интернационализация, сплав древесины, транзит

Для цитирования: Бароўская, В. М. Пытанне адкрыцця транзіту па р. Нёман у сістэме савецка-польскіх адносін (1921–1931 гг.) / В. М. Бароўская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 112–122. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-112-122

Volha N. Borovskaya

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE ISSUE OF OPENING TRANSIT ALONG THE RIVER NEMAN IN THE SYSTEM OF SOVIET-POLISH RELATIONS (1921–1931)

Abstract. The article draws attention to the issue of opening transit along the river the Neman in Soviet-Polish relations 1921–1931. The solution of the issue was complicated by tense Polish-Lithuanian relations due to the unresolved territorial disputes between the parties. Organization of free transit along the river the Neman was important not only for establishing favorable trade relations between Poland and the Soviet state. The political and economic interests of the Soviet republics were significantly complicated by the uncertain status of the Neman: its declaration as an international river from Grodno to the mouth allowed Western states to interfere in the internal affairs of Lithuania and link Poland with Memel, regardless of the implementation of the Hymans plan. The signing of the Riga Peace Treaty and the beginning of the New Economic Policy became the starting point in a gradual process of transition from a real assessment of the international situation, but the foreign policy actions of the Soviet state were, as before, contradictory. The unresolved status of the disputed territories was added, which increased the level of conflict in the region. The nomination of the USSR of new requirements to the Polish leadership on the passage of wood along the river Neman did not lead desired results. Neither the Polish-Lithuanian negotiations in September-October 1925, nor the Soviet-Lithuanian meeting in November-December 1925 changed the case of timber rafting along the Neman.

Keywords: Soviet-Polish relations, Polish-Lithuanian conflict, internationalization, wood alloy, transit

© Бароўская В. М., 2023

For citation. Borovskaya O. N. The issue of opening transit along the river Neman in the system of Soviet-Polish relations (1921–1931). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 112–122 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-112-122

Уводзіны. Міжнародная палітыка Савецкай дзяржавы і Польшчы, якая датычылася Прыбалтыкі ў 1920-х гг., была цесна звязана з вырашэннем тэрытарыяльных спрэчак аб прыналежнасці Віленскай і Мемельскай абласцей, інтэрнацыяналізацыяй р. Нёман. Значны інтарэс для савецкага кіраўніцтва ўяўляў паўночны ўсход Цэнтральнай Еўропы ў сувязі з канфліктамі паміж Літвой і Польшчай, у якія былі ўцягнуты Германія і заходнія дзяржавы. Польска-літоўскі тэрытарыяльны канфлікт з'явіўся амаль не апошняй прычынай марнасці намаганняў Польшчы ў першай палове 1920-х гг. дзеля стварэння саюза Балтыйскіх дзяржаў. Але стварэнне палітычна-эканамічнага блока Літвы, Латвіі і Эстоніі, які засноўваўся б на падтрымцы Польшчы і Фінляндыі, з'яўлялася задачай польскай палітыкі і ў канцы 1920-х гг. Аднак ліквідацыя канфлікту з Літвой цяпер усведамлялася як папярэдняя ўмова вырашэння гэтай задачы. Віленшчына, Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна як бы ствараліна ўсходзе "пояс бяспекі" для важнейшых польскіх эканамічных, культурных і палітычных цэнтраў, аддаляючы іх ад мяжы магчымага ўварвання праціўніка. Віленшчына з дапамогай Польшчы размяжоўвала Германію і Расію – дзве антыверсальскія дзяржавы, якія ствараліна аснове сваёй палітыкі сітуацыю антыпольскіх геапалітычных ціскоў.

Гістарыяграфія савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду пачалася яшчэ ў 1920-я гг., калі былі надрукаваны першыя працы, якія датычыліся гэтай праблемы [1–3]. Гэтыя працы, як і наступныя савецкія публікацыі 1920–1930-х гг. аб палітыцы СССР у адносінах заходніх суседзяў, мелі палемічны характар. У савецкай гістарычнай навуцы як міжваеннага, так і пасляваеннага часу Польшча ўяўлялася як дзяржава, якая мае агрэсіўныя памкненні супраць Савецкай дзяржавы, гатовая захапіць савецкія рэспублікі Беларусь і Украіну. У працах савецкіх гісторыкаў кіруючыя колы Польшчы абвінавачваліся ў жаданні стварыць антысавецкі блок уздоўж заходніх меж СССР, невыкананні асноўных палажэнняў Рыжскага дагавора. У 1950-я гг. пытанне савецка-польскіх адносін разглядалася па-ранейшаму з класавых пазіцый. Ф. Г. Зуеў і яго калегі лічылі арганізатарамі польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. заходнія дзяржавы, а дзеянні Польшчы і "белага руху" вывучалі ў рамках "трэцяга паходу Антанты", звяртаючы ўвагу на супярэчнасці паміж Вялікабрытаніяй, Францыяй і Польшчай, якія датычацца яе меж [4–5]. Гісторыкі пазітыўна ацэньвалі саветызацыю Польшчы ў выпадку перамогі Савецкіх рэспублік, разглядалі мэты ўсходняй палітыкі Ю. Пілсудскага ў рэчышчы антысавецкіх планаў Антанты і інтарэсаў польскага памешчыцкага землеўладання ў былых усходніх землях Рэчы Паспалітай.

У 1960-я гг. у навуковы ўжытак былі ўведзены новыя крыніцы па гісторыі польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. П. Н. Альшанскі, паважаючы ацэнкі 1950-х гг., прывёў раней невядомыя матэрыялы аб ваенных дзеяннях і палітычным баку савецка-польскіх адносін 1918–1921 гг., а таксама аб пазіцыі краін Антанты, якія ўлічвалі пры рашэнні пытання ўсходняй польскай мяжы этнаграфічныя і эканоміка-геаграфічныя фактары [6].

У польскай гістарыяграфіі ў міжваенны перыяд сфарміравалася канцэпцыя "двух ворагаў", у рамках якой РСФСР (СССР) і Германія разглядаліся як непрымірымыя сапернікі Польшчы на міжнароднай арэне, якія трымаюць Польскую дзяржаву ў "геапалітычных ціскách". Працы ў асноўным мелі палемічны характар, пытанне не ставілася аб уваходжанні ў склад Польскай дзяржавы ўкраінскіх, беларускіх і літоўскіх зямель. Гісторыкі і палітыкі пісалі, што заходнія дзяржавы заплацілі Польшчы пры вырашэнні праблемы яе меж недастаткова высокую цану [7]. Наадварот, М. Бабжынскі [8] крытыкаваў канцэпцыю нацыянал-дэмакратаў, паколькі ў яе аснове тэрытарыяльнага размежавання знаходзіўся этнічны прынцып, што ў выніку прывяло да страты Польшчай часткі зямель на ўсходзе, якія ўваходзілі ў склад Рэчы Паспалітай да яе падзелаў у XVIII ст. У перыяд да дзяржаўнага перавароту 1926 г. у працах польскіх гісторыкаў канкурыравалі як канцэпцыя інкарпарацыі эндэкаў, якія выступалі за незалежнасць Польшчы ў межах яе другога падзелу, так і погляды прыхільнікаў Ю. Пілсудскага па стварэнні федэратыўнай Польшчы.

Польскія гісторыкі, якія працавалі ў часы існавання Польскай Народнай Рэспублікі (ПНР), у сваіх ацэнках развіцця савецка-польскіх адносін паўтаралі вывады савецкай гістарыяграфіі. Такія даследчыкі, як В. Гастынская [9], А. Дзяруга [10], Е. Куманецкі [11], П. Ласоўскі [12], В. Матэрскі [13] пісалі аб характары савецка-польскіх адносін пасля стварэння Польскай дзяржавы, аб выніках польска-савецкай вайны 1919–1921 гг., тэрытарыяльных праблемах, якія ўзніклі і па віне польскага боку. Яны адзначалі супярэчлівы характар польскай знешняй палітыкі: імкненне да захопу тэрыторый на ўсходзе і абарончую пазіцыю ў пытанні аб звароце заходніх польскіх зямель. Афіцыйная гістарыяграфія ПНР не выступала супраць магчымай саветызацыі краіны ў 1920 г. і рэвалюцыйных планаў СССР у 1923 г.

На мяжы 1980–1990-х гг. пачынаецца новы этап у развіцці гістарыяграфіі праблемы. У сувязі з адкрыццём доступу да масіву архіўных дакументаў аб знешняй палітыцы Савецкай Расіі (СССР) з новых пазіцый разгарнуліся дыскусіі аб польска-савецкай вайне 1919–1921 гг. Так, І. У. Міхуціна [14] тлумачыць канфлікт паміж савецкімі рэспублікамі, Польшчай і Літвой тым, што ў польскай грамадскай думцы існавала ўпэўненасць, што польскі бок зможа набыць былую магутнасць і супрацьстаяць Германіі і Расіі пры ўмове ўключэння ў яе склад значных тэрыторый на ўсходзе. Гісторык звяртае ўвагу на планы Ю. Пілсудскага стварыць з нацыянальных ускраін былой Расійскай імперыі федэрацыю пад польскім пачаткам.

Геапалітычную пераемнасць палітыкі Савецкай Расіі ў адносінах да суседніх заходніх дзяржаў і параўнальна малы ўплыў на яе ідэалогію падкрэсліваюць сёння шматлікія гісторыкі. У зборніку артыкулаў расійскіх і замежных вучоных [15] даследуюцца суадносіны ў знешняй палітыцы СССР канцэпцый сусветнай рэвалюцыі і рэальнай палітыкі. Так, В. А. Шышкін аналізуе сувязі Савецкай Расіі з іншымі дзяржавамі ў 1920-я гг. [16]. На яго думку, галоўным для паслярэвалюцыйнай Расіі было імкненне забяспечыць нацыянальныя і геапалітычныя інтарэсы краіны і яе беспеку. Адлюстравана пераемнасць нацыянальнай і геапалітычнай традыцыі ў палітыцы Расіі, але без уліку намераў лідараў РКП(б) і Камінтэрна ажыццявіць на практыцы канцэпцыю сусветнай рэвалюцыі. В. А. Зубачэўскі дэманструе пераемнасць расійскай нацыянальнай і геапалітычнай традыцый у розныя адрэзкі часу [17–18]. А. В. Бабенка [19] лічыць, што савецкім кіраўніцтвам яшчэ ў 1922 г. у якасці галоўнай задачы быў вызначаны курс на дасягненне статусу вялікай дзяржавы, дзеля чаго патрабавалася вярнуць землі, страчаныя ва Усходняй Еўропе. Пры гэтым адзначаная палітыка не адрознівалася планамернасцю і прадказальнасцю. Беларускае пытанне ў савецка-польскіх адносінах як асобны прадмет даследавання разглядаецца ў працах Ю. А. Барысёнка [20]. Аўтар сцвярджае, што беларускую праблематыку спрабавалі выкарыстоўваць на сваю карысць як савецкі, так і польскі бакі, аднак савецкаму кіраўніцтву ўдалося перайсці ад метафарычных установак на ўзровень дзяржаватворчасці. Беларуская гістарыяграфія па праблеме прадстаўлена ў працах М. М. Мязгі [21–22], Р. Р. Лазько [23], В. Цынкевіча [24].

Новыя ўмовы для даследавання праблемы з'явіліся пасля заканчэння "халоднай вайны" і змянення геапалітычнай сітуацыі ў Еўропе, на змену пераадоленым фальсіфікацыям прыйшлі міфы даваенных гадоў. Пацвярджэннем гэтаму сталі матэрыялы канферэнцыі ў Варшаве (1990 г.), прысвечанай польска-савецкай вайне 1919–1921 гг. [25]. Варта звярнуць увагу на матэрыялы Е. Бальцэрака, які апраўдваў палітыку Польшчы ў адносінах да Беларусі, Літвы і Украіны, абвінавачваючы Савецкую Расію ў экспансіянізме на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы. Польскія гісторыкі ўвялі ў навуковы ўжытак цалкам ідэалагічны тэрмін "польска-бальшавіцкая вайна", з дапамогай якога апраўдваюць палітыку ўключэння беларускіх і літоўскіх зямель у склад Польшчы, растлумачваючы планы Ю. Пілсудскага гісторыка-геапалітычнымі і культурна-цывілізацыйнымі фактарамі.

Нягледзячы на наяўнасць значных напрацовак па гісторыі савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду, існуе неабходнасць далейшага вывучэння праблемы на аснове новых архіўных матэрыялаў, выдзяляючы больш дробныя сюжэты, такія, як, напрыклад, пытанне інтэрнацыяналізацыі р. Нёман. Арганізацыя свабоднага транзіту па р. Нёман мела вельмі важнае значэнне не толькі для наладжвання спрыяльных гандлёвых адносін паміж Польшчай і РСФСР, але і для сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця тэрыторыі Беларусі. Тэрытарыяльная спрэчка паміж Польшчай і Літвой негатыўна ўплывала на становішча на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы, павышаючы напружанасць у савецка-польскіх адносінах.

Асноўная частка. Створаная палякамі на тэрыторыі Віленшчыны Сярэдняя Літва і Літва падпісалі пры пасрэдніцтве Лігі Нацый у лістападзе 1920 г. перамір'е, згодна з якім паміж імі была створана нейтральная зона. У снежні літоўскі бок прапанаваў Польшчы свабодны транзіт да мора па р. Нёман у абмен на зварот Віленшчыны, але польскі бок лічыў, што прэлімінарны мір з Савецкай Расіяй 12 кастрычніка 1920 г. анулюе савецка-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г., таму пытанне аб прыналежнасці Вільні і Гродна заставалася адкрытым. Раней Савет Лігі Нацый прапанаваў правесці на спрэчных землях плебісцыт пры зніжэнні колькасці войск Л. Жэлігоўскага, але Каўнас адмовіўся, прапаноўваючы ў студзені 1921 г. перанесці разгляд спрэчнага пытання на канферэнцыю ў Лондане. У лютым 1921 г. Г. В. Чычэрын пісаў, што часовая адмова Антанты прызнаць дэ-юрэ Літву ёсць спосаб прымусіць яе трымацца больш варожай лініі супраць Савецкай Расіі, таму Літве неабходна дыпламатычная дапамога з савецкага боку для падмацавання яе "спіннога хрыбта" [26, арк. 88, 89].

Польска-літоўскі канфлікт імкнуліся вырашыць структуры Антанты і Лігі Нацый. У 1921 г. пад эгідай Лігі Нацый і старшынством міністра замежных спраў Бельгіі П. Гіманса адбыліся перагаворы Польшчы і Літвы аб стварэнні "бікантанальнай" польска-літоўскай дзяржавы. Па меркаванні апошняга, штучна створаныя калідоры, якія існавалі паміж Расіяй і Польшчай, павінны быць ліквідаваны. У верасні Народны камісарыят замежных спраў (НКЗС) РСФСР указаў Літве, а затым і Польшчы: план Гіманса накіраваны на мінімізацыю незалежнасці Літвы, не ўзгоднены з Рыжскім дагаворам і садзейнічае жаданню Францыі "аб'яднаць усе акаляючыя заходнія межы савецкіх рэспублік дзяржавы" [27, с. 338–339, 521]. Урад Літвы хацеў прыняць план Гіманса, але ў снежні 1921 г. у сувязі з антыпольскімі настроямі ў грамадстве і арміі сейм гэты план адхіліў [28, арк. 9, 10]. У студзені 1922 г. адбыліся байкатаваныя літоўцамі, беларусамі, яўрэямі выбары ў Віленскі сейм: яго дэпутаты абвясцілі Віленшчыну "неад'емнай часткай Польшчы", падзякаваўшы Ю. Пілсудскаму за вызваленне ад "іншаземнага іга" [29, арк. 9–10]. Польскі сейм ратыфікаваў гэту пастанову. Вялікабрытанія і Францыя не лічылі, што парламенцкія выбары вырашылі віленскую праблему, але гатовы былі змяніць палітыку ў гэтым пытанні ў абмен на падтрымку Польшчай лініі Захаду на Генуэзскай канферэнцыі. Прадстаўнікі Літвы заяўлялі ў Генуі: літоўскія межы ўсталяваў дагавор з Савецкай Расіяй ад 12 ліпеня 1920 г., а паміж Польшчай і Літвой захоўваецца ваеннае становішча [30, арк. 6].

Супярэчнасці ва ўзаемаадносінах Польшчы і Літвы савецкае кіраўніцтва выкарыстоўвала ў сваіх інтарэсах. Г. В. Чычэрын у канцы 1920 – пачатку 1921 г. абяцаў літоўскаму ўраду дыпламатычную дапамогу РСФСР у вырашэнні віленскага пытання, патрабуючы ўзамен гарантыі ад Літвы, што кіраўнік урада БНР В. Ю. Ластоўскі, які знаходзіўся на яе тэрыторыі, адмовіцца ад падрыўной працы супраць Савецкай Беларусі. У дэпешы Г. В. Чычэрына паўнамоцнаму прадстаўніку НКЗС у Коўне А. Е. Аксельроду ўказвалася: "Мы выкажам згоду аб накіраванні Літве ноты па пытанні Вільны, калі будзе адначасова вырашана справа з Ластоўскім. Абавязацельствы Літвы распаўсюджваюцца і на Савецкую Беларусь" [31, арк. 12–15]. У выніку літоўскі бок перастаў падтрымліваць беларускіх нацыянальных дзеячаў і іх антыбальшавіцкую дзейнасць [32, арк. 10, 11, 13, 16]. Літоўскія ўлады, зацікаўленыя ў падтрымцы Савецкай Расіі ў спрэчках з Польшчай, не адразу, але ўсё ж такі прымусілі В. Ю. Ластоўскага падпісаць адпаведны дакумент, у якім старшыня Рады Народных Міністраў БНР прызнаў легітымнасць БССР. Літва таксама была не зацікаўлена ў страце саюзніка ў барацьбе з Польшчай. Таму вырашэнне справы зацягнулася са студзеня па люты 1921 г. Аднак адкрытае ўмяшанне ў віленскую праблему Лігі Нацый, адкрыццё польска-літоўскіх перагавораў у Бруселі з красавіка 1921 г., прыняцце рашэння Віленскім сеймам 20 лютага 1921 г. аб уключэнні тэрыторыі Сярэдняй Літвы ў склад Польшчы знізілі зацікаўленасць літоўскага боку ў беларускіх прадстаўніках.

Савецкае кіраўніцтва звяртала ўвагу і на праблему Мемельскай вобласці. У НКЗС РСФСР лічылі, што Польшча зацікаўлена ў валоданні Мемелем, але больш усяго яна праяўляе цікавасць для Літвы. Праблема цесна звязана з Вільняй і Віленскім краем, атрыманне толькі адной спрэчнай вобласці не вырашыць да канца літоўскія эканамічныя пытанні [28, арк. 29]. У выніку Канферэнцыя паслоў пакінула горад пад кантролем Лігі Нацый, а пытанне Віленшчыны – адкрытым,

хоць урад РСФСР у снежні 1922 г. звяртаў увагу Антанты на сваю зацікаўленасць у Мемеле, які складаў прыродны рынак для рускага збыту [33, с. 110–111].

Палітычныя і эканамічныя інтарэсы савецкіх рэспублік значна пагаршаў нявызначаны статус р. Нёман: яго аб'яўленне міжнароднай ракой ад г. Гродна да вусця дазваляла заходнім дзяржавам умешвацца ва ўнутраныя справы Літвы і звязаць Польшчу з Мемелем незалежна ад ажыццяўлення плана Гіманса. Невыпадкова Канферэнцыя паслоў абяцала прызнаць Літву дэ-юрэ пры ўмове яе згоды з інтэрнацыяналізацыяй Нёмана, але літоўскі ўрад выступіў супраць гэтай прапановы. У выніку пагоршыліся адносіны Літвы з дзяржавамі Антанты, якія пагадзіліся на далучэнне Віленшчыны да Польшчы дэ-факта, што зменшыла польскі ціск на Каўнас [34, арк. 23].

Савецкі ўрад быў супраць вырашэння пытання аб Нёмане без удзелу РСФСР і БССР. Вясной 1922 г. Я. Х. Даўцян, паўнамоцны прадстаўнік РСФСР у Літве, прасіў літоўскі ўрад дазволіць транзітны сплаў рускага лесу па Нёмане, але высветлілася, што рака закрыта і для польскага, і для савецкага транзіту, паколькі Літва знаходзіцца ў стане вайны з Польшчай. Паўнамоцнае прадстаўніцтва РСФСР указала, што гэтыя дзеянні супярэчаць дагавору 12 ліпеня 1920 г., усклаўшы на яе адказнасць за панесеныя страты [35, арк. 19, 36, 40–42].

У маі 1922 г. адбыліся перагаворы паміж міністрам прамысловасці і гандлю Польшчы Г. Тэненбаумам і саветнікам паўнамоцнага прадстаўніцтва РСФСР у Варшаве Л. Л. Абаленскім па эканамічных пытаннях, у тым ліку адносна паставак (сплаву) драўніны і прадуктаў яе перапрацоўкі з тэрыторыі БССР у Польшчу па р. Нёман. Аднак польскі ўрад выказаўся катэгарычна супраць арганізацыі паставак лесу "праз літоўскую мяжу, матывуючы гэта тым, што ў месцы пропуску ўсталявана нейтральная зона, не можа адбывацца якіх-небудзь перамяшчэнняў, адсутнічаюць добрасуседскія адносіны паміж Польшчай і Літвой па віне апошняй" [36, арк. 13]. Напружанасць савецка-польскіх адносін у адзначаны перыяд праяўлялася і пры вырашэнні праблемы заключэння гандлёвага дагавора і ўсталявання спрыяльных эканамічных адносін. Нават транзіт драўніны па польскай тэрыторыі суправаджаўся шматлікімі складанасцямі. Польскі бок за правоз лесу і лесаматэрыялаў ад савецка-польскай мяжы (раён Стаўбцоў) і да Граева чыгункай патрабаваў выплату кампенсацыі графу Ю. Чапскаму (1896–1993) за вырубку лесу на яго радавых землях у Мінскім і Ігуменскім паветах [36, арк. 97–101].

У справаздачы І. С. Грэйзбарда, упаўнаважанага РСФСР па сплаву пры праўленні Аб'яднання экспартнай лясной прамысловасці Заходняга раёна "Захадалесу", ад 17 мая 1922 г. паведамлялася аб затрымцы справы па сплаву драўніны па прычыне маруднасці ў атрыманні дазволу ад польскага ўрада. Нават планавалася, што драўніна прыбудзе чыгуначным транзітам да Стаўбцоў, а пасля па Нёмане будзе сплаўляцца да Гродна, потым на Граева (зноў чыгункай) або будзе абраны маршрут Стаўбцы – Ваўкавыск – Беласток – Граева – Мемель і Кёнігсберг чыгункай [36, арк. 20–20 адв.]. І. С. Грэйзбард сцвярджаў, што "сплаў, які адбываецца на вельмі значныя адлегласці, на тэрыторыі трох дзяржаў, з рознымі нестабільнымі эканамічнымі, прававымі і фінансавымі ўмовамі не можа адрозніваца якімі-небудзь стабільнымі коштамі і дагаворамі" [36, арк. 46–47]. У шматлікай перапісцы паміж паўнамоцным прадстаўніцтвам РСФСР у Варшаве і НКЗС РСФСР Міністэрства замежных спраў (МЗС) Польшчы разглядаліся розныя шляхі дастаўкі беларускай драўніны. У выніку быў зменены канчатковы пункт дастаўкі з Мемеля на Данцыг. Транспарціроўка водным шляхам (па рэках) уступіла месца перамяшчэнню па чыгунцы.

30 чэрвеня 1922 г. Канферэнцыя паслоў краін Антанты прыняла рэзалюцыю па справе прызнання Літвы дэ-юрэ пры ўмове згоды з артыкуламі Версальскага трактата, якія датычыліся надання міжнароднага статусу для р. Нёман. У адказ літоўскі бок адмовіўся згадзіцца на прапанаваныя ўмовы. Галоўнымі прычынамі адмовы ўказваліся стан вайны паміж Польшчай і Літвой, невыкананне ўмоў Сувалкскага дагавора (лістапад 1920 г.) паміж бакамі, што рабіла свабодны транзіт на Нёмане небяспечнай справай. У сваю чаргу польскае кіраўніцтва ў інструкцыях да сваіх пасольстваў у Парыжы, Лондане, Рыме ад 8 верасня 1922 г. рэкамендавала ўсімі магчымымі сродкамі трансліраваць у прэсе і сярод афіцыйных прадстаўніцтваў краін Антанты сам факт недапушчальнасці літоўскіх паводзін, якія дыктуюць якія-небудзь умовы Канферэнцыі паслоў [37, s. 63]. Нягледзячы на дэмарш з боку Польшчы, 22 снежня 1922 г. Вялікабрытанія, Францыя, Італія і Японія прызналі Літву дэ-юрэ.

Пачатак палітычнага крызісу ў Цэнтральнай Еўропе быў абумоўлены абвастрэннем міжнароднага становішча ў сувязі з акупацыяй франка-бельгійскімі войскамі Рурскай вобласці ў студзені 1923 г. Частка польскіх палітыкаў і ваенных лічыла магчымым сумеснае франка-польскае выступленне супраць Германіі, а Польшча тым часам, выкарыстоўваючы напружаную сітуацыю ў рэгіёне, дабілася ад Антанты 15 сакавіка прызнання свайго суверэнітэту над Усходняй Галіцыяй. Пасля гэтага польскі бок актывізаваўся супраць Германіі. У сакавіку 1923 г. кіраўнік польскага Генштаба генерал С. Галлер заклікаў распаўсюдзіць польскі ўплыў у Літве, баючыся, што руска-нямецкі ўплыў у Літве і Латвіі стане настолькі моцным, што яны страцяць незалежнасць, а таксама ўсходні калідор і Вільну [38, с. 31–33, 42–44]. Савецкае кіраўніцтва ўважліва сачыла за падрыхтоўкай Польшчы да магчымых акцый супраць Германіі. Сур'ёзна ўспрымаліся польскія планы ў адносінах Данцыга: яго стратэгічнае значэнне для Расіі прадэманстравала польска-савецкая вайна 1919–1921 гг., калі праз порт "вольнага горада" Антанта імкнулася забяспечваць Польшчу ўсім неабходным для вядзення ваенных дзеянняў. Тым часам польскія кіруючыя колы павялічвалі палітычны ціск на Данцыг: у красавіку прэм'ер-міністр У. Сікорскі і прэзідэнт С. Вайцэхоўскі ажыццявілі дэманстратыўныя паездкі ў Памор'е (Данцыгскі калідор).

У канцы мая да ўлады ў Польшчы прыйшла прафранцузская правацэнтрысцкая групоўка, якая сфарміравала кааліцыйны ўрад "Хьена" – "Пяст" на чале з В. Вітасам. Новыя ўлады актывізавалі палітыку супраць Германіі, Літвы і Данцыга, маючы надзеі на падтрымку Францыяй сваіх ваенных акцый. На ваенную акупацыю Данцыга Польшча не рашылася: яе эканоміка і фінансы знаходзіліся ў стане глыбокага крызісу, у краіне адбываліся рэвалюцыйныя выступленні рабочых, абвастралася нацыянальнае пытанне ва ўсходніх ваяводствах. Пагоршылася міжнароднае становішча Польшчы – палітыка Францыі ў Руры прывяла да расколу Антанты, змяніўшы суадносіны сіл у Еўропе на карысць Антанты, саперніцы анексіянісцкіх польскіх планаў у рэгіёне.

У кастрычніку 1923 г. Палітбюро ЦК РКП(б) накіравала ў Коўна, Рыгу і Варшаву В. Л. Копа з мэтай абследавання "даверaных яму паўнамоцных прадстаўніцваў" [39, арк. 163]. Асабліва важна было даведацца пра пазіцыю польскага ўрада, які лічыў, што паводзіны Савецкай Расіі адлюстроўваюць "канспіратыўную яе падрыхтоўку да ўзброенага ўмяшання на карысць германскай рэвалюцыі" [40, арк. 13]. Акрамя перагавораў з кіраўніцтвам польскага МЗС, член калегіі НКЗС шукаў магчымасць пропуску частак Чырвонай Арміі ў Германію праз Польшчу, абяцаючы апошняй "свабоду дзеянняў" ва Усходняй Прусіі. Аднак паколькі змяншалася вастрыня палітычнага крызісу ў Веймарскай рэспубліцы, гатоўнасць савецкага кіраўніцтва дапамагаць плануемай германскай рэвалюцыі шляхам уступак Польшчы за кошт Германіі знікала.

Акупацыя Францыяй Рура стварыла прэцэдэнт, які быў выкарыстаны Літвой для вырашэння праблемы Мемельскай вобласці, якую ў студзені 1923 г. занялі атрады літоўскіх "паўстанцаў". 28 лютага Г. В. Чычэрын у лісце да літоўскага пасла Ю. К. Балтрушайціса ўказваў, што для Германіі больш спрыяльна ўключэнне Мемеля ў склад Літвы, чым Польшчы. У сваю чаргу літоўскі пасол прасіў савецкага народнага камісара пасадзейнічаць паляпшэнню адносін паміж Літвой і Германіяй.

У лютым Канферэнцыя паслоў перадала суверэнітэт над Мемелем Літве, пачаліся перагаворы аб выкарыстанні порта іншымі краінамі. Прэм'ер-міністр Францыі Р. Пуанкарэ лічыў рашэнне Мемельскага пытання больш важным, чым Рурскага, паколькі ў магчымы польска-літоўскі канфлікт мог умяшацца СССР. Для савецкага ўрада галоўным у той час з'яўляўся ўлік яго інтарэсаў пры вырашэнні пытання аб Мемелі і суднаходстве па Нёмане [33, с. 205–206]. Цікавасць СССР да Мемеля ўзрасла пасля падпісання 1 чэрвеня германа-літоўскага гандлёвага дагавора, які прадугледжваў свабодны транзіт у трэцюю краіну.

За Мемель Польшча чакала больш значнай кампенсацыі, чым магчымае прадастаўленне ёй ільгот у порце. Яшчэ ў 1922 г. яна патрабавала замены на тэрыторыі Віленшчыны нейтральных палос на часовай дэмаркацыйнай лініі. Савет Лігі Нацый падзяліў 3 лютага 1923 г. буферную вобласць паміж Літвой і Польшчай. У размове Г. В. Чычэрына і Ю. К. Балтрушайціса 28 лютага 1923 г. літоўскі прадстаўнік указваў, што Польшча атрымоўвае чыгунку Вільна–Гродна, якая праходзіць па нейтральнай паласе. 1 сакавіка народны камісар замежных спраў заявіў польскаму

паверанаму ў Маскве, што ад захопу чыгункі можа скласціся ўяўленне аб стварэнні стратэгічных камунікацыйных ліній на выпадак наступлення на СССР [41, арк. 7].

У лютым – пачатку красавіка 1923 г. адбыўся абмен нотамі паміж СССР і Польшчай. У выніку МЗС Польшчы канстатавала, што атрыманне польскім бокам чыгуначнай лініі Варшава–Вільна ўпэўнівае польскі ўрад у тым, што пагроза ваенных канфліктаў на ўсходзе Еўропы канчаткова ліквідавана, а гэта адпавядае пажаданням СНК. 10 сакавіка Савет Міністраў Польшчы даў указанне міністру замежных спраў дабівацца ад Антанты згоды на канчатковае далучэнне да Польшчы Віленскага краю [38, с. 221–222]. 15 сакавіка Канферэнцыя паслоў пастанавіла пакласці ў аснову польска-літоўскай мяжы прызначаную Лігай Нацый дэмаркацыйную лінію. Нягледзячы на пратэсты Літвы, Савет Лігі Нацый пацвердзіў гэта рашэннне, якое СССР не прызнаў. Пасля вырашэння пытання аб Мемелі на карысць Літвы савецкі бок больш настойліва патрабаваў урэгуляваць транзіт па р. Нёман. Спачатку сплаву беларускага лесу супраціўляліся літоўскія лесапрамыслоўцы, якія баяліся канкурэнцыі. Але затым, па меркаванні В. Л. Копа, супраць транзіту магла выступіць Польшча, каб шантажыраваць Літву. Савецкі паўнамоцны прадстаўнік у Літве І. Л. Лорэнц пісаў В. Л. Копу: “У выпадку адкрыцця Нёмана для нас ён будзе адкрыты і для Польшчы, перагаворамі з Літвой аб сплаве па Нёмане становіцца пасрэднікам у гэтым пытанні паміж Літвой і Польшчай, што дазваляе выкарыстоўваць Літву супраць Польшчы” [41, арк. 115–116, 272].

13 ліпеня 1923 г. міністр замежных спраў Польшчы ў новай дырэктыве для паслоў у Францыі і Вялікабрытаніі адзначаў, што справу адкрыцця транзіту праз Літву і зняцце блакады на Нёмане неабходна прызнаць важнай і першачарговай. Неабходна патрабаваць ад Канферэнцыі паслоў, каб яна ўнесла ў канвенцыю па прызнанні Мемеля за літоўскім бокам патрабаванне аб зняцці блакады р. Нёман [42, s. 83–85].

На працягу ўсяго 1923 г. адносіны СССР і Літвы зведалі сур’ёзныя змены. Абвастрэнне міжнароднага становішча ў Еўропе і барацьба за ўладу ў польскіх кіруючых колах садзейнічалі, па меркаванні літоўскага боку, ажыццяўленню плана адрыву ад Польшчы ўсходніх крэсаў. У сакавіку 1923 г. у Берліне адбылася сустрэча літоўскага міністра замежных спраў Ю. Пурыцкіса з прадстаўнікамі нямецкіх і ўкраінскіх нацыяналістаў. Галоўнай тэмай стаў праект стварэння на тэрыторыі Літвы, Германіі, Чэхаславакіі, СССР партызанскіх баз, засноўваючыся на якіх, у Польшчы можна было б узняць паўстанне нацыянальных меншасцей. У выпадку поспеху Літоўская рэспубліка атрымоўвала Віленскі край, ствараліся Заходнеўкраінская і Заходнебеларуская дзяржавы. Зразумела, што сама ідэя была настолькі ўтапічная, што верагоднасць яе рэалізацыі на практыцы набліжалася да нуля. Пасля актывізацыі савецкіх намераў па дэстабілізацыі ўнутрыпалітычнай сітуацыі Германіі літоўскі бок пачаў схіляцца на карысць Польшчы. 25 мая Н. Плічэ паведаміў Я. С. Ганецкаму аб размове з кіраўнікамі “беларускіх партызан”, якія змагаліся пад кіраўніцтвам літоўскага камандавання з Польшчай. Літоўскі бок прыняў рашэнне аб раззбраенні гэтых сіл па абвінавачванні ў бальшавізме [41, арк. 421–422]. І. Л. Лорэнц заўважаў, што частка беларускіх нацыяналістаў збіраецца пераязджаць з Коўна ў Прагу, а гэта адарве іх ад антыпольскай працы [41, арк. 389].

6 лістапада 1923 г. польскі пасол у Лондане К. Скірмунт сустрэўся з намеснікам сакратара Форын Офіс Р. Лінсэем. Галоўная тэма сустрэчы – наладжванне спрыяльных польска-літоўскіх адносін. Польскі прадстаўнік адзначаў, што літоўскае кіраўніцтва ў справе вырашэння спрэчных пытанняў з Польшчай у першую чаргу разлічвае на дапамогу з боку СССР, “нават гатова ўвайсці ў склад Савецкай дзяржавы за яе згоду перадаць Віленшчыну Літве” [43, s. 148–149]. Падчас сустрэчы К. Скірмунта з лордам Р. Сэсілем англійскі бок рэкамендаваў Польшчы ў выпадку немагчымасці дасягнуць палітычнага кампрамісу спыніцца на пытаннях нармалізацыі эканамічных зносін. Тыя ж самыя парады атрымаў польскі пасол у Вялікабрытаніі і ад міністра замежных спраў лорда Д. Керзана. У канцы 1923 г. Вялікабрытанія прызнала часовае закрыццё польска-літоўскай мяжы, паколькі “ў яе ёсць больш значныя інтарэсы ў Польшчы, чым адкрыццё руху лесу на Нёмане” [41, арк. 342–343].

4 снежня 1923 г. В. Л. Коп паведамляў у Палітбюро ЦК РКП (б) аб магчымасці падпісання паміж СССР і Літвой двух дагавораў: аб транзіце і паміж генеральнымі штабамі, а таксама палітычнага

дагавора. Апошні прадугледжваў у выпадку польска-савецкай вайны сумесныя дзеянні ўзброеных сіл СССР і Літвы супраць Польшчы па ўзгодненаму генштабамі абедзвюх краін плану, а таксама перадачу вызваленай Віленшчыны Літве. У праекце пратакола да дагавора ўказвалася на неўмяшанне бакоў ва ўнутраныя справы Германіі, свабоду эканамічных зносін незалежна ад магчымых перамен у яе ўнутраным ладзе. Літва абяцала не парушаць тэрытарыяльнай цэласнасці Германіі і забяспечыць свабодны савецка-германскі транзіт пры любых палітычных умовах.

СССР узняў рад пытанняў, у прыватнасці, па аднаўленні перагавораў аб транзіце па Нёмане. Паколькі рака працякала па тэрыторыі акупіраванага Польшчай Віленскага краю, Літва забараніла транзіт па сваёй частцы Нёмана, што наносіла ўрон інтарэсам СССР. Пасля транзіт па Нёмане забараніла і Польшча. У лютым 1924 г. трэст “Захадалес” праз паўнамоцнае прадстаўніцтва ў Польшчы імкнуўся атрымаць дазвол на пропуск лесу праз польска-літоўскую мяжу. У выніку перапіскі знешнепалітычных ведамстваў стала зразумелым, што літоўскі бок дазваляе свабодны транзіт з СССР у Мемель, але Варшава абумоўлівае сплаў па Нёмане ўрэгуляваннем адносін з Літвой. НКЗС у сваім звароце да МЗС Польшчы пісаў, што прапанова польскага боку аб пропуску лесу ў напрамку Данцыга і Кёнігсберга, абыходзячы літоўскую тэрыторыю ў сувязі з занядбанасцю Аўгустоўскага канала і дарагоўлей фрахтаў, была непрымальная [44, арк. 125]. Упаўнаважаны па сплаву лесу пры УСНГ РСФСР І. С. Грэйзбард у верасні 1922 г. зазначаў, што амаль поўнае спыненне руху лесаматэрыялаў з дапамогай сплаву і выкарыстанне чыгуначнага транспарту абумоўлены тым, што водны шлях вельмі працяглы, умовы сплаву нявызначаныя ў сувязі з амаль поўным спыненнем сплаву за гады вайны і станам Аўгустоўскага канала, з-за чаго амаль прыпыніўся сплаў з багатага лесам басейна Нёмана [45, арк. 171–173].

Спрэчныя пытанні адносна статусу р. Нёман і Мемельскага порта стваралі складанасці ў арганізацыі савецкага транзіту. Вялікабрытанія і Францыя настойвалі на наданні міжнароднага характару Нёману і выказваліся супраць удзелу СССР у перагаворах аб лёсе Мемеля. Польшча, якая аб’явіла аб блакадзе Нёмана, тым самым пагоршыла эканамічны стан рэгіёна. Зацверджаны Саветам паслоў 13 сакавіка 1924 г. Мемельскі статус не задавольваў савецкі бок, але спробы адстаяць свае інтарэсы, а таксама суверэнныя правы Літвы былі безвыніковымі. Новыя патрабаванні СССР польскаму кіраўніцтву аб пропуску драўніны па р. Нёман не прывялі да жаданых вынікаў. Пытанне сплаву лесу па Нёману не вырашылі ні польска-літоўскія перагаворы ў верасні-кастрычніку 1925 г., ні савецка-літоўскія сустрэчы ў лістападзе-снежні 1925 г. Нават у лютым 1931 г. міністр замежных спраў Літвы Д. Зауніс указваў сакратару паўнамоцнага прадстаўніцтва ў Коўне М. А. Карскаму, што Нёман паміж Гродна і Друскенікамі ўяўляе сабой участак дэмаркацыйнай лініі, на адным баку знаходзяцца літоўцы, на другім – палякі [46, арк. 42]. У выніку пастаўкі савецкіх тавараў у Мемель ажыццяўляліся і ў 1930-я гг., згодна з Кёнігсбергскай чыгуначнай канвенцыяй 1925 г. праз Латвію.

Высновы. Такім чынам, савецкае кіраўніцтва па магчымасці выкарыстоўвала геапалітычнае становішча, якое складвалася на захадзе РСФСР (СССР), для ўмацавання сваіх пазіцый унутры краіны і на міжнароднай арэне. Разам з тым наяўнасць у складзе Польшчы нацыянальных меншасцей, этнічна і культурна блізкіх насельніцтву Савецкай Украіны і Савецкай Беларусі, антыпольскія рэвізіянісцкія памкненні Германіі і Літвы абумовілі магчымасць уцягвання Савецкай дзяржавы ў спрэчкі гэтых краін па тэрытарыяльных праблемах. Гэтымі абставінамі і спробамі Захаду стварыць антысавецкі санітарны кардон тлумачылася ўвага савецкага кіраўніцтва да рэгіёна. Падпісанне Рыжскага мірнага дагавора і пачатак новай эканамічнай палітыкі з’явіліся адпраўной кропкай у паступовым працэсе пераходу да рэальнай ацэнкі міжнароднага становішча, але знешнепалітычныя дзеянні Савецкай дзяржавы мелі, як і раней, супярэчлівы характар. Да таго ж існавала нявырашанасць статусу спрэчных тэрыторый, што павышала ўзровень канфліктнасці ў рэгіёне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией : пер. с пол. / Ю. Мархлевский. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 42 с.

2. Иоффе, А. Мирное наступление / А. Иоффе. – Петербург : Гос. изд-во, 1921. – 39 с.

3. Радек, К. Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала / К. Радек. – М. : Госполитиздат, 1921. – 26 с.

4. История Польши : в 3 т. / под ред. Ф. Г. Зуева [и др.]. – М., 1958. – Т. 3. – 667 с.

5. Зуев, Ф. Г. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920 гг.) / Ф. Г. Зуев. – М. : Госполитиздат, 1954. – 232 с.

6. Ольшанский, П. Н. Рижский мир: из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.) / П. Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1969. – 260 с.

7. Dmowski, R. Polityka polska i odbudowanie państwa / R. Dmowski. – Wyd. 2. – Warszawa : Księg. Perzyński, Niklewicz i Ska, 1926. – 496 s.

8. Bobrzyński, M. Wskrzeszenie państwa polskiego : szkic historyczny / M. Bobrzyński. – Kraków : Krakowska Spółka Wydawnicz, 1925. – T. 2 : 1918–1923. – 300 s.

9. Gostyńska, W. Stosunki polsko-radzieckie, 1918–1919 / W. Gostyńska. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1972. – 397 s.

10. Deruga, A. Polityka wschodnia Polskiwobecziem Litwy, Białorusii, Ukrainy (1918–1919) / A. Deruga. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1969. – 330 s.

11. Kumaniecki, J. Po traktacie ryskim: stosunki polsko-radzieckie, 1921–1923 / J. Kumaniecki. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1971. – 282 s.

12. Łossowski, P. Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939 / P. Łossowski. – Warszawa : Inst. Historii PAN, 1997. – 388 s.

13. Materski, W. Polska a ZSSR, 1923–1924 / W. Materski. – Wrocław : Ossolineum, 1981. – 380 s.

14. Михутина, И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. / И. В. Михутина ; отв. ред. Ю. С. Новопашин. − М. : ИСБ РАН, 1994. – 323 с.

15. Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991 : [сб. ст.] / Ин-т всеобщ. истории РАН [и др.] ; [редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1993. – 206 с.

16. Шишкин, В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму» / В. А. Шишкин. – СПб. : Д. Буланин, 2002. – 360 с.

17. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект / В. А. Зубаческий. – М. : РОССПЭН, 2019. – 278 с.

18. Зубачевский, В. А. Советская политика на востоке Центральной Европы (1924–1925 гг.) / В. А. Зубачевский // Вопр. истории. – 2008. – № 6. – С. 94–108.

19. Бабенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Бабенко. – М., 2006. – 283 л.

20. Борисёнок, Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. / Ю. А. Борисёнок. – М. : Родина МЕДИА, 2013. – 351 с.

21. Мезга, Н. Н. Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР / Н. Н. Мезга // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2019. – № 4. – С. 17–26. https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-17-26

22. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.

23. Лазько, Р. Р. Перад патопам: еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.

24. Цынкевіч, В. Праблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыццё польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) / В. Цынкевіч // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 3. – С. 76–83.

25. Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: przebieg walk i tło międzynarodowe : materiały ses. nauk. w Inst. Historii PAN, 1–2 paźdz. 1990 / Pol. Akad. Nauk, Inst. Historii ; ed. A. Koryn. – Warszawa : Wydawn. Inst. Historii PAN, 1991. – 235 s.

26. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). – Ф. 04. Воп. 32. Д. 205. Спр. 52437.

27. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 4 : 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. – 812 с.

28. АЗП РФ. – Ф. 151. Воп. 4. Д. 6. Спр. 14.

29. АЗП РФ. – Ф. 151. Воп. 5. Д. 9. Спр. 17.

30. АЗП РФ. – Ф. 151. Воп. 5. Д. 9. Спр. 20.

31. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. 5. Воп. 2. Спр. 2000.

32. РДАСПГ. – Ф. 5. Воп. 1. Спр. 2111.

33. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / М-во иностр. дел СССР. – М., 1962. – Т. 6 : 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1924 г. – 646 с.

34. РДАСПГ. – Ф. 504. Воп. 1. Спр. 270.

35. АЗП РФ. – Ф. 151. Воп. 5. Д. 8. Спр. 5.

36. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 72. Воп. 1. Спр. 19.

37. Archiwum aktów nowych (AAN). – Zespół. Ambasada Paryz. Sygn. 122.

38. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / АН СССР, Ин-т славяноведения, Сектор истории пол.-совет. отношений ; под ред. И. А. Хренова. – М., 1966. – Т. 4 : апрель 1921 г. – май 1926 г. – 560 с.

39. РДАСПГ. – Ф. 359. Воп. 1. Спр. 4.

40. АЗП РФ. – Ф. 165б. Воп. 2. Д. 5. Спр. 27.

41. АЗП РФ. – Ф. 151. Воп. 9. Д. 10. Спр. 19.

42. AAN. – Zespół. Ambasada Paryz. Sygn 217.
43. AAN. – Zespół. Ambasada Paryz. Sygn. 64.
44. АЗП РФ. – Ф. 122. Воп. 7. Д. 31. Спр. 2.
45. НАРБ. – Ф. 72. Воп. 1. Спр. 102.
46. АЗП РФ. – Ф. 010. Воп. 2. Д. 13. Спр. 202.

References

1. Marchlewski J. *War and peace between bourgeois Poland and proletarian Russia*. Moscow, State Publishing, 1921. 42 p. (in Russian).

2. Ioffe A. *Peace offensive*. Petersburg, State Publishing, 1921. 39 p. (in Russian).

3. Radek K. *The third year of the struggle of the Soviet Republic against world capital*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1921. 26 p. (in Russian).

4. Zuev F. G. (ed.). *History of the Poland. Vol. 3*. Moscow, 1958. 667 p. (in Russian).

5. Zuev F. G. *International imperalism is the organiser of the attack of pan Poland on Soviet Russia 1919–1920*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 232 p. (in Russian).

6. Ol'shanskii P. N. *Riga world: from the history of the struggle of the Soviet government for the establishment of peaceful relations with Poland (late 1918 – March 1921)*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 260 p. (in Russian).

7. Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa* [Polish policy and the rebuilding of the state]. 2nd ed. Warszawa, Księgarnia Perzyński, Niklewicz i Ska, 1926. 496 p. (in Polish).

8. Bobrzyński M. *Wskrzeszenie państwa polskiego: szkic historyczny. T. 2* [The Resurrection of the Polish State: a historical sketch. Vol. 2]. Kraków, Krakowska Spółka Wydawnicz, 1926. 300 p. (in Polish).

9. Gostyńska, W. *Stosunki polsko-radzieckie, 1918–1919* [Polish-Soviet relations, 1918–1919]. Warszawa, Książka i Wiedza, 1972. 397 p. (in Polish).

10. Deruga A. *Polityka wschodnia Polskiwobecziem Litwy, Białorusii, Ukrainy (1918–1919)* [Eastern policy of Poland towards the lands of Lithuania, Belarus and Ukraine (1918–1919)]. Warszawa, Książka i Wiedza, 1969. 330 p. (in Polish).

11. Kumaniecki J. *Po traktacie ryskim: stosunki polsko-radzieckie, 1921–1923* [After the treaty of Riga: Polish-Soviet relations, 1921–1923]. Warszawa, Książka i Wiedza, 1971. 282 p. (in Polish).

12. Łossowski, P. *Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939* [Polish-Lithuanian relations, 1921–1939]. Warszawa, Instytut Historii PAN, 1997. 388 p. (in Polish).

13. Materski W. *Polska a ZSSR, 1923–1924* [Poland and USSR, 1923–1924]. Wrocław, Ossolineum, 1981. 380 p. (in Polish).

14. Mikhutina I. V. *Polish-Soviet war 1919–1920*. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies RAS, 1994. 323 p. (in Russian).

15. Chubar'yan A. O. (ed.). *Soviet foreign policy in retrospect, 1917–1991: collection of articles*. Moscow, Nauka Publ., 1993. 206 p. (in Russian).

16. Shishkin V. A. *The Formation other foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: from revolutionary "Westernism" to "National-Bolshevism"*. St. Petersburg, D. Bulanin Publ., 2002. 360 p. (in Russian).

17. Zubachevskii V. A. *Russian policy Cenrtal and Eastern Europe (first third of the 20th century): geopolitical aspect*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 278 p. (in Russian).

18. Zubachevskii V. A. Soviet policy in the east of Central Europe (1924–1925). *Voprosy istorii* [Questions of History], 2008, no. 6, pp. 94–108 (in Russian).

19. Babenko O. V. *Polish-Soviet relations in 1924–1928*. Ph. D. Thesis. Moscow, 2006. 283 p. (in Russian).

20. Borisenok Yu. A. *On the sharp turns of Belarusian history: society and the state between Poland and Russia in the first half of the 20th century*. Moscow, Rodina MEDIA Publ., 2013. 351 p. (in Russian).

21. Miazga M. M. Western Belarus in soviet-polish relations: from the treaty of Riga to reunification with the BSSR. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo univesiteta. Istoriya = Journal of the Belarusian State University. History*, 2019, no. 4, pp. 17–26 (in Russian). https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-17-26

22. Mezga N. N. *Soviet-Polish relations in 1921–1926: a new stage of confrontation*. Gomel, Francisk Skorina Gomel State University, 2019. 229 p. (in Russian).

23. Laz'ko R. R. *Before the flood (European Policy of Poland 1932–1939)*. Minsk, Belarusian State Universirty, 2000. 354 p. (in Belarusian).

24. Tsynkevich V. The problem of the refugee repatriation and opening of the Polish consulate in Minsk (1921–1924). *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Belarusian Journal of International Law and International Relations], 2001, no. 3, pp. 76–83 (in Belarusian).

25. *Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: przebieg walk i tło międzynarodowe: materiały sesji naukowej w Instytucie Historii PAN, 1–2 października 1990* [The Polish-Soviet war of 1920: the run of the walk and the international background: materials of the scientific session at the Institute of History of the Polish Academy of Sciences, October 1–2, 1990]. Warszawa, Wydawnitstwo Instytutu Historii PAN, 1991. 235 p. (in Polish).

26. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 04. Op. 32. D. 205. S. 52437.

27. USSR Ministry of Foreign Affairs. *Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 4*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 812 p. (in Russian).

28. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 151. Op. 4. D. 6. S. 14.

29. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 151. Op. 5. D. 9. S. 17.

30. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 151. Op. 5. D. 9. S. 20.
31. *Russian State Archive of Socio-Political History*. F. 5. Op. 2. D. 2000.
32. *Russian State Archive of Socio-Political History*. F. 5. Op. 1. D. 2111.
33. USSR Ministry of Foreign Affairs. *Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 6*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. 646 p. (in Russian).
34. *Russian State Archive of Socio-Political History*. F. 504. Op. 1. D. 270.
35. *Foreign policy archive of the Russian Federation*. F. 151. Op. 5. D. 8. S. 5.
36. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 72. Op. 1. D. 19. (in Belarusian).
37. *Archiwum aktów nowych (AAN)*. Zespół. Ambasada Paryz. Sygn. 122. (in Polish).
38. Khrenov I. A. (ed.). *Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. 4*. Moscow, 1966. 560 p. (in Russian).
39. *Russian State Archive of Socio-Political History*. F. 359. Op. 1. D. 4.
40. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 165b. Op. 2. D. 5. S. 27.
41. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 151. Op. 9. D. 10. S. 19.
42. *Archiwum aktów nowych*. Zespół. Ambasada Paryz. Sygn. 217. (in Polish).
43. *Archiwum aktów nowych*. Zespół. Ambasada Paryz. Sygn. 64. (in Polish).
44. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 122. Op. 7. D. 31. S. 2.
45. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 72. Op. 1. D. 102. (in Belarusian).
46. *Foreign Policy Archive of the Russian Federation*. F. 010. Op. 2. D. 13. S. 202.

Информация об авторе

Боровская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: borovskaya-olga@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-7164-7432

Information about the author

Volha N. Borovskaya – Ph. D. (Hist.), Senior Scientific Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Academicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: borovskaya-olga@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-7164-7432

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.1’373.611+811.161.3’373.611
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-123-129

Паступіў у рэдакцыю 09.08.2022
Received 09.08.2022

І. У. Ялынцава

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

МАРФЕМНАЯ СТРУКТУРА РУСКІХ І БЕЛАРУСКІХ АД’ЕКТЫЎНЫХ КОЛЕРАНАЙМЕННЯЎ: АГУЛЬНАЕ І СПЕЦЫФІЧНАЕ

Аннотация. Статья посвящена вопросу сопоставительного исследования современных русского и белорусского языков на морфемном уровне. Доказывается, что именно контрастивное исследование позволяет выявить особенности морфемной организации эквивалентных лексических единиц русского и белорусского языков, наглядно увидеть на примере морфемных структур слов реальную степень лексемного совпадения и несовпадения близкородственных языков. Дается классификация межъязыковых русских и белорусских адъективных колоративов-коррелятов в зависимости от характера их морфемной структуры, показывается совпадение как самих структур в целом, так и отдельных морфем, а также их конкретные отличия, что свидетельствует о национальной специфике каждого из сопоставляемых близкородственных языков. Делается вывод о важности такого типа исследования в решении актуальной в отечественной лингвистике задачи – установлении сходства и различия двух близкородственных языков на морфемном уровне, что будет способствовать более глубокому пониманию путей развития словообразовательных систем белорусского и русского языков, особенностей их соотношения и взаимодействия в условиях государственного двуязычия.

Ключевые слова: морфема, морфемная структура, морфемная членимость, корневая морфема, суффиксальная морфема, префиксальная морфема, цветонаименование, колоратив, адъектив

Для цитирования: Ялынцава, І. У. Марфемная структура рускіх і беларускіх ад’ектыўных колеранайменняў: агульнае і спецыфічнае / І. У. Ялынцава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 123–129. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-123-129

Irina U. Yalyntsava

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MORPHEMIC STRUCTURE OF RUSSIAN AND BELARUSIAN ADJECTIVE COLOR NAMES: GENERAL AND SPECIFIC

Abstract. The article is devoted to the comparative study of the modern Russian and Belarusian languages at the morphemic level. It is proved that it is the contrastive study that makes it possible to reveal the features of the morphemic organization of the equivalent lexical units of the Russian and Belarusian languages, to clearly see the real degree of lexical coincidence and mismatch of closely related languages using the example of morphemic word structures. The article gives a classification of interlingual Russian and Belarusian adjective color correlates depending on the nature of their morphemic structure. The coincidence of both the structures themselves as a whole and individual morphemes, as well as their specific differences, which indicates the national specificity of each of the compared closely related languages. The conclusion is made about the importance of this type of research in solving an urgent problem in Russian linguistics – establishing the similarity and difference between two closely related languages at the morphemic level, which will contribute to a deeper understanding of the ways of development of the word-formation systems of the Belarusian and Russian languages, the features of their correlation and interaction in the conditions of state bilingualism.

Keywords: morpheme, morphemic structure, morphemic divisibility, root morpheme, suffixal morpheme, prefixal morpheme, colour lexeme, colorative, adjective

© Ялынцава І. У., 2023

For citation: Yalyntsava I. U. Morphemic structure of russian and belarusian adjective color names: general and specific. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 123–123 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-123-129

Уводзіны. Як вядома, усе словы ў сучасных рускай і беларускай мовах складаюцца з марфем[1]. Звычайна пад *марфемай* разумеюць «не любы адрэзак слова, а толькі тую яго частку, якая мае сваё значэнне і прызначэнне, уласную функцыю» [1, с. 102]. Марфема з'яўляецца мінімальнай значнай адзінкай, якая валодае значэннем пэўнага тыпу (лексічным, граматычным, словаўтваральным) і здольна вар'іраваць як у плане выражэння, так і ў плане зместу [2, с. 69]. Роля марфем у мове вельмі вялікая: пры іх удзеле выражаюцца і фарміруюцца лексічныя значэнні слова; утвараюцца новыя лексічныя адзінкі; адны і тыя ж словы змяняюць сваю граматычную форму (скланяюцца, спрагаюцца, змяняюцца па родах і г. д.) [3, с. 122–123].

Заўважым, што не ўсе адрэзкі, якія вылучаюцца ў структуры слова, адназначна лічацца самастойнымі марфемамі. У прыватнасці, на сённяшні дзень сярод вучоных-лінгвістаў існуюць розныя меркаванні наконт марфемнага статусу *інтэрфікса* (як у вузкім, так і шырокім яго значэнні): адны з іх лічаць яго нязначнай часткай у структуры слова, асемантычным элементам, які не ўплывае на лексічнае значэнне слова і часта тлумачыцца фанетычнымі прычынамі (напр., А. А. Земская, В. М. Немчанка, У. А. Плунгян, А. М. Ціханаў), другія – асобай марфемай, надзеленай максімальна абстрактным значэннем, структурным элементам складаных слоў, які выконвае не толькі злучальную, але і рэлевантную функцыю – функцыю ўстанаўлення адносін паміж кампанентамі складання (напр., М. М. Шанскі, У. У. Лапацін, Н. А. Ніколіна). Варта адзначыць, што пытанне аб марфемным статусе інтэрфіксаў на сённяшні дзень застаецца адным з дыскусійных пытанняў сучаснай лінгвістыкі. Мы прытрымліваемся меркавання, што інтэрфікс – гэта частка слова ў выглядзе гука або гукаспалучэння, якая выдзяляецца ў яго складзе, але не валодае істотнай прыкметай марфемы – не мае значэння. Таму ён і не з'яўляецца марфемай. У саставе складанага слова ён выконвае «будаўнічую» ролю, ужываецца як злучальны элемент паміж яго часткамі [5, с. 120].

Асноўная частка. Раздзел навукі аб мове, у якім вывучаецца сістэма марфем, марфемная структура слоў і словаформ, называецца *марфемікай*[2]. Як самастойную галіну мовазнаўства марфеміку сталі выдзяляць толькі ў 60–80-я гады XX ст. Да гэтага ж часу яна ўключалася ў склад словаўтварэння, якое толькі само параўнальна нядаўна «аддзялілася» ад марфалогіі і стала самастойнай галіной ведаў. «Аднак для ўключэння марфемікі ў словаўтварэнне, – як адзначае А. М. Ціханаў, – няма дастатковых падстаў, і гэта не адлюстроўвае яе сапраўднага становішча ў сістэме лінгвістычных дысцыплін. Марфеміка – асобы, цалкам самастойны раздзел мовазнаўства. Яна мае свой аб'ект вывучэння – марфему, усебаковая характарыстыка якой і складае галоўную задачу марфемікі» [6, с. 656].

Пры характарыстыцы марфем, а зрэдку і пры іх вызначэнні, дэрыватолагі ў першую чаргу адзначаюць іх *мінімальнасць* і *паўтаральнасць* з тым жа значэннем у пэўным мностве слоў. «Мінімальнасць марфем, як і мінімальнасць адзінак іншых узроўняў моўнай сістэмы (фанем, лексем, сказаў), – іх прынцыповая, катэгарыяльная ўласцівасць: усе адзінкі – мінімальныя ўтварэнні свайго ўзроўню. Асновы слоў таму не марфемы: яны камбінацыі марфем – кораня і словаўтваральных афіксаў; невытворныя асновы, якія матэрыяльна супадаюць з коранем (*дом, вод-а, мор-е*), – прыватны выпадак комплекснасці ("нулявая" комплекснасць)» [7, с. 39].

Што датычыць паўтаральнасці марфем у пэўным шэрагу слоў, то трэба заўважыць, што яна не з'яўляецца ўніверсальнай і абавязковай іх уласцівасцю, паколькі распаўсюджваецца не на ўсе

[1] Тэрмін *марфема* быў уведзены родапачынальнікам Казанскай лінгвістычнай школы І. А. Бадуэнам дэ Куртэнэ ў канцы 70-х гг. XIX ст. як родавае абагульненне ўжо вядомых больш прыватных марфалагічных частак слова – кораня, прэфіксаў і т. п.: «Марфема – далей не падзельны, далей не раскладальны марфалагічны элемент моўнага мыслення» [4, с. 290]. На думку вучонага, «лічыць такі тэрмін лішнім – гэта тое ж самае, што лічыць аб'яднальны тэрмін "дрэва" і здавольвацца прыватнымі назвамі "дуб", "бяроза", "елка", "вярба" і г. д.» [4, с. 291].

[2] Пад *марфемікай* разумеюць таксама сукупнасць марфем мовы ў іх узаемасувязях і ўзаемадзеянні як асобую сферу моўнай структуры, асобы ўзровень мовы [2, с. 93].

марфемы. У прыватнасці, яна ахоплівае афіксальныя марфемы (суфіксы, прэфіксы і т. п.), напр.: *барабан-щик, доль-щик, приём-щик, табун-щик, ядер-щик* і інш. // *вагран-шчык, галантарэй-шчык, гон-шчык, натур-шчык, сігналь-шчык* і інш. (суфіксальная марфема *-щик/-шчык* ва ўсіх словах абазначае асобу паводле дзеяння); *пере-верстать, пере-листать, пере-продать, пере-стирать, пере-утюжить* і інш. // *пера-выдаць, пера-званіць, пера-працаваць, пера-хаваць, пера-шкліць* і інш. (прэфіксальная марфема *пере-//пера-* абазначае ‘занава (паўторна), інакш ажыццявіць дзеянне’); *билет-а, ветр-а, генерал-а, костюм-а, пейзаж-а* і інш. // *блакнот-а, гумн-а, календар-а, месяц-а, талон-а* і інш. (канчатак *-а* выражае значэнне роднага склону адзіночнага ліку). Сярод афіксальных марфем вылучаюцца марфемы, якія вычляняюцца ў складзе толькі аднаго слова і не паўтараюцца ў іншых лексемах – т. зв. ***уніфіксы***, напр.: *-альон* (*почт/альон*), *-ачей* (*казн/ачай*), *-ачи-* (*суд/ачи/ть*), *-ирь* (*снег/ирь*), *-олаг-* (*бед/олаг/а*), *-оять* (*рук/оять*); *впо-* (*впо/тьмах*), *зако-* (*зако/ул/ок*), *му-* (*му/сор*), *фри-* (*фри/вольный*), *чу-* (*чу/мазый*) // *-авяз-* (*даўг/авяз/ы*), *-альён* (*пашт/альён*), *-алін-* (*верш/алін/а*), *-амт* (*пашт/амт*), *-эск-* (*гумар/эск/а*); *ал-* (*ал/хімія*), *ба-* (*ба/рэльеф*), *мез-* (*мез/альянс*), *палі-* (*палі/сад*), *эрц-* (*эрц/герцаг*) і інш. З’яву ўнікальнасці (непаўтаральнасці, адзінкавасці) марфем прызнаюць далёка не ўсе даследчыкі, аднак сам факт наяўнасці ў значнай колькасці лексем унікальных частак з’яўляецца бясспрэчным.

Каранёвыя марфемы таксама могуць сустракацца як у шэрагу слоў (напр.: *рыба, рыбак, рыбалка, рыбацкий, рыбачий, рыбачить* і т. п. // *ліст, лісток, лістаж, ліставы, лістаць, лістота* і т. п.), так і быць адзінкавымі, г. зн. у складзе іншых слоў яны не сустракаюцца, напр.: *авеню, безе, іглу, канапе, капри, салями // авеню, безэ, іглу, канапэ, капры, салямі*. Абавязковай паўтаральнасць з’яўляецца толькі для радыксоідаў[1]: *об/**у**/ть, раз/**у**/ть*; *до/**бав**/и/ть, от/**бав**/и/ть, при/**бав**/и/ть, до/**бав**/к/а, при/**бав**/к/а, при/**бав**/л/ени/е // пад/**ня**/ць, уз/**ня**/ць, ад/**ня**/ць*; *пры/**вык**/ну/ць, пры/**вык**/а/ць, ад/**вык**/ну/ць, з/**вык**/ну/ц/ца* і інш.

Марфемная члянімасць з’яўляецца адной з важнейшых прыкмет слова, якая характарызуе спецыфіку яго будовы. Члянімасць слоў на марфемы залежыць ад наступных фактараў: 1) аснова ўжываецца свабодна або з’яўляецца звязанай; 2) афікс паўтараецца або з’яўляецца ўнікальным; 3) афікс па значэнні падобны або не падобны да іншых афіксаў дадзенай мовы; 4) звязаны корань (радыксоід) паўтараецца або з’яўляецца ўнікальным (унірадыксоідам);[2] 5) афікс ужываецца або не ўжываецца пры свабодных каранях [9, с. 157].

З пункту погляду члянімасці / нечлянімасці ўсе словы ў супастаўляемых рускай і беларускай мовах дзеляцца на дзве групы. Першую групу складаюць лексічныя адзінкі, якія маюць у сваім складзе толькі адну (каранёвую) марфему. Да іх ліку, напрыклад, адносяцца некаторыя прыслоўі (*здесь, вдруг, впредь, сюда // заўтра, куды, тут, цяпер* і інш.), выклічнікі (*ага, ой, увы, эх // ах, ага, гэй, ура* і пад.), гукапераймальныя словы (*мяу, хрю, бух, му // гаў, мяў, ква, му* і пад.), а таксама некаторыя запазычаныя словы (*алоэ, бюро, кашпо, кашне, сабо, тире* / *кафэ, кіно, суфле, табу, танга, шасэ* і пад.). Да другой групы адносіцца большасць слоў блізкароднасных моў, якія маюць у сваёй структуры дзве, тры і больш марфемы. Напр.: *лес-ок, граф-ик, псих-оз; выс-от-а, магнит-н-ый, опер-н-ый; диплом-ант-к-а, вы-нос-н-ой, раз-брос-а-ть; в-рас-сып-н-ую, после-опер-аци-онн-ый, рас-плы-ва-ть-ся // ляс-ок, граф-ік, псіх-оз; выш-ын-я, магніт-н-ы, опер-н-ы; дыплам-ант-к-а, вы-нас-н-ы, рас-кід-а-ць; у-рас-сып-н-ую, пасля-апер-ацый-н-ы, рас-плы-ва-ц-ца.* Пры супастаўленні дадзеных слоў з іншымі, больш простымі па сваім складзе аднакарэннымі словамі, няцяжка пераканацца, што кожная з выдзеленых у іх частак (марфем) выражае тое ці іншае значэнне. Напрыклад, суфіксальная марфема ***-ок//-ок*** (*лес/ок* // *ляс/ок*) дадае да значэння матывавальнага слова экспрэсію ласкальнасці, якая суправаджаецца памяншальным значэннем, ***-оз//-оз*** (*псих/оз* // *псіх/оз*) мае значэнне ‘хвароба, захворванне, звязанае з тым, што названа матывавальным словам’, ***-ую//-ую*** (*в/рас/сып/н/ую* // *у/рас/сып/н/ую*) – ‘прымета дзеяння, якая мае адносіны да таго, што названа матывавальным словам’; прэфіксальная марфема ***после-//пасля-*** (*после/опер/аци/онн/ый* // *пасля/апер/ацый/н/ы*) выражае значэнне ‘адносіны да часу пасля чаго-н.’,

[1] Пад *радыксоідам* разумеюць «несвабодны, звязаны корань, які ўжываецца толькі ў спалучэнні з словаўтваральнымі афіксамі» [8, с. 112].

[2] *Унірадыксоід (Радыксоід адзінкавы, Корань адзінкавы)* – звязаны корань, які выдзяляецца ў складзе толькі аднаго слова і не паўтараецца ў іншых лексічных адзінках [2, с. 191].

раз-//рас- (*раз/брос/а/ть // рас/кід/а/ць*) – ‘накіраванасць у розныя бакі, раз’яднанасць, раздзеленасць, распаўсюджанасць’ і г. д. [10].

Вывучэнне марфемнай структуры слова мае важнае значэнне як для дэрываталогіі, так і для мовазнаўства ў цэлым: яно дазваляе вызначыць заканамернасці слова- і формаўтварэння, асаблівасці граматычнага ладу мовы, прасачыць лексіка-семантычныя адносіны паміж словамі. Улічваючы той факт, што на сённяшні дзень у сучаснай лінгвістыцы адным з прыярытэтных напрамкаў з’яўляецца супастаўляльнае вывучэнне дзвюх і больш моў з мэтай устанаўлення падабенстваў і адрозненняў у іх сістэмах, значную цікавасць у гэтым плане прадстаўляе кантрастыўнае даследаванне блізкароднасных рускай і беларускай моў на марфемным узроўні, якое дазваляе выявіць асаблівасці марфемнай арганізацыі эквівалентных лексічных адзінак рускай і беларускай моў, наглядна ўбачыць на прыкладзе марфемных структур слоў рэальную ступень лексемнага супадзення і несупадзення блізкароднасных моў.

Паколькі руская і беларуская мовы з’яўляюцца генетычна і тыпалагічна блізкімі, у марфемнай структуры карэлятыўных міжмоўных лексічных адзінак ёсць шмат агульнага: адзначаецца супадзенне як саміх структур у цэлым, так і асобных марфем у прыватнасці. Разам з тым выяўляюцца і пэўныя адрозненні, што сведчыць пра нацыянальную спецыфіку кожнай з супастаўляемых блізкароднасных моў. Прасочым гэта на прыкладзе ад’ектыўных колеранайменняў. Дадзеная група лексічных адзінак ужо разглядалася намі ў розных аспектах: лексіка-семантычным, функцыянальным, словаўтваральным і інш. [гл., напр., 11–15]. Значную цікавасць, на наш погляд, выклікае і супастаўляльнае даследаванне рускіх і беларускіх каларатываў-ад’ектываў з пункту погляду іх марфемнай арганізацыі. Менавіта такога тыпу вывучэнне дадзенай групы слоў у блізкароднасных мовах прадугледжвае выяўленне падабенстваў і адрозненняў у іх марфемнай структуры, а таксама тых рыс, якія вызначаюць нацыянальную спецыфіку кожнай з супастаўляемых моў на марфемным узроўні.

У залежнасці ад характару марфемнай структуры (МС) можна выдзеліць некалькі груп міжмоўных рускіх і беларускіх ад’ектыўных колеранайменняў-карэлятаў[1].

1. Каларатывы-ад’ектывы з МС *корань + канчатак*[2]. Дадзеную групу складаюць ад’ектыўныя рускія і беларускія колеранайменні, каранёвыя марфемы якіх фармальна супадаюць і выражаюць адно і тое ж значэнне: *бел/ый – бел/ы, булан/ый – булан/ы, гнед/ой – гняд/ы* (і *гнед/ы*), *жёлт/ый – жоўт/ы, зелён/ый – зялён/ы, золот/ой – залат/ы, кар/ий – кар/ы*[1], *коричнев/ый – карычнев/ы, лилов/ый – лілов/ы, оранжев/ый – аранжав/ы, пунцов/ый – пунсов/ы, рыж/ий – рыж/ы, сер/ый – шэр/ы, сиз/ый – шыз/ы, син/ий – сін/і, фиолетов/ый – фіялетав/ы, чёрн/ый – чорн/ы* і інш.

2. Каларатывы-ад’ектывы з МС *корань + суфікс + канчатак*.

2.1. Ад’ектыўныя колеранайменні з ідэнтычнай МС, напр.: *аквамарин/ов/ый – аквамарын/ав/ы, аметист/ов/ый – аметыст/ав/ы, беж/ев/ый – бэж/ав/ы, бел/еньк/ий – бел/еньк/і, бел/оват/ый – бел/ават/ы, бронз/ов/ый – бронз/ав/ы, васильк/ов/ый – васільк/ов/ы, вишн/ёв/ый – вішн/ёв/ы, воск/ов/ой – васк/ов/ы, дым/чат/ый – дым/чат/ы, зелён/еньк/ий – зялён/еньк/і, зелен/оват/ый – зелен/ават/ы, золот/ист/ый – залац/іст/ы, индиг/ов/ый – індыг/ав/ы, изумруд/н/ый – ізумруд/н/ы, каштан/ов/ый – каштан/ав/ы, крем/ов/ый – крэм/ав/ы, лимон/н/ый – лімон/н/ы, миндаль/н/ый – міндаль/н/ы, морков/н/ый – маркоў/н/ы, мыш/аст/ый – мыш/аст/ы, мыш/ин/ый – мыш/ын/ы, рубин/ов/ый – рубін/ав/ы, рябин/ов/ый – рабін/ав/ы, сурик/ов/ый – сурык/ав/ы, ультрамарин/ов/ый – ультрамарын/ав/ы, фисташк/ов/ый – фісташк/ав/ы, фуксин/ов/ый – фуксін/ав/ы, черниль/н/ый – чарніль/н/ы, шоколад/н/ый – шакалад/н/ы, янтар/н/ый – янтар/н/ы* і мн. інш.

---

[1] Фактычны матэрыял узяты з наступных лексікаграфічных крыніц: «Словаря русского языка» ў 4 тамах (М., 1981–1984), «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» ў 5 тамах (6 кнігах) (Мн., 1977–1984). У працэсе аналізу былі выкарыстаны таксама «Морфемно-орфографический словарь» А. М. Ціханава (М., 1996) і «Марфемны слоўнік беларускай мовы» А. М. Бардовіча, Л. М. Шакуна (Мінск, 1989).

[2] *Канчаткі*, або *флексіі* – гэта марфемы, якія маюць, як правіла, толькі граматычнае, словазмяняльнае значэнне, утвараюць граматычныя формы слоў (звычайна строга сістэмныя, парадыгматычныя), напр., склонавыя формы назоўнікаў): *вод-а, вод-ы, вод-е* і г. д.; асабовыя формы дзеясловаў (асабовыя канчаткі): *пиш-у, пиш-ешь* і г. д. [7, с. 44]. Канчаткі адносяцца да так званых рэляцыйных марфем – граматычных афіксаў, якія паказваюць на адносіны паміж словамі ў выказванні [16, с. 336].

2.2. Карэлятыўныя рускія і беларускія колеранайменні-ад'ектывы з рознымі суфіксальнымі марфемамі ў МС: *зелен/**ёхоньк**/ий – зелян/**юсеньк**/і*, *зелен/**ёшеньк**/ий – зелян/**юсеньк**/і, кармин/**н**/ый – кармін/**ав**/ы, мед/**н**/ый – медз/**ян**/ы, мрамор/**н**/ый – мармур/**ов**/ы, огн/**ист**/ый – агн/**яв**/ы, пепель/**н**/ый – папял/**яст**/ы, пепель/**н**/ый – папял/**іст**/ы, пурпур/**н**/ый – пурпур/**ов**/ы, сталь/**н**/ой – стал/**ёв**/ы, черн/**ёхоньк**/ий – чарн/**юсеньк**/і, шафран/**н**/ый – шафран/**ав**/ы* і інш.[1]

Наяўнасць розных суфіксаў у марфемнай структуры суадносных рускіх і беларускіх каларатываў-карэлятаў тлумачыцца тым, што ў працэсе развіцця ўсходнеславянскіх моў у старажытных суфіксах адбываліся фанетычныя змены ў адпаведнасці з тымі гукавымі нормамі, якія выпрацоўваліся ў гэтых мовах, утвараліся новыя суфіксы пераважна ў выніку зліцця простых суфіксаў, пашыраліся функцыі існуючых суфіксаў і, разам з тым, страчвалася прадуктыўнасць некаторых з іх. У прыватнасці, на сённяшні дзень у рускай мове вельмі абмежавана ўжываецца суфікс ***-ав-(-яв-)*** пры ўтварэнні якасных прыметнікаў (у тым ліку і каларатываў), у той час як у беларускай ён дастаткова прадуктыўны. Заўважана, што пры яго дапамозе, як правіла, утвараюцца, словаўтваральныя сінонімы, напр.: *бел/ёс/ый – бел/ават/ы* і *бял/**яв**/ы*, *зелен/оват/ый – зелен/ават/ы* і *зелян/**яв**/ы*, *син/еват/ый – сін/ят/ы* і *сін/**яв**/ы* і інш.

3. Каларатывы-ад'ектывы з МС *корань + суфікс + суфікс + канчатак.* Група прадстаўлена ад'ектыўнымі колеранайменнямі з ідэнтычнай МС, напр.: *вод/ян/ист/ый – вадз/ян/іст/ы, горч/ич/н/ый – гарч/ыч/н/ы, лин/я/л/ый – лін/я/л/ы, мед/ян/ист/ый – медз/ян/іст/ы, неб/ес/н/ый – няб/ес/н/ы, олив/к/ов/ый – аліў/к/ав/ы, плам/ен/ист/ый – палым/ян/іст/ы, син/юш/н/ый – сін/юш/н/ы, тем/н/оват/ый – цем/н/ават/ы, черн/яв/еньк/ий – чарн/яв/еньк/і.*

4. Каларатывы-ад'ектывы з МС *прэфікс + корань + суфікс + суфікс + канчатак.*

4.1. Ад'ектыўныя колеранайменні з ідэнтычнай МС, напр.: *вы/г**о**р/е/л/ый – вы/г**а**р/а/л/ы, за/г**о**р/е/л/ый – за/г**а**р/э/л/ы, пер**е**/ли/в/ист/ый – пер**а**/лі/в/іст/ы, пере/ли/в/чат/ый – пера/лі/ў/чат/ы, по/бур/е/л/ый – па/бур/э/л/ы, по/желт/е/л/ый – па/жаўц/е/л/ы, по/зелен/е/л/ый – па/зелян/е/л/ы, по/лин/я/л/ый – па/лін/я/л/ы, по/рыж/е/л/ый – па/рыж/э/л/ы, по/син/е/л/ый – па/сін/е/л/ы, по/ч**е**рн/е/л/ый – па/ч**а**рн/е/л/ы.*

4.2. Карэлятыўныя рускія і беларускія колеранайменні-ад'ектывы з рознымі прэфіксальнымі марфемамі ў МС. Зафіксаваны дзве карэлятыўныя пары: ***по**/син/е/л/ый – **с**/сін/е/л/ы* і ***по**/черн/е/л/ый – **с**/чарн/е/л/ы*.

Наяўнасць розных прэфіксаў у марфемнай структуры суадносных рускіх і беларускіх каларатываў-карэлятаў тлумачыцца іх сінанімічнасцю ў супастаўляемых мовах. Паколькі дадзеныя лексемы – аддзеяслоўныя ўтварэнні, прэфіксальная марфема *по-* ў рускай мове і *с-* – у беларускай з'яўляюцца дзеяслоўнымі прэфіксамі і ўносяць у МС названых колеранайменняў значэнне дасягнення выніку дзеяння, паўнаты, інтэнсіўнасці, наступлення якога-небудзь стану, утварэння якой-небудзь прыметы ў выніку дзеяння.

Варта адзначыць, што каларатывы-ад'ектывы такога тыпу генетычна з'яўляюцца дзеепрыметнікамі незалежнага стану прошлага часу. Статус прыметнікаў яны набылі з таго часу, калі ў працэсе развіцця рускай і беларускай моў дзеепрыметнікі з суфіксам *-л-* замацавалі за сабой у якасці асноўнай функцыю азначэння і паступова зблізіліся з прыметнікамі не толькі функцыянальна, але і семантычна: прымета, што імі абазначаецца, страціла адценне працэсуальнасці і набыла характар пастаяннай прыметы прадмета.

4.3. Карэлятыўныя рускія і беларускія колеранайменні-ад'ектывы з адрозненнямі ў МС. Адзначана толькі адзінкавая карэлятыўная пара *по/желт/е/л/ый – па/жоўк/л/ы*, у якой рускаму каларатыву *по/желт/е/л/ый* з названай структурай адпавядае беларускі каларатыў-ад'ектыў *па/жоўк/л/ы* з іншай структурай – ***прэфікс + корань + суфікс + канчатак***. Параўн.: *по/желт/е/л/ый* (← *по/желт/е/ть* ← *желт/е/ть*) і *па/жоўк/л/ы* (← *па/жоўк/ну/ць* ← *жоўк/ну/ць*).

5. Каларатывы-ад'ектывы з МС *прэфікс + корань + суфікс + суфікс + суфікс + канчатак*. У лексікаграфічных крыніцах зафіксавана карэлятыўная пара *по/тем/н/е/л/ый* (*тьма → тёмный →*

[1] Адзначым, што рускім ад'ектыўным каларатывам дадзенай падгрупы ў якасці эквівалентаў могуць выступаць беларускія лексічныя адзінкі з ідэнтычнымі суфіксальнымі марфемамі, напр.: *кармин/н/ый – кармін/н/ы* і *кармін/ав/ы*, *мед/н/ый – мед/н/ы* і *медз/ян/ы*, *огн/ист/ый – агн/іст/ы* і *агн/яв/ы*, *пурпур/н/ый – пурпур/н/ы* і *пурпур/ов/ы, сталь/н/ой – сталь/н/ы* і *стал/ёв/ы* і некаторыя іншыя.

потемнеть → потемнелый) – *па/цям/н/е/л/ы* (*цёмны → цьма; цёмны → цямнець → пацямнець → пацямнелы*), члены якой маюць ідэнтычную марфемную структуру.

6. Каларатывы-ад'ектывы, якія маюць толькі каранёвую марфему (нескланяльныя колеранайменні): *беж – бэж, бордо[2] – бардо[2], маренго – марэнга, хаки – хакі.* Адрозненняў у марфемнай структуры карэлятыўных рускіх і беларускіх ад'ектыўных каларатываў дадзенай групы не назіраецца.

Заключэнне. Такім чынам, праведзены супастаўляльны аналіз марфемнай арганізацыі рускіх і беларускіх ад'ектыўных колеранайменняў дазволіў выявіць як тоеснасць, так і частковае супадзенне марфемных структур міжмоўных эквівалентаў. У МС карэлятыўных рускіх і беларускіх ад'ектыўных каларатываў, як правіла, адзначаюцца ідэнтычныя афіксальныя марфемы (напр., *-ов-/-ав-, -ист-/-іст-, -н-/-н-, -оват-/-ават-, -л-/-л-; вы-/вы-, за-/за-, не-/ня-, по-/па-, пере-/пера-* і інш.), што абумоўлена генетычнай і тыпалагічнай блізкасцю супастаўляемых моў.

Прааналізаваны матэрыял можа паслужыць асновай для больш шырокага супастаўляльнага вывучэння марфемнай структуры не толькі каларатываў-карэлятаў іншых лексіка-граматычных разрадаў, але і эквівалентных лексічных адзінак у сучасных рускай і беларускай мовах у цэлым. Такога тыпу даследаванне дазволіць рашыць важную ў айчыннай лінгвістыцы задачу – устанавіць падабенствы і адрозненні дзвюх блізкароднасных моў на марфемным узроўні, што будзе садзейнічаць больш глыбокаму разуменню шляхоў развіцця словаўтваральных сістэм беларускай і рускай моў, асаблівасцей іх суадносін і ўзаемадзеяння ва ўмовах дзяржаўнага двухмоўя, вызначэнню тэндэнцый развіцця сістэмы нацыянальнай мовы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Тихонов, А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка : курс лекций / А. Н. Тихонов. – Самарканд : [б. и.], 1971. – 387 с.

2. Немченко, В. Н. Основные понятия морфемики в терминах : крат. слов.-справ. / В. Н. Немченко. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 216 с.

3. Головин, Б. Н. Введение в языкознание : учеб. пособие / Б. Н. Головин. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1977. – 311 с.

4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртене ; сост.: В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

5. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 328 с.

6. Тихонов, А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. Русская морфемика / А. Н. Тихонов. – М. : Школа-Пресс, 1996. – 704 с.

7. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке / А. И. Моисеев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 207 с.

8. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мінск : Выш. шк., 1990. – 222 с.

9. Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1981. – 560 с.

10. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2016. – 812 с.

11. Ялынцава, І. У. Каларатывы як адзінкі супастаўляльнага даследавання словаўтваральных сістэм блізкароднасных моў / І. У. Ялынцава // Беларус. лінгвістыка. – 2013. – Вып. 71. – С. 3–8.

12. Елынцева, И. В. К вопросу о происхождении колоративов в русском и белорусском языках / И. В. Елынцева // Слово во времени и пространстве : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 12–13 нояб. 2014 г. : к 95-летию со дня рождения М. Г. Булахова / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: А. А. Гируцкий (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 53–60.

13. Елынцева, И. В. Лексикографическая репрезентация основных колоративов-прилагательных близкородственных языков / И. В. Елынцева // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VIII Междунар. науч. конф., Брест, 23–24 нояб. 2017 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест, 2018. – Ч. 1. – С. 59–64.

14. Елынцева, И. В. Адъективные колоративы-деминутивы в близкородственных языках: лексикографическая репрезентация и функционирование / И. В. Елынцева // Славянская дэрыватаграфія / А. А. Лукашанец [і інш.] ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2020. – С. 329–341.

15. Елынцева, И. Ассоциативные колоративы-композиты в современном русском языке / И. Елынцева // Проблемы когнитив. и функц. описания рус. и болг. яз. – 2021. – Вып. 15/1. – С. 7–22.

16. Шуба, П. П. Марфема / П. П. Шуба // Беларуская мова : энцыклапедыя / Беларус. Энцыкл. ; пад рэд. А. Я. Міхневіча ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1994. – С. 335–336.

References

1. Tikhonov A. N. *Problems of making a nesting vocabulary of modern Russian language*. Samarkand, 1971. 387 p. (in Russian).

2. Nemchenko V. N. *Basic concepts of morphemics in terms: brief dictionary-reference*. Krasnoyarsk, Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1985. 216 p. (in Russian).

3. Golovin B. N. *Introduction to linguistics.* 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977. 311 p. (in Russian).

4. Boduen de Kurtene I. A. *Selected works on general linguistics. Vol. II.* Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 391 p. (in Russian).

5. Zemskaya E. A. *Modern Russian language. Word formation.* 3rd ed. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011. 328 p. (in Russian).

6. Tikhonov A. N. *Morphemic and orthographic dictionary of the Russian language. Russian morphemics.* Moscow, Shkola-Press Publ., 1996. 704 p. (in Russian).

7. Moiseev A. I. *The main issues of word formation in the modern Russian literary language*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1987. 207 p. (in Russian).

8. Stsyatsko P. U., Gulitski M. F., Antanyuk L. A. *Dictionary of linguistic terms*. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1990. 222 p. (in Belarusian).

9. Beloshapkova V. A. (ed.). *Modern Russian*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 560 p. (in Russian).

10. Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p. (in Russian).

11. Yalyntsava I. U. Colorations as units of comparative study of word-formation systems of closely related languages. *Belaruskaya lingvistyka* [Belarusian Linguistics], 2013, iss. 71, pp. 3–8 (in Belarusian).

12. Elyntseva I. V. On the question of the origin of coloratives in the Russian and Belarusian languages. *Slovo vo vremeni i prostranstve: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Minsk, 12–13 noyabrya 2014 g.: k 95-letiyu so dnya rozhdeniya M. G. Bulakhova* [A word in time and space: materials of the International scientific conference, Minsk, November 12–13, 2014: to the 95th anniversary of the birth of M. G. Bulakhov]. Minsk, 2014, pp. 53–60 (in Russian).

13. Elyntseva I. V. Lexicographic representation of the main coloratives-adjectives of closely related languages. *Slavyanskie yazyki: sistemno-opisatel'nyi i sotsiokul'turnyi aspekty issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Brest, 23–24 noyabrya 2017 g.* [Slavic languages: system-descriptive and socio-cultural aspects of research: collection on scientific works VIII International scientific conference, Brest, November 23–24, 2017]. Brest, 2018, pt. 1, pp. 59–64 (in Russian).

14. Elyntseva I. V. Adjectival coloratives-deminutives in closely related languages: lexicographic representation and functioning. *Slavic derivatography.* Minsk, 2020, pp. 329–341 (in Russian).

15. Elyntseva I. Associative composite coloratives in modern Russian language. *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov* [Aspects of the Cognitive and Functional Description of the Russian and Bulgarian Languages], 2021, iss. 15/1, pp. 7–22 (in Russian).

16. Shuba P. P. Morpheme. *Belarusian language: encyclopedia*. Minsk, 1994, pp. 335–336 (in Belarusian).

Информация об авторе

Елынцева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, заведующий отделом белорусско-русских языковых связей. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: i.elyntseva@gmail.com

Information about the author

Irina U. Yalyntsava – Ph. D. (Philol.), Head of the Department of Belarusian-Russian language relations. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: i.elyntseva@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 78.08 (476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-130-139

Поступила в редакцию 01.12.2022
Received 01.12.2022

Т. Г. Мдивани

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

О НОВЫХ СЦЕНИЧЕСКИХ ЖАНРАХ В МУЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются новые музыкально-театральные жанры, которые демонстрируют постнеклассическое музыкальное мышление. Наиболее распространенными являются хэппенинг, перфоманс и инструментальный театр. Жанры по-разному анализируются В. Петровым, М. Переверзевой, Ю. Гниренко и М. Катунян, но, однако, без раскрытия их онтологии и логической основы. Главными отличительными особенностями новых сценических форм являются разомкнутость структуры, креативная функция исполнителей и временная неограниченность, что указывает на ризому и ризомное мышление композиторов. Предлагается рассматривать новые музыкально-театральные реалии как нелинейные, в частности, диссипативные, основанные на нелинейном типе детерминизма – самодетерминизме. На его основе утверждается рациональный конструкт в виде самоорганизации (исполнителя), или исполнительской воли, который обеспечивает музыкальному материалу качество целостности. Другой формой новых музыкально-сценических жанров, сформировавшихся в постнеклассическую эпоху, или в эпоху постмодерна, является альтернативный музыкальный театр. Он представлен альтернативной оперой и альтернативным балетом, в которых устанавливается эстетика консонанса, антимимезиса и показа (вместо переживания), а также многовариантная реализация музыкально-театрального замысла (концерт, театральная сцена и др.). В качестве аналитического материала избраны произведения американского композитора Д. Кейджа, российского композитора В. Мартынова, белорусских композиторов В. Кузнецова, Л. Симакович, А. Короткиной.

Ключевые слова: альтернативный музыкальный театр, хэппенинг, перфоманс, нелинейность, самодетерминизм, самоорганизация

Для цитирования: Мдивани, Т. Г. О новых сценических жанрах в музыке второй половины XX века / Т. Г. Мдивани // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 130–139. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-130-139

Tatyana G. Mdivani

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ABOUT NEW STAGE GENRES IN THE MUSIC OF THE SECOND HALF XX CENTURY

Abstract. New musical and theatrical genres that demonstrate post-non-classical musical thinking are considered. The most common are happening, performance and instrumental theater. Genres are considered differently by V. Petrov, M. Pereverzeva, Yu. Gnirenko and M. Katunyan, but, however, without disclosing their ontology and logical basis. The main distinguishing features of the new stage forms are the openness of the structure, the creative function of the performers and temporal unlimitedness, which indicates the rhizome and rhizome thinking of the composers. It is proposed to consider the new musical and theatrical realities as non-linear, in particular dissipative, based on a non-linear type of determinism – self-determinism. On its basis, a rational construct is established in the form of self-organization (performer), or performing will, which provide the musical material with the quality of integrity. Alternative musical theater is another form of new musical stage genres that have emerged in the post-non-classical era, or in the post-modern era. It is presented by alternative opera and alternative ballet, which establish the aesthetics of consonance, antimimesis and display (instead of experience), as well as the multivariant implementation of the musical and theatrical concept (concert, theater stage, etc.). The works of the American composer D. Cage, the Russian composer V. Martynov, the Belarusian composers V. Kuznetsov, L. Simakovich, A. Korotkina were selected as analytical material.

Keywords: alternative musical theatre, happening, performance, nonlinearity, self-determinism, self-organization

© Мдивани Т. Г., 2023

For citation: Mdivani T. G. About new stage genres in the music of the second half XX century. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 130–139 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-130-139

Введение. Рассматривая музыку «как искусство *звука* во времени» (Ю. Холопов) и «искусство интонируемого смысла» (Б. Асафьев), академическая музыкальная традиция, сложившаяся в Европе, прошла три стадии эволюции: классическую, неклассическую и постнеклассическую. К *классической музыкальной системе* относится музыкальный материал, который основывается на «естественных» принципах (Ж.-Ф. Рамо) и связи звукоотношений (гармонические, интонационные), тональной логике. В музыкальном произведении царствует упорядоченность, детерминизм, и ее звуковой базис определяется 7-ступенной диатоникой, т. е. классическая музыкальная система линейна, каузальна. В конце XIX – начале XX в. телеологическая концепция формы утратила стрелу единства в силу тональной амбивалентности (2-, 3-, 9-я симфонии Г. Малера двутональны!), но система осталась линейной и динамичной. Первый авангард утверждает *неклассическую музыкальную систему*, и к ней относится все, что связано «с новой парадигмой тональности», когда мелодия, музыка базируется не на диатонике из 7 ступеней, а на 12-ступенной хроматике, или додекафонии. Соответственно, меняется и логический аспект системы: с одной стороны, главный тон вуалируется или вовсе элиминируется («атоникальность», особые состояния тональности), образуя нелинейные лоции, с другой – утверждается серийный и сериальный тип связи с её многопараметровостью, постулируя ригидный рационализм и линейную структурную логику[1].

Во Втором, послевоенном музыкальном авангарде утверждается постнеклассическая музыкальная система, которая характеризуется переменой эстетических парадигм: на смену Новой музыке пришла «Новейшая музыка – та, в которой <…> не осталось ничего от прежних критериев структуры» [17]. В *постнеклассике* в русле инновационных устремлений сформировались и новые формы сценических жанров: первая связана с разрывом традиций (с тональной логикой, системой звуковысотных связей, типом интонационности и проч.) и утверждением нетрадиционных форм музыкально-театральной репрезентации, другая – с формированием ее альтернативных видов. Первоначально остановимся на музыкальном радикализме, где произошли коренные изменения в области музыкальной логики, жанровой сферы и средств музыкального выражения.

Основная часть. Одной из особенностей Новейшей музыки считается тот факт, что «материал музыки – звукоотношения – не *используется* (что́ предполагает его наличие в готовом виде), а *создается* композитором в процессе сочинения, вообще в процессе его деятельности» [17]. Таковы, например, «Domáines» («Области») для кларнета П. Булеза (см. работу Н. Петрусевой [15]), «L'escalier du diable» («Дьявольская лестница») для фортепиано Д. Лигети. Наиболее своеобразно состояние перманентно рождающейся музыкальной материи проявилось в хэппенинге, перфомансе и инструментальном театре, а также в значительно позже возникших арт-микстах, содержащих весомую долю мультимедийного начала («Newport Mix» (1967), «Demonstration of the Sounds of the Environment» / «Демонстрация звуков окружающей среды» (1971), «A Dip in the Lake» (1978), «В поисках утраченной тишины» (1979) Д. Кейджа). Они имеют в своем жанровом онтосе театральное начало: жест, движение миманс, слово, элементы телеологической драматургии, т. е. постановочное начало. Так, В. Петров отметил, что «инструментальный театр – это постановка инструментальной музыки»[2]. В целом, хэппенинг, перфоманс и инструментальный театр

[1] По Ю. Холопову, параметрами музыкальной композиции являются разного рода *ряды* смысловых отношений *между единицами* музыкальной структуры; например, между ступенями гаммы (различными высотами звука), между рисунками движения мелодии (вверх, вниз), между единицами ритма (величинами длительностей звука), аналогично между степенями громкости звука, оттенками тембра (артикуляции звука), пространственными положениями звука и т. п. «В музыке прошлого почти всегда эти ряды были природно сплоченными, структуры различных параметров – слитыми друг с другом, поэтому они и не различались как структурные слои. В XX веке, вслед за структурной эмансипацией высотных рядов в додекафонно-серийной композиции, новаторы музыки провели и дальнейшую автономизацию структур различных параметров, что привело к контрапункту параметров, как если бы в разных параметрах образовывались свои организующие ряды и противопоставляемые друг другу «рисунки» из разнокачественных единиц» [17].

[2] «Условный театр» – это термин, обозначающий художественное направление в театральном творчестве, возникшее на рубеже XIX–XX вв. – в противовес реалистическому и особенно – натуралистическому театру. В конце XX в. формируется альтернативный театр (В. Григолюнас – в Литве, Р. Виктюк – в Москве). Концепция «условного театра» была реализована Мейерхольдом в постановке опер «Тристан и Изольда» Р. Вагнера (1909), «Орфей» Х. В. Глюка (1911), «Каменный гость» А. Даргомыжского (1917) в Мариинском театре, «Пиковая дама» – в Малом оперном театре Ленинграда (1935 г.).

традиционно относят к музыкально-театральным репрезентациям. Именно они содержат «парамузыкальный аспект», связанный с выходом на пределы «чисто музыкальной сферы» (выражения М. Катунян). Такова, например, актерская игра музыкантов в «Вечном возвращении» Виктора Екимовского, авторское исполнение композиции «Море» Анны Короткиной.

В определенной степени такого рода музыкально-театральные представления близки к «условному театру» В. Мейерхольда[1] начала XX в. («театра ритуально-обрядового (в частности, японского), так и площадного балаганного (особенно – комедия дель арте)» [18] и опытам Э. Сати (балет «Парад», 1917 г. с хореографом Леонидом Фокиным) во Франции. Так, Мейерхольд считал, что важнейшим компонентом в концепции условного театра является зритель – «его творческое воображение, которое по данным в спектакле намекам, знаковым и символическим изображениям способно продолжить, достроить общую объемную картину, воспринять мысль и идею спектакля… Главным эстетическим средством «условного театра», по мнению режиссера, становится его зрительный образ, воплощенный в декорации, костюме, гриме, в пластической выразительности актера и ритме сценического действия» [18][2]. Идеи «тотального театра» (В. Мейерхольд), «где зритель становится участником действия, отождествляясь не с героем (как в психологическом театре), а с коллективной общностью» [18], привели к «стиранию границ между театром и жизнью» (Т. Чередниченко). Таким образом, центральным моментом спектакля у Мейерхольда была системная непредсказуемость, казуальность, которая обеспечивалась прежде всего зрителем.

Идеи «условного театра» повлияли и на музыкальный театр, где было отдано предпочтение разомкнутой структуре в виде незакрепленного текста, театральному жесту, означающему «продолжение музыки в действии» (К. Зенкин) и исполнительской воле, основанной на импровизации. Поиск новых нетрадиционных форм драмы и реализации творческих идей (стремление к новизне и разрушению сложившегося опыта) приходится на послевоенный музыкальный авангард и рассматривался как поиск альтернативы ригидному рационализму Первого авангарда. Однако инновационные идеи Второго авангарда были дополнены интересом к внеевропейскому стилю мышления, выражением которых стали спонтанирование, непредсказуемость и творящая процессуальность, в том числе диссипативная. Сознательный переход от структуры к процессу использовал Джон Кейдж. Он писал: «Жизнь едина. Нет начала, нет середины, нет конца. Я перешел от структуры к процессу, от музыки как объекта, имеющего части, к музыке без начала, без середины или конца…» [6].

Ю. Гниренко, М. Катунян, В. Петров, М. Переверзева, А. Соколов охарактеризовали многие параметры новых музыкально-театральных репрезентаций. Мы предлагаем обратить внимание на один небольшой нюанс, касающийся онтологии явления. На наш взгляд, новые музыкально-театральные реалии, имманентно содержащие возможность для самореализации креативного начала, казуальности в различных нефиксируемых формах и незамкнутых структурах, есть не что иное, как *ризома*[3] – особая форма бытия объекта культуры, в основе которого лежит *нелинейность*. Нелинейность в ризоморфных средах утверждает эстетику свободного высказывания, событийности и случая, всегда обусловленного фантазией композитора или исполнителя, и ха-

[1] «Разработка современной концепции условного театра началась в лоне символизма, с его опоэтизированными образами-знаками (хотя на самом деле древние и архаичные формы театрального искусства условны в гораздо большей степени, нежели любые современные спектакли). Значительный вклад в эту концепцию внесли символисты-драматурги М. Метерлинк, Г. Ибсен, Б. Бьернсон, А. Стриндберг; режиссеры А. Аппиа, Г. Фукс, М. Рейнхард, Г. Крэг. В дальнейшем вопросы театральной условности закономерно возникали в рамках различных эстетических направлений – преимущественно авангардистского толка: футуризма (К. Малевич «Победа над солнцем»); функционализма (т. н. «механический театр» Баухауза – О. Шлемер, К. Шмидт, Ф. В. Боглер, Г. Тельтшер, В. Гропиус и др.); абсурдизма (С. Беккет, Э. Ионеско, Ж. Жене и др.); и т. д.» [18].

[2] «Главным «врагом» условного театра становится жизнеподобие; ни зритель, ни актер не должен забывать, что перед ним – не сколок жизни, но театральное зрелище; не подробно воспроизведенный муляж места действия, но – декорации, построенные на подмостках сцены» [18].

[3] Ризома (фр. *rhizome* – корневище) – «понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования» [10, с. 884]. Термин «ризома» введен в научный оборот Делезом и Гваттари в работе «Rhizome» (1976), где манифестируется радикальный отказ от каузальной организации целого.

рактеризует композиторское творчество в его авангардной ветви, органично вписываясь в постнеклассическую парадигму искусства второй половины XX в.

Нелинейность в музыкально-театральных реалиях характеризуют поливариантность и альтернативность путей развития, скачкообразность процесса и разомкнутость целостности. В качестве композиторского подхода к материалу нелинейность признает объективную многовариантность путей его эволюции, выбор альтернативных путей и темпа развития, а также в аппроксимативности исполнительского времени. В мировоззренческом плане нелинейность отражает идею многовариантности и выбора из данных альтернатив эволюции системы [4]. По существу хэппенинг, перфоманс и инструментальный театр являются репрезентантами *ризомных музыкально-театральных реалий,* поскольку выражают «фундаментальную для постмодерна установку на презумпцию разрушения традиционных представлений о структуре как семантически центрированной и стабильно определенной, являясь средством обозначения радикальной альтернативы замкнутым и статичным линейным структурам, предполагающим жесткую осевую ориентацию» [10, с. 884]. Ризомные музыкально-театральные реалии характеризуют принципиальная автономность звукового (музыкального) ряда и вычленение жеста в качестве самостоятельной единицы музыкально-театрального текста, углубленное внимание к пластике и ритму, отсутствие обусловленных пространств и времени, а также участие зрителя в качестве участника действия. Интонационный рельеф в них ориентирован на «мимолетное переживание» (Т. Шабалина) и не предполагает драмы.

В ризомном музыкальном театре есть не три ипостаси как в традиционном (композитор, исполнитель, либреттист), а четыре. Четвертым является зритель, который не отождествляется с героем и является частью коллективной общности и участником музыкально-театрального действия. Тем самым он выступает носителем четвертой ипостаси подобно условному театру В. Мейерхольда[1]. Заметим, что в таких музыкально-театральных репрезентациях композитор хотя и определяет музыкальный процесс, но не влияет на художественный результат. Следовательно, функция исполнителя становится весомой, креативной, и актер (хотя бы и в лице музыканта), танцовщик свободен в выборе средств.

Таким образом, главной особенностью ризоморфного бытия объекта культуры является принцип случайных действий, генезис которого в нелинейности. Содержание нелинейности в музыкально-театральных репрезентациях определяется степенью структурной *турбулентности* (неустойчивости, включающей вероятность, случайность), *диссипацией (разомкнутость системы)* и *фрактальным* разнообразием, а также наличием *неопределенностных* величин. Немаловажным фактором является и время: в ризомных композициях оно поливерсионально (слово Ц. Когоутека), преимущественно не имеет границ, т. е. не имеет осевую ориентацию и структурно разомкнуто. Следовательно, нелинейность в формообразовании – это основа «разомкнутой», не имеющей завершения диссипативной музыкально-театральной системы и основа «алеаторической» структуры, связанной с принципом случайности.

Следует сказать несколько слов о диссипации, которая неразрывно связана с нелинейностью, особенно во временном измерении композиции, в том числе музыкально-театральной, как «процессе сочинения». Ее синонимом является «открытая форма», что в целом противоречит логике: форма означает нечто оформленное, замкнутое, но «открытая форма» этим коренным качеством не обладает. Поэтому такие разомкнутые системы в постмодерне называются диссипативными. Применим этот термин и к нашим музыкально-театральным реалиям. *Композиция с диссипацией* (от лат. *dissipatio* – рассеяние, расточение), или диссипативная структура, корни которой в разнотоникальности, это нелинейная системная целостность, в нашем случае – *ризомная, музыкально-театральная,* которая возникает в условиях би- или полифуркационной ситуации (исполнитель хэппенинга не предлагает конкретного варианта завершения) и a priori не имеет

[1] Истоком такого театра была античная трагедия, где подражание связывало не зрителя и героя, а зрителя и хор. Т. Шабалина пишет об условном театре следующее: «Важнейшим компонентом в концепции условного театра для Мейерхольда становился зритель – его творческое воображение, которое по данным в спектакле намекам, знаковым и символическим изображениям способно продолжить, достроить общую объемную картину, воспринять мысль и идею спектакля» [18].

конкретного завершения[1]. Музыкальный материал сочиняется, как сочиняется и исполнительское действие, но его завершение «распыляется» в произвольных импровизациях. Так, например, «Охранная грамота кометы Когоутека» В. Мартынова a priori указывает на нелинейность – диссипативную по сути[2]. Аналогичные способы структурной диссипации демонстрируют «Music for Carillon № 1» (1952, Музыка для колоколов № 1, посвящается К. М Ричардс) Д. Кейджа.

В четырех «Европерах» (1985–1990) Кейджа, где были реанимированы некоторые дадаистские идеи Эрика Сати, правда с использованием актуальных средств музыкальной электроники, принцип диссипации выразился в бесконечном процессе «следования друг за другом разнородных и независимых музыкальных событий», чередование которых было определено мерой вероятности. Как верно отмечает М. Переверзева, «“Европеры” Кейджа не основаны на концепции музыкальной формы как замкнутого целого, в котором интегрированы все элементы композиции» [13]. На наш взгляд, это типичный диссипативный музыкально-театральный процесс, которой «создается композитором в процессе сочинения».

Диссипативные структуры бывают и в условиях прироста энтропии. Здесь важен один принцип: чем меньше элементы системы подчинены какому-либо порядку, тем выше энтропия. Диссипация инспирирована усилением независимости элементов от главного тона или от главенствующего композиционного принципа. Отметим также тот факт, что диссипативные музыкально-театральные структуры не являются инвариантными относительно времени, и процесс их формирования характеризуется необратимостью по отношению к его течению.

Специфика этого нового качества музыкально-театральной реальности инспирируется «событием», которое является для него центральным[3]. В своем существе «событие», событийность есть не сущее, а взаимосоответствие Бытия и Времени, где *взаимосоответствие* осуществляется за счет циркуляции и резонирования событий, непричинной последовательности цепи фрагментов или групп событийных рядов. Поэтому композиция обретает вид уникального метасобытия, где происходит отождествление процессуальности и формы. Это и есть то состояние материала, которое «сочиняется в процессе» (Ю. Холопов). Примерами служат «Demonstrationof the Sounds of the Environment» / «Демонстрация звуков окружающей среды» (1971) Д. Кейджа. Таким образом, ризомные музыкально-театральные реалии основаны на нелинейном концепте, включающем в себя событийность, случайность (алеаторичность и аппроксимативность), диссипативность, тождество процесса и формы, т. е. имеют нелинейную (поливариантную, полифуркационную) онтологию. В этом заключается главное отличие постнеклассической музыкально-театральной реальности от замкнутой неклассической Первого авангарда и классической.

Между тем существуют хэппенинги с регламентированным хронометражом, но со своего рода нелинейным смысловым наполнением. Таковым является «4′33″ tacet» Д. Кейджа. Его содержанием является выход за рамки личного существования, где тишина, безмолвие олице-

---

[1] Думается, что одним из первых современных композиторов, обратившихся к нелинейности в форме диссипации, был Джон Кейдж в своих хэппенингах, которые длились от нескольких секунд до десяти часов. И поскольку их отличительной чертой являются *chance operations,* то они по определению нелинейны. Впрочем, Чарльз Айвз в своей пьесе «Вопрос, оставшийся без ответа» над заключительной тактовой чертой еще в 1908 г. поставил знак ферматы, т. е. указал на звучание «пока не растает звук» (см. подробный анализ пьесы в книге А. С. Соколова «Введение в музыкальную форму». М.: Владос, 2004).

[2] Генезис диссипативного завершения также видится в европейской австро-немецкой музыке рубежа XIX–XX вв., хотя его ростки демонстрирует уже «Прощальная» симфония (№ 45, фа-диез минор, 1772) Й. Гайдна, где музыкальный материал постепенно сокращается и в конечном итоге прекращается. Симфония была написана для капеллы и домашнего театра венгерских князей Эстерхази. В тот год семейство Эстерхази задержалось в их летнем дворце, где было достаточно прохладно. Музыканты страдали от холода и болезней. Гайдн решил намекнуть князю, что пора уезжать с помощью музыки. Особенность этой симфонии в том, что она исполняется при свечах, закреплённых на нотных пультах музыкантов; за традиционным по форме финалом следует дополнительная медленная часть, во время исполнения которой музыканты один за другим прекращают играть, гасят свечи и покидают сцену. Сначала исключаются все духовые инструменты. В струнной группе выключаются контрабасы, затем виолончели, альты и вторые скрипки. Симфонию доигрывают лишь две первые скрипки (на одной из которых в своё время играл сам Гайдн, так как первый скрипач был одновременно дирижером оркестра), которые после завершения музыки гасят свечи и уходят вслед за остальными. Князь Эстерхази понял этот изящный намек, и вскоре он и музыканты покинули летнюю резиденцию [3].

[3] Напомним, что свои сочинения, которые Аллан Капроу, ученик Кейджа, назвал в 1956 г. хэппенингом, Д. Кейдж называл событием.

творяют вечное, высшее, сверхреальное, форму воплощения внутреннего «Я» музыканта. Но цифровое обозначение хэппенинга имеет и другое объяснение: 4 минуты и 33 секунды есть 273 секунды, что означает «абсолютный температурный нуль по Кельвину» (в градусах) (Э. Сороко). В экзистенциальном смысле это означает конец «звуковой музыки» и торжество «сверх» или «надмузыкального» начала. Здесь мы можем провести параллель с «Черным квадратом» К. Малевича, обозначившем кризис фигуративной живописи. Следовательно, данный хэппенинг не относится к нелинейной процессуальности, но его содержание нелинейно, многозначно. Однако семантика – это другая сторона вопроса.

В ризомных музыкально-театральных реалиях непреложным аргументом, находящимся в оппозиции к «семантически центрированной и стабильно определенной системе» (М. Можейко), выступает децентрация. Здесь возникает два вопроса: о типе музыкально-театральной системы и о её организации. Как известно, композиторские описания своих опусов существуют, исполнительские интерпретации – не всегда. Сначала о системе.

Музыкально-театральные реалии постнеклассической эпохи, апеллирующие к ризоморфному бытию, относятся к самоструктурирующимся и самоорганизующимся, а не к центрированным системам. Их особенностью является вариантность организационных форм и бесчисленное число их трансформаций, обеспечивающих новое качество целостности – вариабельность, нестабильность. Последнее является прерогативой тех уровней музыкальной композиции, где велика роль аппроксимаций, алеаторики, свободного спонтанирования, перманентного создания произведения «в процессе сочинения». Музыкальный, заполненный внутренним смыслом звуковой аспект занимает в музыкально-театральных композициях либо подчиненное положение, либо присутствует в виде музыки/видеоряда или даже *мысли о* музыке. Таким образом, хэппенинг, перфоманс и даже инструментальный театр в своей сущности есть своего рода ризомные музыкально-театральные реалии, обладающие имманентной и перманентной креативностью, репрезентирующие творящую процессуальность и демонстрирующие разомкнутость композиционной системы.

Таким образом, в основе новой музыкально-театральной реальности лежит процессуально-событийный аспект, получающий индивидуальное воплощение в тех формах, в каких ее мыслит авангардный композитор. Здесь нет клише: все реализуется только «здесь» и «сейчас». В качестве материала нередко выступает и сам автор, поэтому грань между творцом и творением стирается. Отсюда три следствия: 1) неизбежное тождество противоположностей (а не субъект-объектные отношения, присущие классике и Первому авангарду); 2) творящая и творимая (рождаемая) воочию музыкально-театральная материя в ее неопределенностности и незавершенности; 3) самоструктурирование, связанное с новым образом детерминизма, или нелинейным типом детерминизма (М. Можейко). Главной интенцией творящей процессуальности как произведения искусства становится эпатаж, эксцентрика, импровизация исполнителя и зрителей. Примерами являются «A Dip in the Lake» (1978), «В поисках утраченной тишины» (1979) Д. Кейджа. Рецепция радикальных идей была осуществлена белорусскими композиторами – В. Кузнецовым и А. Короткиной.

Возникает несколько вопросов: как формуется та или иная музыкально-театральная репрезентация? Каков механизм *создания «*композитором в процессе сочинения, вообще в процессе его деятельности» музыкально-театральной реальности?

На наш взгляд, в нелинейных композициях П. Булеза, Л. Берио, Д. Лигети, Л. Ноно, Д. Кейджа, В. Кузнецова, В. Мартынова арт-микстовых проектах[1] рубежа XX–XXI вв., содержащих состояния нестабильности, поли- и бифуркации, также есть и порядок, и обусловленность, т. е. произведения содержат рациональный конструкт, поскольку творческий разум a priori является продуктом сознания и зиждется на идее *самоуправления и самоорганизации* [16]. Согласно Р. Р. Мею, «все, что «рождается само… рождается через случайное» [9]. Процесс «саморождения» связан с множественностью *состояний* и неоднозначностью *путей развития* музыкально-театральной системы в условиях отсутствия перманентных взаимосвязей между ее элементами.

[1] Арт-микст-проект, арт-микст-композиция – авторский термин, относящийся к мультимедийной продукции с художественной составляющей, которая включает медиа- (техногенный фактор) и мультикультурный продукт – аудио-, изо-, кино-, музыко-, видеоряд в союзе с театральным действием и светом.

В самом деле, как управлялся хэппенинг «Музицирк» Кейджа, состоящий в исполнении нескольких десятков его отдельных сочинений в разное время вместе с чтением лекций, стихов, показом кинопленки? Во всех случаях театральный, действенный аспект позиционирует себя как исполнительская воля и потому a priori содержит волюнтаристскую компоненту, случайностный фактор, или эвентуальность. В российской и белорусской музыке в стиле музыкально-театрального радикализма написаны «День Максима Богдановича» (2008) Л. Симакович, «Архитектон» (2011–2013) для двух фортепиано, чтеца и оркестра В. Воронова, «Балетто» (1974) для дирижера и любого ансамбля В. Екимовского и др. Сочинения демонстрируют опору на ризомное мышление и нелинейный тип детерминизма.

Управление творческой мыслью в такой ситуации предполагает разные степени свободы. И поскольку свобода «есть круг внутри более широкого круга детерминизма, который в свою очередь находится внутри еще более широкого круга свободы, и так далее до бесконечности» [9], то вопрос о регуляторе творческих репрезентаций и их организации в условиях многозначности и парадигмальной матрицы нелинейности можно объяснить с позиций *самодетерминизма,* который есть «способность самостоятельного выбора направления саморазвития» [16]. Самодетерминизм – это рациональный конструкт, который имеет антропогенный генезис и является определяющим в структурировании музыкально-театральной материи, основанной на нелинейности, т. е. в тех условиях, где воцаряется вариантная множественность структуры и прочтения музыкально-театрального текста (исполнителем или исполнителями), где существуют незакрепленность текста и «сингулярные события» (т. е. частные, несистемные) и исполнительская импровизация, указывающие на ее турбулентное свойство и неравновесность. Интегральность целого в ризомных музыкально-театральных реалиях достигается с помощью неизбежного возникновения определенного единообразия материала и одновременной связанности элементов на основе принципа самоорганизации и авторской (самоорганизующейся) темпоральности[1].

Следовательно, тип детерминизма в условиях алеаторического, коллажного «хаоса» в ризомных музыкально-театральных реалиях основывается на принципе «самодеятельности» (А. Лосев) и на антропоморфизме. Самодетерминизм является репрезентантом нелинейного типа детерминизма, или нового типа детерминизма (М. Можейко), известного со времен Эпикура[2]. В качестве композиторского и шире творческого эдикта самодетерминизм есть свойство творческого разума, суть которого исчерпывающе сформулировал Г. Лейбниц: музыка – это «арифметическое упражнение души, исчисляющей себя, не зная об этом» (Musica est exercitium arithmeticae occultum nescientis se numerare animi) [7, с. 404]. Его дополнил Б. П. Вышеславцев, который писал: «В творчестве «произвол» удивительным образом сохраняется и чувствуется, как играющая свобода и свободная игра во всякой творческой, т. е. «поэтической» сублимации» [1]. И действительно, творческий разум демонстрирует различные уровни осмысления и репрезентации своих мыслей, чувств, эмоций и экзистенций. Но поскольку свобода и порядок в творчестве образуют нерасторжимое единство, то существует ли эстетический предел самовыражения?

В то же время *самоорганизационные феномены,* представленные ризомными музыкально-театральными реалиями, становятся центральной проблемой для постнеклассической художественной эпохи и постмодерного миропонимания. Будучи увязанными с проблемой новизны как источником подлинной множественности и, в равной мере, с проблемой множественности как условием подлинной новизны, композиторский самодетерминизм в качестве творческого разума таит в себе неисчерпаемые возможности[3]. Важнейшими структурными критериями ризомного

[1] Ученые психологи отмечают, что понятия самодетерминации и самоконтроля не синонимичны и не идентичны по своим функциям и что их различает подход к авторству. Например, Д. Леонтьев пишет: «Следует различать самодетерминацию, с одной стороны, и саморегуляцию или самоконтроль – с другой. В последнем случае регуляторами могут выступать интроецированные нормы, конвенции, мнения и ценности авторитетных других..». И далее отмечается, что в таких случаях «субъект не выступает … автором, как при подлинной самодетерминации» [8, с. 15].

[2] Эпикур решает вопрос так: он наделяет атомы способностью самопроизвольного отклонения, которую он рассматривает по аналогии с внутренним волевым актом человека. Получается, что атомам присуща «свобода воли», которая и определяет «непременное отклонение» [19].

[3] По мнению Е. Князевой и С. Курдюмова, «новый образ детерминизма», или «иной тип» детерминизма, конституирует «в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего». Таким образом, самодетерминизм в психологии и самоорганизация в постмодерной философии являются репрезентантами

музыкально-театрального феномена выступают степень закрепленности текста (включая музыкальный), «фокус семантического тяготения» (по Делезу), а также характер и способ циркулирования материала.

Таким образом, одной из художественных репрезентаций постнеклассической эпохи выступила нелинейная концепция музыкально-театральных реалий, где мир мыслится как текст, не ограниченный в своих структурных возможностях и допускающий бесчисленное множество интерпретаций. Композиционным принципом ризомных *музыкально-театральных реалий* явился не закон основания, а спонтанейная (В. Ульянов) процессуальность и самоорганизация. Выступив в качестве интенции к преодолению норм и принципов «естественного, природного» (по Ж.-Ф. Рамо) мышления, принцип самоорганизации обрел статус концепта, отвечающего постмодерному мироощущению авангардных композиторов, традиции которого сложились в послевоенные годы.

Если в музыкально-театральных ризомных средах произошли разъятие Единого и разрыв рационального и чувственного начал творчества в его классической трактовке, в результате чего сочинение как объект нередко утрачивало «зна́чащую» форму, а «нефиксированность» конечных смыслов, незакрепленность текста, а также комбинаторика и деконструкция свидетельствовали о расширении пространства музыки – вплоть до утраты ею своей автономности и видово́й ипостаси, то одновременно, ближе к нашему времени, наблюдается поворот к *«звуко-чувственному языку»*, к «естественным» принципам Рамо. Процесс переосмысления западного радикализма и поворот к восстановлению парадигмы «красоты, прекрасного; творчества (как Творения на его высшем этапе), согласно законам красоты и гармонии» [17], происходят на основе синтеза накопленного опыта, где под синтезом понимается «концентрированное сведение воедино нескольких смысловых единиц с образованием системного качества» [4, с. 192]. В актуальном музыкально-театральном искусстве синтез реализуется в интегративной художественной целостности, основанной на самостоятельных «когнитивно-творческих ветвях» (жанровых или стилевых) с развитой и только им присущей спецификой [18]. В новом синтезе важна нерасчленённость традиций и новаций, что демонстрируют «Упражнения и танцы Гвидо» Владимира Мартынова (1997; пост. 2022) и «Одиссей» Эрве Куби (2020). Мы отнесли их, соответственно, к альтернативной опере и альтернативному балету.

Альтернативную оперу характеризуют репрезентация образов без психологического основания и переживания (коммуникация образов свойственна традиционному театру), гиперболизация и сценическая метафорика, в интонационном плане – опора на «естественные принципы». В сочинениях имеет место трансцендентальное понимание музыкально-театрального действа, где образная система не коррелятивна системе образов традиционного музыкального театра. В отличие от музыкально-театральных реалий, основанных на change operations, *альтернативная опера* возвращает трех творцов – композитора, автора вербального текста, исполнителя (актер, оркестр, певец). Новые жанровые варианты музыкально-театральной реальности – это жанровые феномены, входящие в структуру более широкого явления – *альтернативный музыкальный театр.* Примечательно, что он является, на наш взгляд, развитием «условного театра» (В. Мейерхольд) и «альтернативного театра» (В. Григолюнас). В его характеристику входят:

репрезентация протагониста, его дела, а не коммуникация и драматическая конфликтность, характерная для классического музыкального театра;

имманентное отсутствие обусловленных пространств в виде театральной сцены и многозначная жанровая парадигма (концерт, показ);

нивелирование внутренних переживаний в виде драмы или мелодрамы, характерных для театра переживания;

певец не изображает (подражает), а производит эмоцию, т. е. элиминирование миметичности, мимезиса;

элевация смысла и содержания;

нового мировидения, выступая оптимальным методологическим инструментарием для раскрытия нового качества музыкально-театральной композиции, главными чертами которой выступают открытость системы, фактор случайности и «подлинная множественность подлинно новых состояний» [5, с. 87].

экзистенциальное понимание чувств;

нарратив и показ как основа драматургии вместо захватывающего интригующего действия;

аддиционный принцип построения композиции.

Неотъемлемой чертой альтернативной оперы В. Мартынова является эффект присутствия автора, словно оценивающего свое творение. Театральное действие, как и приемы театральной игры актеров-певцов в альтернативной опере, – это прежде всего репрезентация «образа-представления» (Т. Шабалина), показ самое себя посредством пения, передвижения по сцене (пластика, жест, интонация) и сценография (костюм, свет, цвет). В музыкальном плане следует отметить установку на эстетику консонанса, мелодическую основу вокала, отчетливо выраженные стилевые реминисценции, а также пиетет к взаимодействию эмоционального и экзистенционального начал (заметим, что экзистенциональное миропонимание апеллирует к радикальной бесконечности). Организующим фактором альтернативной оперы выступают конкретная выстроенность аффектов и принцип сквозного развития, где важна роль простого повторения и аддиций. Все это формует новую, актуальную музыкально-театральную модель. В целом, музыкально-театральное представление являет собою «антимиметическое зрелище», которое в итоге достигает «литургичности и <…> трансцендирующей общности» [18].

В контексте тенденций «возвращения к истокам» знаменательно обращение Владимира Мартынова в «Упражнениях и танцах Гвидо» к христианскому этосу. Христианство выступает у него как почва для гениального открытия Гвидо из Ареццо и одновременно как символ творческого целомудрия. Именно на этой высокой духовной ноте и глубокой мировоззренческой основе построена новая музыкально-театральная реальность, новая театральная и музыкально-интонационная концепция.

Заключение. Альтернативная опера «Упражнения и танцы Гвидо» видится знаковым явлением в современном художественном пространстве, указывающем на поворот «музыкально-эстетической парадигмы» к красоте и гармонии. Исходя из реалий современного искусства, можно говорить о трансцендентности творчества и проблемах жанров и образов, выходящих за рамки любой возможной репрезентации. Таким образом, альтернативный музыкальный театр включает в себя альтернативную оперу и альтернативный балет, которые входят в общую систему альтернативного театра. В итоге образуется своеобразная триада инновационных сценических жанров: условный театр – альтернативный театр – альтернативный музыкальный театр.

Список использованных источников

1. Вышеславцев, Б. П. Вечное в русской философии [Электронный ресурс] / Б. П. Вышеславцев. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. – С. 302. – Режим доступа: https://uchebnikfree.com/istoriya-filosofii-uchebnik/svoboda-volitvorcheskiy-9474.html. – Дата доступа: 01.11.2022.

2. Катунян, М. Параллельное время Владимира Мартынова / М. Катунян // Музыка из бывшего СССР. Вып. 2. – М.: Композитор, 1996. – С. 41–74.

3. Кенигсберг, А. Гайдн. Симфония № 45 («Прощальная») [Электронный ресурс] / А. Кенигсберг. – Режим доступа: belcanto.ru/s_haydn_45.html и https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 05.11.2022.

4. Кикель, П. В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / Э. М. Сороко, П. В. Кикель. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2008. – 2-е изд. – 266 с.

5. Князева, Е. Основания синергетики / Е. Князева, С. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 87.

6. Композитор Джон Кейдж о музыке // Интервью, которого не было / В. Ценова. – 2010. – 6 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:expel.at.ua/news/kompozitor_dzhon_keJdzh_o_muzuke/2010-08-06-59. – Дата доступа: 01.11.2022.

7. Лейбниц, Г. В. Начала Природы и Благодати, основанные на разуме / Г. В. Лейбниц // Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – 639 с.

8. Леонтьев, Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2000. – № 1. – С. 15–25.

9. Мей, Р. Р. Свобода и судьба [Электронный ресурс] / Р. Р. Мей; пер. с англ. А. Багрянцевой. – М., 2013. – 288 с. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/book/1000902059/about-svoboda-i-sudba-rollo-mej. – Дата доступа: 03.11.2022.

10. Можейко, М. А. Ризома / М. А. Можейко // История философии. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2002. – С. 884–888.

11. Можейко, М. А. Классика–неклассика–постнеклассика / М. А. Можейко // История философии. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2002. – С. 459–463.

12. Нелинейность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.psyoffice.ru/6-197-nelineinost.htm]. – Дата доступа: 03.11.2022.

13. Переверзева, М. Европери Джона Кейджа как философско-эстетический манифест композитора [Электронный ресурс] / М. Переверзева // Израиль. Музыкальный журнал. – Режим доступа: https:// archive.li/t0sef. – Дата доступа: 01.11.2022.

14. Переверзева, М. Джон Кейдж. Жизнь, творчество, эстетика / М. Переверзева. – М.: Юрайт, 2022. – 292 с.

15. Петрусева, Н. А. Относительность звукового пространства, времени и формы («Dérive 1» Пьера Булеза) / Н. А. Петрусева // Юрий Николаевич Холопов и его научная школа. – М., 2003. – С. 254–267.

16. Самодетерминация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.psychologos.ru/articles/view/samodeterminaciya. – Дата доступа: 02.11.2022.

17. Холопов, Ю. Н. Новые парадигмы музыкальной эстетики XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knigogid.ru/books/1775445-novye-paradigmy-muzykalnoy-estetiki-xx-veka/toread. – Дата доступа: 02.11.2022.

18. Шабалина, Т. Условный театр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Krugosvet.ru/enc/USLOVNI TEATR/htm. – Дата доступа: 05.11.2022.

19. Эпикур и эпикурейцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.info/2-108438.htm. – Дата доступа: 05.11.2022.

References

1. Vysheslavtsev B. P. *Eternal in Russian Philosophy.* New York, Publishing House im. Chekhov, 1955, p. 302. Available at: https://uchebnikfree.com/istoriya-filosofii-uchebnik/svoboda-voli-tvorcheskiy-9474.html (accessed 11.01.2022) (in Russian).

2. Katunyan M. *Parallel time of Vladimir Martynov.* Music from the former USSR. Issue. 2. Moscow, Kompositor Publ., 1996, pp. 41–74 (in Russian).

3. Koenigsberg A. *Haydn. Symphony No. 45 ("Farewell").* Available at: belcanto.ru/s_haydn_45.html and https://ru.wikipedia.org/wiki (accessed 11.05.2022) (in Russian).

4. Kikel P. V., E. M. Soroko. *Brief Encyclopedic Dictionary of Philosophical Terms.* Minsk, BSPU imeni M. Tanka, 2008. 2nd ed. 266 p. (in Russian).

5. Knyazeva E., Kurdyumov S. *Foundations of synergetics.* St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2002, p. 87 (in Russian).

6. *Composer John Cage on music. Tsenova V. Interview that never happened.* 2010, August 6. Available at: https:expel.at.ua/news/kompozitor_dzhon_keJdzh_o_muzuke/2010-08-06-59 (accessed 11.01.2022) (in Russian).

7. Leibniz G. V. *Principles of Nature and Grace, based on reason.* Collected. cit.: in 4 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 639 p. (in Russian).

8. Leontiev D. A. Psychology of freedom: to the formulation of the problem of self-determination of personality. *Psichologiceskii zhurnal* [Psychological journal], 2000, no. 1, pp. 15–25 (in Russian).

9. May R. R. *Freedom and fate.* Moscow, 2013. 288 p. Available at: https://www.livelib.ru/book/1000902059/about-svoboda-i-sudba-rollo-mej (accessed 11.03.2022) (in Russian).

10. Mozheiko M. A. *Rizoma. History of Philosophy. Encyclopedia.* Minsk, Book House, 2002, pp. 884–888 (in Russian).

11. Mozheiko M. A. *Classics-non-classics-post-non-classics. History of Philosophy. Encyclopedia.* Minsk, Book House, 2002, pp. 459–463 (in Russian).

12. *Nonlinearity.* Available at: https://www.psyoffice.ru/6-197-nelineinost.htm] (accessed 11.03.2022) (in Russian).

13. Pereverzeva M. *John Cage's Europeans as a Composer's Philosophical and Aesthetic Manifesto. Israel. Music magazine.* Available at: https://archive.li/t0sef (accessed 11.01.2022) (in Russian).

14. Pereverzeva M. *John Cage. Life, creativity, aesthetics.* Moscow, Yurayt Publ., 2022. 292 p. (in Russian).

15. Petruseva N. A. *Relativity of sound space, time and form ("Dérive 1" by Pierre Boulez). Yuri Nikolaevich Kholopov and his scientific school.* Moscow, 2003, pp. 254–267 (in Russian).

16. *Self-determination.* Available at: https://www.psychologos.ru/articles/view/samodeterminaciya (accessed 02.11.2022) (in Russian).

17. Kholopov Yu. N. *New paradigms of musical aesthetics of the twentieth century.* Available at: https://knigogid.ru/books/1775445-novye-paradigmy-muzykalnoy-estetiki-xx-veka/toread (accessed 02.11.2022) (in Russian).

18. Shabalina T. *Conditional theater.* Available at: Krugosvet.ru/enc/USLOVNI TEATR/htm (accessed 11.05.2022) (in Russian).

19. *Epicurus and the Epicureans.* Available at: https://studopedia.info/2-108438.htm (accessed 11.05.2022) (in Russian).

Информация об авторе

Мдивани Татьяна Герасимовна – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корпус 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 333mt777@gmail.com

Information about the author

Tatyana G. Mdivani – D. Sc. (Art.), Professor, Leading researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: 333mt777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-140-148

Паступіў у рэдакцыю 07.10.2022
Received 07.10.2022

Л. В. Алейнік

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

МАСТАЦКАЕ АСЭНСАВАННЕ САЦЫЯЛІЗАЦЫІ АСОБЫ Ў ІНШАКУЛЬТУРНЫМ СОЦЫУМЕ Ў АПОВЕСЦІ АЛЕНЫ БРАВА “КАМЕНДАНЦКІ ЧАС ДЛЯ ЛАСТАВАК”

Аннотация. Исследуется автобиографическая повесть «Комендантский час для ласточек» современной белорусской писательницы Елены Браво. Рассматриваются этапы, функциональные компоненты, общая структура процессов социализации и инкультурации личности, которые нашли отражение в художественном тексте. Определяются проблемы и устанавливаются причинно-следственные связи базовой социализации и последующей адаптации личности в инокультурном социуме. Обосновывается возросшая актуальность автобиографической прозы в связи с процессами всемирной глобализации и индустриализации современного общества, главным объектом воздействия которых является молодое поколение. Анализируется роль художественной литературы как социокультурной практики, содействующей развитию культурной компетентности и продуктивной социализации личности, поскольку основополагающие цивилизационные ценности и их смысловые модели кодифицируются и транслируются в обществе в значительной степени с помощью таких феноменов, как текст и книга. Автобиографическое произведение Е. Браво психологически достоверно отражает содержание социализации – своеобразной конвенции между человеком и обществом, двустороннего процесса освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей и их воспроизведения. Утверждается, что повесть «Комендантский час для ласточек» обладает высоким социализирующим потенциалом, является эффективным катализатором рефлексивной деятельности читателя, стимулятором творческого мышления, опосредованным способом постижения норм и правил социально-общественного бытия.

Ключевые слова: Елена Браво, художественная литература, автобиографическая проза, социализация, инкультурация, социальная адаптация

Для цитирования: Алейнік, Л. В. Мастацкае асэнсаванне сацыялізацыі асобы ў іншакультурным соцыуме ў аповесці Алены Брава “Каменданцкі час для ластавак” / Л. В. Алейнік // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 140–148. https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-2-140-148

Lada V. Aleinik

Belarusian State University, Minsk, Belarus

ARTISTIC INTERPRETATION OF THE SOCIALIZATION OF PERSONALITY IN A FOREIGN CULTURAL SOCIETY IN THE NOVEL BY ELENA BRAVO “CURFEW FOR SWALLOWS”

Abstract. The author examines the autobiographical novel “Curfew for Swallows” by the modern Belarusian writer Elena Bravo. The stages, functional components, the general structure of the processes of socialization and inculturation of personality, which are reflected in the literary text, are considered. The problems are identified and the cause-and-effect relationships of basic socialization and subsequent adaptation of the individual in a foreign cultural society are established. The article substantiates the increased relevance of autobiographical prose in connection with the processes of global globalization and industrialization of modern society, the main object of which is the younger generation. The article analyzes the general role of fiction as a socio-cultural practice that promotes the development of cultural competence and productive socialization of the individual, since the fundamental civilizational values and their semantic models are codified and transmitted in society largely through such phenomena as text and book. It is revealed that the autobiographical work of E. Bravo psychologically reliably reflects the content of socialization – a kind of convention between a person and society, a two-way process of mastering social norms and cultural values by an individual and their reproduction. It is argued that the

© Алейнік Л. В., 2023

story “Curfew for swallows” has a high socializing potential, is an effective catalyst for the reflexive activity of the reader, a stimulator of creative thinking, an indirect way of comprehending the norms and rules of social and social existence.

Keywords: Elena Bravo, fiction, autobiographical prose, socialization, inculturation, social adaptation

For citation: Aleinik L. V. Artistic interpretation of the socialization of personality in a foreign cultural society in the novel by Elena Bravo “Curfew for swallows”. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 140–148 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-140-148

Уводзіны. Цікавасць сучаснай навукі да праблем сацыялізацыі, інкультурацыі, этнакультурных аспектаў самаідэнтыфікацыі асобы стала адказам на запыты, звязаныя з узмацненнем працэсаў глабалізацыі, ростам міграцыйных патокаў, павышэннем культурнай гетэрагеннасці грамадства.

Неабходна падкрэсліць, што паняцці сацыялізацыі і інкультурацыі блізкія паводле значэнняў, іх нярэдка выкарыстоўваюць у якасці сінонімаў. Абодва яны цесна звязаны з публічным жыццём чалавека. Аднак у сучаснай сацыяльна-гуманітарнай навуцы абодва тэрміны набылі сваю спецыфіку выкарыстання. Сацыялізацыя – працэс інтэграцыі індывіда ў сацыяльную сістэму шляхам засваення норм, законаў, сацыяльных роляў і каштоўнасцей, якія дазваляюць паспяхова функцыянаваць у грамадстве. Інкультурацыя мае на ўвазе далучэнне чалавека да культуры з яе этнічнымі асаблівасцямі, традыцыямі і звычаямі. Вынікам працэсу сацыялізацыі з’яўляецца сталая *асоба*, канчатковы вынік інкультурацыі – замацаванне якасцей *інтэлігента*.

Складанасць працэсаў сацыялізацыі і інкультурацыі патрабуе разнастайных тэарэтычных падыходаў да выяўлення найбольш эфектыўных форм і метадаў узаемадзеяння чалавека і грамадства. Яшчэ ў пачатку XX ст. акадэмік У. І. Вернадскі адзначаў: “Мы ўсё больш спецыялізуемся не па навуках, а па праблемах. Гэта дазваляе, з аднаго боку, надзвычайна заглыбіцца ў вывучаемую з’яву, а з другога – пашырыць ахоп яе з усіх пунктаў гледжання” [1, с. 73]. Відавочна, што ў параўнанні з сацыялогіяй, псіхалогіяй, педагогікай і іншымі сацыяльна-гуманітарнымі навукамі роля філалогіі ў даследаванні сацыялізацыі асобы па-ранейшаму застаецца дапаможнай. Між тым сацыяльны вопыт, інтэлектуальны рэсурс, маральна-этычны і эстэтычны патэнцыял, увасобленыя ў мастацкай літаратуры, сацыяльна-камунікатыўныя аспекты мовы як носьбіта інтэлектуальнага мыслення з’яўляюцца надзвычай каштоўным матэрыялам у вывучэнні працэсаў сацыялізацыі і інкультурацыі асобы, патрабуюць пільнай увагі і сістэмнага даследавання.

Прафесар сацыялогіі В. А. Бачынін падкрэслівае: “У літаратурна-мастацкіх тэкстах шмат такіх семантычных, аксіялагічных і нарматыўных фігур, якія пры перамяшчэнні ў сацыялагічную дыскурсіўную прастору выяўляюць уласцівасці канверсавання. Гэта, напрыклад, стэрэатыпы (тыпы) сацыяльных паводзін людзей у розных сітуацыйных кантэкстах: ад банальна-паўсядзённых да экстрэмальных і эпахальна значных. Літаратура пры ўсім яе імкненні да індывідуалізацыі, пры ўсёй яе любові да прыватнага і адметнага заўжды выступала лаўцом і фіксатарам тыпавых мадэляў сацыяльных паводзін чалавека. Сацыялогія тут прыходзіць на ўжо ўзаранае поле, і ёй ніхто не забараняе разумна, узважана і ўдзячна карыстацца літаратурна-мастацкімі напрацоўкамі і ўвасабляць у генералізуючыя, тыпалагізуючыя, каўзальна-дэтэрмінаваныя формы тое, што ў мастакоў слова прапісана ў дэталях і суправаджаецца тонкімі змястоўнымі нюансіроўкамі” [2, с. 107]. Насамрэч філалагічны аналіз мастацкага тэксту, які спалучае літаратуразнаўчы, лінгвістычны і культурна-гістарычны падыходы, забяспечвае ўсебаковае асэнсаванне літаратурнага твора ў адзінстве формы і зместу, выяўляе рознаўзроўневыя сутнасныя сэнсы. Вывучэнне мастацкіх твораў, у якіх адлюстраваны працэсы інтэграцыі ў сацыяльную сістэму, этапы сацыялізацыі і інкультурацыі асобы, набываюць у сучаснай навуковай прасторы асаблівую актуальнасць.

Найбольш непасрэдна праблемы сацыялізацыі і інкультурацыі раскрываюцца мастацкай літаратурай праз *персаніфікацыю* – звязванне наратыву (апавядальнай плыні) з вобразам чалавека. У мастацкай прозе заўсёды персаніфікуюцца не толькі наратыўныя (апавядальныя) інстанцыі (суб’екты), але і фонавыя элементы сюжэтаў, наколькі гэта дазваляюць магчымасці жанру, выбранага аўтарам.

Мэта артыкула – прааналізаваць аўтабіяграфічную аповесць сучаснай беларускай пісьменніцы Алены Брава “Каменданцкі час для ластавак” (2002), дзе глыбока раскрываюцца праблемы адаптацыі асобы ў іншакультурным соцыуме.

Задача артыкула – вызначыць адлюстраваныя пісьменніцай праявы сацыялізацыі і інкультурацыі ў лёсе аўтабіяграфічнага персанажа (маладой дзяўчыны), што мусіць сталець у чужой экзатычнай краіне. Асноўныя метады даследавання – культурна-гістарычны і цэласны аналіз мастацкага тэксту.

Асноўная частка. Неабходна падкрэсліць, што праблемы сацыякультурнай інтэграцыі і адаптацыі актуалізаваліся ў постсавецкай сацыялогіі і гуманітарыстыцы ў цэлым яшчэ напрыканцы XX ст.: гэта было непасрэдна звязана з маштабнымі палітычнымі падзеямі – распадам СССР і разбурэннем “жалезнай заслоны”. Шэраг прынятых законаў дазволіў былым савецкім грамадзянам легальна і без ранейшай прававой ускладненасці выязджаць у замежныя краіны на вучобу, працу і пастаяннае месца жыхарства. У гэтых умовах ад’езд грамадзян з былога Савецкага Саюза рэзка павялічыўся, набыў масавы характар і атрымаў вызначэнне “чацвёртай хвалі” эміграцыі [3], якая адрознівалася ад папярэдніх беспрэцэдэнтнай фемінізацыяй – пераважную большасць мігрантаў складалі жанчыны [4]. Натуральна, імкненне жанчын да пераезду ў іншыя краіны свету было абумоўлена разнастайнымі фактарамі (ідэалагічнымі, адукацыйнымі, прафесійнымі і інш.), але перадусім – надзвычайна складанымі сацыяльна-бытавымі абставінамі перыяду “перабудовы” [5]. Пераход да рынкавай эканомікі, які суправаджаўся грашовай рэформай, лібералізацыяй коштаў і прыватызацыяй вытворчых прадпрыемстваў, зрабіўся прычынай фінансавага крызісу – катастрафічнай інфляцыі, страты насельніцтвам банкаўскіх зберажэнняў, беспрацоўя, таварнага дэфіцыту і масавага збяднення. “Інтэрнацыянальны” шлюб і выезд за мяжу пачаў разглядацца многімі жанчынамі як адзіны спосаб вырашыць матэрыяльныя праблемы і атрымаць сацыяльную абароненасць [6]. Аднак жыццё ў іншых краінах, дзе законы і культурныя нормы істотна адрозніваліся, дастаткова часта ператваралася для імігрантаў у сапраўднае выпрабаванне. Нярэдка адчуванні неадольнасці культурнай дыстанцыі і немагчымасці адаптацыі ў новым асяроддзі прыводзілі да стрэсу, дэпрэсіі і ў выніку змушалі да вяртання на радзіму.

У аснову аповесці А. Брава “Каменданцкі час для ластавак” пакладзены асабісты вопыт аўтара – сацыяльна-палітычныя падзеі, якія адбываліся ў нашай краіне ў другой палове 1980-х гадоў, і абставіны прыватнага жыцця, што падштурхнулі да эміграцыі на Кубу. У інтэрв’ю літаратурна-мастацкаму часопісу “Нёман”, расказваючы пра пачатак сваёй літаратурнай працы, пісьменніца засведчыла: “На першым курсе (факультэта журналістыкі БДУ. – *Л. А.*) падрыхтавала да публікацыі зборнік вершаў, на другім – пазнаёмілася са сваім будучым мужам-кубінцам, праз год у нас нарадзілася дачка Крысціна. А яшчэ праз два гады мы з’ехалі на Кубу. <…> Сама аповесць была напісана на адным дыханні, але ёй папярэднічалі дзённікі, якія я вяла на Кубе ў пачатку 1990-х, то бок за 12 год да таго, як рукапіс лёг на стол у рэдакцыі часопіса “Маладосць”. Гэта літаратурны тэкст, заснаваны на рэальным жыццёвым вопыце. Усе дэталі кубінскага побыту сапраўдныя, а падзеі, якія апісваюцца, адбываліся на самай справе і дакладна ў тых месцах, дзе яны адбываюцца ў аповесці. Можна зараз паехаць у Сант’яга-дэ-Куба і прайсці з кнігай па горадзе, спраўджваючы назвы вуліц, крам, кавярняў і музеяў, пастаяць у чэргах за нармаванымі прадуктамі і пачуць тыя ж фразы, якія прамаўляюць кубінцы ў аповесці, убачыць лозунгі на фасадах будынкаў. Усе дэманстрацыі і дзяржаўныя святы, вучэнні на амерыканскай ваеннай базе ў Гуантанама датуюцца дакладна. Нават кошты строга адпавядаюць тым, што былі ў той перыяд” [7, с. 4]. Імя галоўнай гераіні твора – Алеся Брава – гэтаксама падкрэслівае аўтабіяграфічнасць мастацкай гісторыі, яе спавядальны характар.

Дзяўчына з раённага беларускага гарадка, ад імя якой вядзецца аповед, – маладая пісьменніца, студэнтка факультэта журналістыкі сталічнага ўніверсітэта – падчас вучобы пазнаёмілася з Рэйнальда, прыгожым юнаком з Рэспублікі Куба. Маладыя людзі пакахалі адзін аднаго, і неўзабаве Алеся зразумела, што ў іх будзе дзіця. Цяжарнасць кардынальна змяніла ўсе жыццёвыя планы паспяховай студэнткі і фактычна адразу яна задумалася аб пераездзе ў іншую краіну, на радзіму мужа: “Пяшчота імгненна разраслася ўчэпістымі парасткамі, апляла, як плюшч ці павітуха, маю свабоду, ад якой я ў тое ж імгненне без ваганняў адмовілася: камандзіроўкі ад маладзёжных рэдакцый, ксеракопіі Бродскага і Мандэльштама, мае ўласныя паэтычныя творы, якімі зацікавіўся сталічны часопіс, – усё было з радасцю прынесена ў ахвяру. І ў той майскі дзень, калі мы з Рэйнальда будзем доўга ехаць на тралейбусе, а потым станем у хвост страшнай

кіламетровай змяі, якая пачынаецца на бальнічным ганку; калі ад шоргату слоў “Гомель… Брагін… Хойнікі…” мяне ўпершыню пачнуць калаціць дрыжыкі і я бездапаможна захіну кофтай досыць вялікі жывот; калі праз тры гадзіны – дастаяліся, нарэшце, – урач паднясе дазіметр да маёй шчытавідкі, а потым, пахітаўшы галавой, штосьці скажа медсястры і тая зробіць чарговы, пэўна, трохтысячны за дзень запіс у журнале, – я буду ўжо ведаць, што завязу сваё зайчанятка ў казачную краіну, дзе пальмы падобныя да Шывы ў танцы і дзе ніколі не бывае радыеактыўных дажджоў” [8, с. 51]. Менавіта небяспечная экалагічная сітуацыя на радзіме, звязаная з аварыяй на Чарнобыльскай АЭС (што адбылася літаральна напярэдадні падзей, пра якія ідзе гаворка ў аповесці), з’яўляецца асноўнай прычынай, каб адважыцца на эміграцыю.

Аднак не толькі пагроза наступстваў тэхнагеннай катастрофы падштурхнула беларуску шукаць прытулку на чужыне. Нарадзіўшы дачушку ў раённай бальніцы, дзе “лютаваў стафілакок”, маладая маці заразілася інфекцыяй і ўрэшце апынулася на аперацыйным стале. Пасля выхаду з бальніцы, нягледзячы на цяжкі стан здароўя, ёй даводзіцца фактычна адной клапаціцца пра дзіця і вырашаць усе бягучыя праблемы. Сацыяльна-эканамічны крызіс, які адбыўся на постсавецкай прасторы напрыканцы 1980-х гадоў, надзвычайна ўскладніў бытавое жыццё – ранейшыя тавары масавага спажывання зрабіліся недасяжным дэфіцытам. Каб набыць харчовыя прадукты, лекі ці элементарныя гаспадарчыя дробязі, трэба было выстойваць у доўгіх чэргах або пераплочваць спекулянтам: “Што тычыцца Рэйнальда, ён спакойна працягваў вучобу ва ўніверсітэце, у той час як на правінцыяльнай сцэне разыгрываўся спектакль тэатра аднаго акцёра, дакладней – акцёркі: у адзінай постаці сумяшчаліся ролі маці і таты <…>; на стале расла гара канспектаў, а ў ванным пакоі – гара пялюшак; давялося пачаць працаваць, каб утрымліваць сям’ю” [8, с. 53–54].

Складанае матэрыяльнае становішча і невыносныя бытавыя ўмовы яшчэ больш павялічылі расколіну ў адносінах Алесі з маці. Цеплыні і блізкасці, як падкрэслівае гераіня-апавядальніца, паміж імі ніколі не было, але менавіта адсутнасць мацярынскай падтрымкі ў крытычны момант робіцца для дзяўчыны асабліва балючай і крыўднай: “О, яна валодала здольнасцю прымусіць мяне пачувацца вінаватай, нават калі аб злосным намеры не магло ісці гаворкі (“З-за вашых хвароб я страціла апетыт! Я зусім дрэнна сплю!” – усё гэта артыкулявалася гучна, з добра разыгранай інтанацыяй непадробленага трагічнага пафасу), і цень уласнай віны цягнуўся за мной па жыцці, бы надакучлівы паклоннік. Журботных устаноў накшталт лякарняў яна проста не выносіла: за тры месяцы маёй хваробы была ў мяне толькі аднойчы… <…> Але затое, калі гаворка ішла пра поспехі – пра маё школьнае золата і срэбра на рэспубліканскіх алімпіядах па мове і літаратуры, публікацыі ў гарадской газеце <…> – пра гэта неадкладна інфармаваліся суседзі і саслужыўцы, з годнасцю, вартай каралевы-маці, прымаліся віншаванні. <…> Пакуль я валялася ў лякарні <…> клопат пра Карыну ўзяла на сябе мая старэнькая бабуля, бацькава маці, але ў хуткім часе дзядуля <…> зваліўся з інфарктам, і старыя больш не маглі даглядаць праўнучку, якая, дарэчы, стварала шмат праблем: у яе выявіўся вывіх тазасцегнавага сустава, і яна суткі напралёт крычала ў сваіх распорках, не жадаючы злазіць з рук” [8, с. 53]. Усе гэтыя абставіны прывялі гераіню да канчатковага рашэння: “выбару “ехаць – не ехаць” фактычна не засталося” [8, с. 51].

Безумоўна, пераезд у іншую дзяржаву на пастаяннае месцапражыванне амаль заўсёды звязаны са спадзяваннямі на лепшы ўзровень жыцця – фінансавую забяспечанасць, камфортныя ўмовы быту, сацыяльныя гарантыі, спрыяльныя ўмовы самарэалізацыі. Аднак нярэдка мігранты знаходзяцца ў палоне стэрэатыпаў, іх уяўленні пра менталітэт, традыцыі і культуру пэўнай краіны зусім не адпавядаюць рэальнаму стану рэчаў. Камунікатыўныя цяжкасці – гэта толькі маленькая частка тых праблем, якія даводзіцца пераадольваць у чужым грамадстве, нечаканасцю можа зрабіцца і экзотыка мясцовых звычаяў, і тэмперамент жыхароў краіны, і нават клімат. Сацыялізацыя ў новых умовах адбываецца, як правіла, доўга і складана, вымагае духоўнай вытрымкі, стрэсаўстойлівасці.

Гераіня аповесці перажывае шокавыя ўражанні літаральна з першых крокаў на новый зямлі – як толькі ступіла з трапа парахода на цвёрдую глебу. Узрушэнне выклікалі старыя аварыйныя аўтамабілі без шкла і дзверцаў, якія з грукатам імчалі па дарогах, вульгарныя да непрыстойнасці ўборы кубінак, мілітарысцкі стыль адзення мужчын, суцэльная мітусня, што панавала навокал,

манера людзей гучна размаўляць – амаль крычаць, невыносная спякота. Уразіла кубінскае жытло – маленькія домікі, якія шчыльна ляпіліся адзін над другім, нагадваючы ластаўчыны гнёзды.

Парадаксальнай зрабілася сама сітуацыя, у якой апынулася маладая жанчына ў чужой краіне. З аднаго боку, яе праследуе гнятлівае адчуванне ізаляванасці і душэўнай адзіноты, а з другога – адсутнічае фізічная магчымасць пабыць у гэтай адзіноце, схавацца ад чужых вачэй: “На трэці дзень знаходжання ў Сант’яга-дэ-Куба <…> я пачала пакутаваць ад “сіндрому зняволенага”, добра вядомага па студэнцкіх будатрадах… <…> Унутраных двярэй у большасці кубінскіх дамоў няма, як няма і аніякіх агароджаў звонку: усё расхінута насцеж, пранізана духам сумеснага вулля. Мая “спальня” адгароджана ад “залы” толькі шырмай з кавалка бруднае драпіроўкі; “зала” па-тутэйшаму – нешта сярэдняе паміж вітальняй і гасцёўняй, сюды ўваходзяць з вуліцы, прычым аніякіх табе ганкаў і прыступак: выкладзеная кафляю падлога проста пераходзіць у тратуар” [8, с. 17].

Як высветлілася, летуценныя ўяўленні гераіні пра бесклапотнае і добраўпарадкаванае жыццё на Востраве свабоды не мелі нічога агульнага з сапраўднасцю. Яна марыла трапіць у райскі Эдэм, дзе жыццё ператвараецца ў суцэльную асалоду. Вядома ж, на Кубе не бывае зімы, там растуць апельсіны і бананы, там самыя шыкоўныя ў свеце пляжы з белым пясочкам, Атлантычны акіян з каралавымі рыфамі, на ўзбярэжжы якога раскашуюць пальмы, а на вуліцах гарадоў круглы год цвітуць кветкі. Аднак рэальнасць апынулася іншай – “у бананава-цукрова-кававым раі апельсіны атрымліваюць толькі цяжкахворыя, кава і цукар – па тархетах” [8, с. 11]. Беднасць, пустыя паліцы ў крамах, жахлівыя ўмовы быту – з усім тым сацыяльным бязладдзем, ад якога ратавалася беларуска Алеся, з’язджаючы з радзімы, яна сутыкнулася ў чужой краіне. З той розніцай, што на Кубе ўсё было значна горш: “Тады, у васьмідзясятыя, мы мелі звычку, досыць беспадстаўную, як высветлілася, кідаць, не задумваючыся: “У нашых крамах нічога няма”, – нам і прымроіцца не магло, што ёсць краіна, дзе тую метафару трэба разумець літаральна. Ну, хіба можна назваць крамай месца, дзе пасярод мармуровага <…> прылаўка, быццам тая біблейская авечка, што адбілася ад статка, самотна пасвілася талерка з брутальнае гліны ды на драцяных “плечыках” боўталася нейкая рабочая адзежына? Урэшце, прадуктовыя крамы ўражвалі яшчэ мацней: на паліцах стаялі – па картках дзецям! – адно бляшанкі савецкай згушчонкі. Прадаўшчыцы спакойна спалі, уладкаваўшыся ў куточку: скрасці ўсё роўна не было чаго. Па любую драбязу – ад шнуркоў да пялюшак – адразу выстройваліся кіламетровыя чэргі, ачэпленыя паліцыяй” [8, с. 14–15].

Напаўгалоднае існаванне суправаджалася невыноснай антысанітарыяй – мыйныя сродкі лічыліся раскошай, у дамах кубінцаў па-гаспадарску адчувалі сябе пацукі і вялізныя прусакі-кукарачы, на якіх мясцовыя жыхары не звярталі ніякай увагі. Вада ў спякотнай краіне, як і ўсё астатняе, з’яўлялася дэфіцытам, таму падтрымліваць элементарную гігіену было дастаткова складана: “Ні ваннага пакоя, ні душа ў доме няма: у закутку нашай “спальні”, амаль побач з ложкамі, ёсць нічым не адгароджаная ніша ў сцяне, дзе падведзена вада, зразумела, халодная, што цячэ з крана раз у тры дні, гэта і ёсць слынны “дзень вады”, якога чакае ўся Куба” [8, с. 26]. Інакш кажучы, доўгачаканы рай, пра які марыла гераіня, апынуўся сапраўдным пеклам.

Маладая жанчына змушана прыстасоўвацца да мясцовага ладу жыцця – засвойваць іспанскую мову, спраўляцца з гаспадарчымі справамі, стаяць на гарачыні ў вялізных чэргах, гатаваць кубінскія стравы з мінімальнага набору інгрэдыентаў. Тыднёвы “мандада” – набор прадуктаў і тавараў першай неабходнасці, якія адпускаюцца па “тархеце” (адмысловай картцы, што з’яўляецца галоўным дакументам для выжывання), утрымлівае “адну лібру рысу, невялічкія пакункі з чорнай фасоляй і гарохам, пачак цыгарэт, пачак запалак, трошкі цукру, трошкі кавы” [8, с. 10]. Алеся нават знайшла магчымасць зарабляць грошы, выгадна прадаючы нейлонавыя стужкі, якія ў звычайных паштовых канвертах дасылае ёй з Беларусі сястра. Да гэтых стужак, як і да пластыкавых кветак, падкрэслівае апавядальніца, у кубінцаў “дзікунская жарсць”. Апроч таго, яна вяжа “карункавыя каўнерыкі, швэдры з мексіканскага акрылу, пінеткі для немаўлят <…>. Разлічваюцца звычайна прадуктамі…” [8, с. 45]. Сацыяльныя ролі, да якіх гераіню абавязваюць статусы гаспадыні, жонкі, маці, нявесткі, яна выконвае механічна, але прыняць такі стан рэчаў як належнае Алеся не можа сябе прымусіць ніякім чынам, яе існаванне робіцца ўсё больш невыносным.

Адметна, што нават калі з гераіняй здарылася няшчасце (спатыкнуўшыся на цёмнай вуліцы, яна зламала нагу), то гэта не столькі засмучае яе, колькі радуе: “Пералом нагі на паўтара месяца выратаваў мяне ад хлебных чэргаў… <…> Не мне, з маім кліматычным сіндромам, як называюць тутэйшыя ўрачы мае прыступы галавакружэння і млосці да страты прытомнасці, раўняцца з мажнымі мулаткамі, якія нават час чакання ў чарзе выкарыстоўваюць для таго, каб завесці шашні з прахожымі мужчынамі…” [8, с. 56]. Безумоўна, Алеся мае магчымасць вярнуцца на радзіму, але, паводле кубінскіх законаў, не можа забраць з сабой дачку без дазволу мужа. А гэта значыць, што пра вяртанне не варта нават думаць.

Аднак з неўладкаванасцю быту, спякотным кліматам і нават неадступным адчуваннем голаду Алеся крыху звыклася, а вось мясцовыя норавы, звычкі, грамадскія ідэалы і культура міжасобасных узаемадносін выклікаюць у яе катэгарычнае адпрэчванне. Бянтэжыць агульная бесцырымоннасць, з якой староннія людзі ўступаюць у размовы, задаюць некарэктныя пытанні, нахабна лезуць у асабістае жыццё, робяць заўвагі і даюць парады. Непрымальнымі для яе з’яўляюцца надзвычайна разняволеныя паводзіны кубінскіх жанчын у адносінах з мужчынамі: “Жанчыны на Кубе не разумеюць тых рамантычных пачуццяў, якія псуюць кроў экзальтаваным славянкам. Для большасці з іх каханне гэта перш за ўсё секс. Кубінка не пасаромеецца ў цябе на вачах заляцацца да твайго мужа. Легчы ў ложак яна без комплексаў прапаноўвае першая…” [8, с. 64]; “Я заўважыла: сабраўшыся разам, кубінкі гавораць, як правіла, пра секс, а беларускія жанчыны пра ежу і спосабы яе прыгатавання” [8, с. 56].

Са здзіўленнем і нават прыкрасцю ўспрымае гераіня невытлумачальны кубінскі аптымізм і бясконцую жыццярадаснасць, што зусім не адпавядаюць тым жабрацкім умовам, у якіх жывуць гэтыя людзі: “…Сапраўднае жыццё кубінцаў пачынаецца а шостай гадзіне вечара, калі спадае спякота, жанчыны здымаюць бігудзі, дзяўчатак апранаюць у пышныя карункавыя строі і завязваюць ім тыя самыя стужкі, якімі мы забяспечылі паўтузіна кварталаў; закаханыя, узяўшыся за рукі, пакідаюць дамы, каб хадзіць па горадзе, удзельнічаць у фэстах, якія ладзяцца тут жа, у скверах: музыка, танцы да раніцы, мімалётныя секс-прыгоды; з карнавальнай лёгкасцю ўспыхваюць раманы, якія гэтак жа лёгка гаснуць пад промнямі сонца. Ну, а працоўны дзень – так, сумны, але непазбежны дадатак да вечнага свята жыцця, якому не перашкаджаюць ні пустыя страўнікі, ні адсутнасць вады і электрычнасці” [8, с. 34]. Алеся не разумее абсалютнай адсутнасці ў мясцовых людзей жадання палепшыць свой дабрабыт, зрабіць прафесійную кар’еру, дасягнуць больш высокага сацыяльнага статусу.

Неспасцігальнай з’яўляецца нацыянальная самасвядомасць кубінцаў – іх фанатычны патрыятызм, адданасць ідэалам рэвалюцыі, апантанае захапленне асобай Камандантэ, у адрас якога нельга дазволіць сабе ніводнай крытычнай заўвагі не толькі ў размове са староннімі людзьмі, але нават з самымі блізкімі. Менавіта з-за неасцярожнай фразы адносна дзяржаўнага лідара адбыўся першы сур’ёзны канфлікт у Алесі з мужам. Не менш эмацыянальна рэагуе гэтаксама свякроў, якая скаргу нявесткі на недахоп прадуктаў успрымае як абразу:

“ – У цяжкі для Рэвалюцыі час <…> трэба ўмець абыходзіцца найменшым. Ёсць у цябе сёння талерка рысу – добра, няма – таксама добра. Усё астатняе – мяса, яйкі, масла – гэта буржуазная раскоша. Камандантэ заклікае зацягнуць рамяні на апошнюю дзірку – і кожны кубінец павінен гэта зрабіць!

– А калі Камандантэ запатрабуе наогул нічога не есці?

Феліпа гнеўна ўскідвае галаву <…>:

– Камандантэ варта толькі загадаць! Асабіста я хачу аднаго: памерці раней, чым сканае Камандантэ!” [8, с. 27].

У аповесці А. Брава выразна паказана, што сацыялізацыя – засваенне сацыяльных законаў і роляў – адбываецца хутчэй, чым інкультурацыя – засваенне культурных норм і звычаяў. Культура ў розных краінах мае значна большую спецыфіку, чым сацыяльная структура: “Сацыялізацыя – з’ява ўніверсальная, інкультурацыя – культурна-спецыфічны феномен” [9, с. 47–48]. Выконваць сацыяльную ролю паводле таго ці іншага статусу нашмат прасцей, чым унутрана прыняць чужы лад жыцця. Паўсядзённасць – гэта эманацыя сацыяльнасці, бягучае жыццё – змушае да выканання пэўных функцый, якія з цягам часу робяцца звыклымі. Гераіня аповесці паступова

пераадольвае культурны шок, але яе крытычнасць ва ўспрыманні навакольнай рэчаіснасці не змяншаецца, наадварот – лад, формы жыцця выклікаюць усё большае ўнутранае супраціўленне. Неадступныя адчуванні расчараванасці, дыскамфорту і адчужанасці выклікаюць у маладой жанчыны непрымірымае абурэнне. Параўноўваючы сапраўднасць і мінулае, яна пачынае зусім па-іншаму ацэньваць сваё былое жыццё і разумець катастрафічную памылковасць зробленага кроку. Згадваючы гісторыю напісання аповесці, якая склалася з дзённікавых накідаў, асэнсоўваючы свой рэальны жыццёвы вопыт, пакладзены ў аснову твора, пісьменніца А. Брава засведчыла: “Эмоцыі перапаўнялі, і неабходна было выявіць іх словам: іншага спосабу пазбыцца стану афекту я не ведаю. Я ж збіралася застацца там назаўсёды, у мяне і пашпарт быў аформлены на пастаяннае жыхарства, так што ні пра якія “творчыя праекты” размова не ішла. І толькі паступова, адкрываючы для сябе чужы свет, я ўсведамляла каштоўнасць уласнага – сваёй радзімы, душы, культуры. І расло нежаданне асіміляваццa, прыстасоўвацца, мімікраваць. Думаецца, гэтую асаблівасць – паступовасць разумення – мне ўдалося перадаць гераіні аповесці Алесі, якая пачынае з пошукаў асабістага шчасця, а завяршае пратэстам супраць “жыцця, якое ёсць не-жыццё” [7, с. 4]. У творы насамрэч не толькі маляўніча, але псіхалагічна дакладна адлюстраваны складанасці сацыялізацыі гераіні ў новым асяроддзі, яе намаганні адаптавацца, засвоіць чужую культуру і лад жыцця. Але ўсе гэтыя спробы засталіся безвыніковымі.

Зусім натуральна, што ва ўмовах іншакультурнага існавання чалавек шукае стасункаў з суайчыннікамі – з тымі, хто блізкі паводле менталітэту, светаадчування, хто здольны выслухаць, зразумець яго праблемы, падтрымаць словам і дапамагчы пераадолець эмацыянальную спустошанасць. У апавядальную плынь твора ўведзены некалькі гісторый імігрантак-беларусак, якія ўжо даволі працяглы час пражылі на Кубе. Усе яны прыехалі ў экзатычную краіну са спадзяваннем на асабістае шчасце і ўладакаванае жыццё, аднак ніводная не атрымала нічога з таго, на што разлічвала. Пры гэтым вяртацца на радзіму ніхто з іх не збіраецца, бо ў кожнай на тое свая прычына. Хтосьці не хоча прызнацца “ў паразе” сваякам ды знаёмым – баіцца ганьбы, асуджэння ці злараднасці; хтосьці, як і сама апавядальніца, не можа пакінуць востраў з-за немагчымасці вывезці дзіця; некаторым, як былой “дзетдомаўцы” Ірыне, проста няма куды вяртацца. Усе жанчыны, хоць самі “трапілі ў пастку”, імкнуцца падбадзёрыць новую сяброўку, раяць вучыцца, “гледзячы ў калюжыну, не бачыць бруду, а бачыць адлюстраванне сонца” [8, с. 21]. Зямлячка Ліда, імігрантка з васьмігадовым стажам, настойліва запэўнівае: “Галоўнае – не параўноўваць. <…> Жыць, у рэшце рэшт, можна ўсюды” [8, с. 21]. Аднак насуперак усім парадам Алеся не можа заплюшчыць вочы на навакольную рэчаіснасць, яе ўсё больш даймае пакутлівая настальгія: “…А як там мой родны горад, ахінуты пурпуровым плашчом восені? Тут дрэвы не скідваюць лісця: у іх, як і ў жыхароў тутэйшых месцаў, перманентнае свята жыцця і лета. І больш за ўсё мне не хапае менавіта восеньскіх дрэў, дрэў-паломнікаў, што выпраўліся пакланіцца святыням, – улегцы, без лісця, ім зручней і маліцца, і плакаць; не хапае азяблага, у гусінай скуры драбнюткіх зорак, неба над Беразіной, сюррэалістычнай акварэлі бледна-ліловых прыцемкаў і цішыні, што спее ў ствалах да вясны, як павольная кроў. Памяць з хітрасцю наёмнага забойцы ўсюды змайстравала мне пасткі, уцягнуўшы ў змову нявінныя рэчы, вось, прыкладам, гэтую сукенку, у ёй я танцавала на выпускным балі з хлопчыкам і была трошкі закаханая…” [8, с. 57].

Як высветлілася, на чужыне не хапае самага элементарнага, пра што раней нават не думалася, – прыродных відарысаў, звычайных і зразумелых людзей, роднай мовы, простых і любімых з дзяцінства страў. Адсутнасць усяго гэтага пазбаўляе гераіню адчування паўнавартаснасці жыцця. Алеся ўсё больш пераконваецца, што паміж ёю і мясцовым атачэннем – неадольная дыстанцыя, духоўная блізкасць і эмацыянальнае паразуменне паміж імі недасягальныя. Хаця канчаткова прызнацца самой сабе, што ўсе яе ўчынкі (шлюб, уцёкі з радзімы, абсалютнае няведанне краіны, у якой меркавала застацца і з якой звязвала не толькі сваю будучыню, але будучыню сваёй дачушкі) былі надта легкадумнымі, яна не можа.

У артыкуле “Філалогія як маральнасць” акадэмік М. Л. Гаспараў зрабіў наступнае назіранне: “Кнігі адказваюць нам не на тыя пытанні, якія задаваў сабе пісьменнік, а на тыя, якія ў стане задаць сабе мы, а гэта часта вельмі розныя рэчы. Кнігі атачаюць нас, як люстры, у якіх мы бачым толькі ўласнае адлюстраванне; калі яно не паўсюль аднолькавае, то гэта з-за таго, што люстры

крывыя, кожнае па-свойму. Філалогія займаецца менавіта пабудовай гэтых люстраў – не выявамі ў іх, а матэрыялам іх, формай іх і законамі слоўнай оптыкі, якая ў іх дзейнічае. Гэта дазваляе ёй доўгім абходным шляхам уявіць сабе і твар люстраных спраў майстра, і наш уласны твар – сапраўдны, няскрыўлены" [10, с. 201]. У аўтабіяграфічнай аповесці А. Брава акцэнтуе ўвагу на неспрыяльных жыццёвых умовах і абставінах, з-за якіх гераіня твора з'язджае з радзімы на Кубу, а пасля – з-за якіх хоча вярнуцца дадому. Відавочна, што ва ўсіх сваіх нястачах дзяўчына схільна вінаваціць каго заўгодна – школьную настаўніцу, сяброўку-здрадніцу з паралельнага класа, уласную маці, дактароў, дзяржаву, пазней – мужа, свякроў, дзяржаўнага консула, кубінскую ўладу і агульны лад жыцця ў чужой краіне. Толькі да самой сябе ў Алесі няма ніякіх прэтэнзій. Наадварот, сябе яна пазіцыянуе выключна станоўча – выдатніца-медалістка, паспяховая студэнтка, рамантычная кніжніца, творча адораная асоба, да якой несправядліва ставіцца ўвесь навакольны свет. Збыткоўная шчырасць у апісаннях інтымнага жыцця гераіні, празмернасць "аголена-бязлітаснай фізіялагічнасці" (І. Шаўлякова) па-свойму падкрэсліваюць мэтанакіраванае імкненне аўтара да спавядальна-пакутніцкага наратыву. Пафас твора – гэта суцэльная крыўда. Але якраз журботныя нараканні на лёс выяўляюць інфантыльнасць прэтэнзій гераіні, дэманструюць яе схільнасць да эскапізму.

Сталеючы, Алеся крытычна асэнсоўвае сітуацыю, у якой апынулася, дакарае сябе: "Дурненькая, я спадзявалася, што здолею **выскачыць** праз каханне да мужчыны" [8, с. 70]. Інакш кажучы, шлюб з іншаземцам разглядаўся гераіняй як сацыяльны ліфт, як механізм дасягнення пэўных жыццёвых прывілеяў. Па вялікім рахунку, нават само пачуццё кахання ў дзяўчыны было несапраўднае, ілюзорнае, не столькі да рэальнага чалавека, колькі да ўласных рамантычных асацыяцый, якія звязваліся ў яе свядомасці з вобразам кубінскага студэнта: "Галасы Хуліо Іглесіяса, Хасэ Велеса, Раберта Карласа, Мануэля Серата, Сільвія Радрыгеса… <…>. Акрамя песень былі і літаратурныя згадкі: Лорка, Гарсія Маркес, Карпенцьер, Лопэ дэ Вега… Я прымярала на Рэйнальда, які нічога не падазраваў, то адну, то другую рамантычную маску. Верагодна, калі б мой каханак размаўляў на якой-небудзь мове пушту, нічога б не адбылося…" [8, с. 50–51]. Расчараванне ў абранніку, які насамрэч апынуўся зусім не такім, якім Алеся ўяўляла яго ў сваіх фантазіях, разуменне бесперспектыўнасці далейшага сумеснага жыцця абрынулі маладую жанчыну ў роспач: "Куды было бегчы ад той сілы, якая раней захінала мяне, а цяпер душыць і плюшчыць маё жыццё, быццам бы яно ўсяго толькі какосавы арэх?" [8, с. 70–72]. Алеся рашаецца на рызыкоўны крок, літаральна на парушэнне дзяржаўнага закона Рэспублікі Куба – з'язджае з краіны, падманам забраўшы з сабой маленькую дачку. Калі абысці ўвагай шэраг фактаў (разбурэнне сям'і, жорсткасць учынку гераіні ў адносінах да мужа і свекрыві, пазбаўленне дзіцяці бацькі), то можна сказаць, што аповесць мае аптымістычны фінал. Жанчына вяртаецца на радзіму, і Рэйнальда ў рэшце рэшт змушаны змірыцца з яе рашэннем.

Высновы. Мастацка-аўтабіяграфічная аповесць А. Брава (як спавядальны наратыў пра юначае і сталае разуменне жыцця ў познесавецкую эпоху) апелюе перадусім да пачуццяў чытача. Аднак разам з тым тэкст А. Брава з'яўляецца важным інфармацыйным рэсурсам: пэўным варыянтам сацыякультурнай практыкі, знаёмства з якім дазваляе чытачу апасродкавана атрымаць каштоўны жыццёвы вопыт. Ніводная сацыяльная якасць асобы не з'яўляецца прыроджанай – самасвядомасць, самаідэнтыфікацыя, перакананні, каштоўнасці і жыццёвыя мэты генетычна не кадзіруюцца і не перадаюцца. У творы выразна адлюстравана, што сацыялізацыя мае на ўвазе эмацыянальную сталасць (пэўны ўзровень рацыянальнасці, самакантролю, абмежавання сфер для праяўленняў імпульсіўнасці і інш.), здольнасць да сур'ёзнай рэфлексіі, адказнасць за прынятыя рашэнні і ўчынкі. Усё гэта – базавыя навыкі, што дазваляюць асобе асэнсавана засвойваць сацыяльныя ролі і выбудоўваць устойлівыя сацыяльныя адносіны. Інфантыльнасць гераіні, як і эмацыянальна-валявая няспеласць выяўляюцца ў тым пачуцці неабароненасці, якое набліжана да хваравітага псіхалагічнага комплексу, завышанай самаацэнцы, павышанай патрабавальнасці да ўвагі і клопату пра сябе з боку іншых людзей, шматлікіх кампенсаторных рэакцыях. Інфантыльнасць пазбаўляе магчымасці адэкватна ацэньваць аб'ектыўную сацыяльную рэальнасць. Сутыкаючыся з праблемамі, гераіня аповесці А. Брава не столькі намагаецца самастойна іх вырашаць, колькі жадае, каб хтосьці зрабіў гэта за яе. Натуральна, не здолеўшы сацыялізавацца ва

ўласнай краіне, яна фактычна не мае шанцу на паўнавартасную адаптацыю ў іншакультурным асяроддзі.

Аўтабіяграфічная аповесць “Каменданцкі час для ластавак” з’яўляецца каштоўным урокам для чытача. Тут раскрыты прычынна-выніковыя сувязі драмы маладой дзяўчыны з адсутнасцю ў яе вопыту базавай сацыялізацыі, і гэта заканамерна прыводзіць да немагчымасці інкультурацыі Алесі ў той далёкай краіне, дзе ёй марылася жыць у гармоніі з сабой і светам.

Сацыядынаміка культуры, актуалізацыя пэўных функцый літаратуры знаходзяцца ў непасрэднай залежнасці ад змен і развіцця грамадства. Мастацкая літаратура вызначае напаўненне персонасферы героямі, што ўвасабляюць сацыяльныя і культурныя стандарты, вызначальныя для жыццёвых арыенціраў асобы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.

2. Бачинин, В. А. Социология литературы как пространство гуманитарных экспериментов / В. А. Бачинин // Социол. журн. – 2011. – № 4. – С. 101–115.

3. Илимбетова, А. А. Глобальный процесс феминизации миграции / А. А. Илимбетова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 79–91.

4. Пальников, М. С. Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия / М. С. Пальников // Русское зарубежье: история и современность : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М., 2013. – Вып. 2. – С. 253–276.

5. Тюрюканова, Е. В. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? / Е. В. Тюрюканова // Гендерные аспекты социальной трансформации : сб. ст. / отв. ред. М. М. Малышева – М., 1996. – С. 84–103.

6. Рязанцев, С. В. Брачная эмиграция женщин из России: причины, особенности, последствия / С. В. Рязанцев, С. Ю. Сивоплясова, Ш. Ш. Гафурова // Науч. обозрение. Сер. 1, Экономика и право. – 2017. – № 4–5. – С. 5–12. https://doi.org/10.26653/2076-4650-2017-4-5-01

7. Браво, А. “Писатель не может позволить себе успокоиться” / А. Браво // Неман. – 2010. – № 11. – С. 3–6.

8. Брава, А. Каменданцкі час для ластавак : аповесці, апавяданні / А. Брава. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 183 с.

9. Основы социокультурной интеграции и адаптации : учеб. пособие / сост.: М. Е. Попов, С. В Попова. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – 121 с.

10. Гаспаров, М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 387 с.

References

1. Vernadskii V. I. *Philosophical thoughts of a naturalist*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 520 p. (in Russian).

2. Bachinin V. A. Sociology of literature as a space of humanitarian experiments. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2011, no. 4, pp. 101–115 (in Russian).

3. Ilimbetova A. A. The global process of migration’s feminization. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2013, no. 1, pp. 79–91 (in Russian).

4. Pal’nikov M. S. The fourth wave of emigration: features and consequences. *Russkoe zarubezh’e: istoriya i sovremennost’: sbornik statei* [Russian diaspora: history and modernity: collection of articles]. Moscow, 2013, iss. 2, pp. 253–276 (in Russian).

5. Tyuryukanova E. V. Migration zhenshchin track Rossii: yeshche odna “strategy uspekha”? *Gendernye aspekty sotsial’noi transformatsii: sbornik statei* [Gender aspects of social transformation: collection of articles]. Moscow, 1996, pp. 84–103 (in Russian).

6. Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu., Gafurova Sh. Sh. Marriage emigration of women from Russia: reasons, features, consequences. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1, Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 2017, no. 4–5, pp. 5–12 (in Russian). https://doi.org/10.26653/2076-4650-2017-4-5-01

7. Bravo A. “The writer cannot afford to calm down”. *Neman*, 2010, no. 11, pp. 3–6 (in Russian).

8. Brava A. *The curfew time for swallows.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2004. 183 p. (in Belarusian).

9. Popov M. E., Popova S. V. (comp.). *Fundamentals of socio-cultural integration and adaptation*. Stavropol, Publishing House of North-Caucasian Federal University, 2015. 121 p. (in Russian).

10. Gasparov M. L. *Notes and extracts*. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 387 p. (in Russian).

Информация об авторе

Олейник Лада Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории белорусской литературы. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220050, Минск, Республика Беларусь). E-mail: lada_oleinik@mail.ru

Information about the author

Lada V. Aleinik – Ph. D. (Philol.), Associate Professor of the Department of the History of Belarusian Literature. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220050, Belarus). Email: lada_oleinik@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 342.721.73:614.2(476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-149-159

Поступила в редакцию 10.03.2023
Received 10.03.2023

А. Н. Бодак

Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Аннотация. Исследуются актуальные аспекты конституционного права на охрану здоровья с учетом положений обновленной Конституции Республики Беларусь. Рассматриваются основные подходы, раскрывающие нормативное содержание права на охрану здоровья, на основе конституционных принципов и норм, опыта конституционного правосудия Республики Беларусь. Приводится зарубежный опыт конституционного регулирования права на охрану здоровья, исторический обзор конституционно-правового закрепления данного права в Беларуси. На основе анализа правовой сущности данного права раскрывается необходимость совершенствования конституционно-правового механизма обеспечения права на охрану здоровья. В обоснование некоторых выводов и суждений приводятся правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, зарубежный конституционный опыт.

Ключевые слова: Конституция, конституционное право на охрану здоровья, Конституционный Суд, конституционно-правовое регулирование, электронное здравоохранение, Всемирная организация здравоохранения

Для цитирования: Бодак, А. Н. Конституционное право на охрану здоровья: содержание, правовые механизмы обеспечения в парадигме современных реалий / А. Н. Бодак // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 149–159. https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-2-149-159

Alla N. Bodak

Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HEALTH CARE: THE CONTENT, LEGAL MECHANISMS TO ENSURE IN THE PARADIGM OF MODERN REALITIES

Abstract. This article deals with the actual facets of the constitutional right to health care in view of the provisions of the updated Constitution of the Republic of Belarus. It tracks the main approaches revealing the normative content of the right in question based on the constitutional principles and rules, the constitutional case-law of the Republic of Belarus. The author comes from the historical aspect of the constitutional and legal grounds of the right to health care in Belarus and also applies the foreign practice of its constitutional context. In analyzing the legal essence of this right the author calls for the constitutional and legal mechanisms to ensure it to be improved. Some conclusions and considerations are backed up by the legal positions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus and the foreign constitutional practice.

Keywords: Constitution, constitutional right to health care, Constitutional Court, constitutional and legal context, e-health, World Health Organization

For citation: Bodak A. N. The constitutional right to health care: the content, legal mechanisms to ensure in the paradigm of modern realities. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 149–159 (in Russian). https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-2-149-159

Введение. Определение конституционно-правового содержания конституционных прав и свобод представляет собой одну из фундаментальных задач конституционно-правовой науки.

В современной научной литературе право человека и гражданина на охрану здоровья раскрывается с различных позиций. В контексте научного дискурса представляется актуальным рассмотрение конституционно-правового аспекта права на охрану здоровья с учетом положений обновленной Конституции Республики Беларусь.

© Бодак А. Н., 2023

Основная часть. Право на охрану здоровья относится ко второму поколению прав человека, так называемым социальным правам, наряду с правами на труд, образование, жилище, достойную жизнь, социальное обеспечение и социальную защиту и др. Некоторые ученые высказывают точку зрения, согласно которой данное право относится к социально-экономическим правам граждан, поскольку уровень его обеспечения и степень гарантированности зависят от социально-экономического развития государства.

В юридической литературе отмечается, что социальные права по степени закрепленности в конституциях обычно делятся на три группы. К первой относятся страны, в конституциях которых практически нет таких норм. Это в основном страны общего права или государства, в которых исторически сохраняются старые конституционные тексты (Норвегия). Во вторую группу входят государства, в конституциях которых положения об этих правах изложены косвенно (Германия, Франция, Италия), формулировки прав отражают ограниченные аспекты, а их конкретизация в случае необходимости осуществляется судом через определение основных социальных целей и принципов деятельности государства. Например, в Основном Законе ФРГ практически отсутствует перечень социально-экономических прав, в частности, устанавливается право женщин на охрану материнства: «Каждая мать имеет право на защиту и поддержку государства» (п. 4 ст. 6). Однако интерпретация данных положений осуществляется через принцип социального государства. Для стран, относящихся к третьей группе, характерно прямое конституционное регулирование социальных прав, в их конституциях содержатся отдельные разделы, посвященные экономическим, социальным и культурным правам и свободам (Албания, Македония, Польша, Португалия, Словакия, Турция, Хорватия, в Хартии основных прав и свобод Чехии и др.). При этом иногда в конституциях отдельно формулируются как социальные права, так и социальные цели государства (Албания, Армения, Польша) [1, с. 49].

Право на охрану здоровья, в отличие от других прав человека, стало предусматриваться конституциями стран мира сравнительно недавно. Впервые право на здоровье было признано Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. Общеизвестно, что только после Второй мировой войны, в процессе освобождения многих стран от колониальной зависимости и интернационализации глобальных проблем начали возникать международные права.

Права второго поколения, к которым относится и право на охрану здоровья, были закреплены в конституциях государств в середине XX в. (исключение составили, например, Веймарская Конституция 1919 г. и первые советские конституции). В них устанавливались государственные механизмы охраны здоровья. Эти конституции оказали значительное влияние на мировое общественное сознание, на идею формирования прав второго поколения, признания концепции социального государства. Конституции таких стран, как Австрия, Дания, Ирландия, Франция, Швеция, не содержат прямого упоминания о праве на охрану здоровья [2, с. 511–514]. При этом необходимо отметить, что в некоторых европейских государствах право на охрану здоровья формально не зафиксировано в Конституции, но является неотъемлемой частью комплекса признаваемых прав человека.

Так, Конституция Австрии 1920 г. (в ред. 2013 г.) не содержит конкретного положения о праве на охрану здоровья, но относит вопросы законодательного регулирования и исполнительного обеспечения здравоохранения и санитарного контроля к ведению Федерации. При этом в Конституции делается оговорка, что к компетенции Федерации в отношении учреждений, оказывающих медицинские услуги (больницы, дома престарелых и др.), относится только осуществление санитарного надзора, а именно: Федерация обладает законодательными и исполнительными полномочиями в здравоохранении, за исключением погребения и захоронения умерших и коммунальной санитарии и скорой помощи, она осуществляет санитарный надзор в отношении больниц, домов престарелых, санаториев и природных лечебных источников (п. 1 ст. 10).

В Конституции Ирландии 1937 г. (в ред. 2019 г.) также отсутствует норма о праве на здоровье. Общим руководством для парламента являются директивные принципы социальной политики, подразумевающие в том числе принятие норм права, которые бы не смогли нанести ущерб здоровью: государство должно стремиться к тому, чтобы достоинство и здоровье рабочих, мужчин и женщин, а также юный возраст детей не подвергались злоупотреблениям и чтобы граждане

не принуждались экономической необходимостью заниматься деятельностью, не соответствующей их полу, возрасту или достоинству (подп. 4.2 п. 2 ст. 45).

Свод основных законов Великобритании, определяющих положение человека в обществе, его права и свободы, не содержит прямого упоминания о праве на охрану здоровья. (В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, а также Израиле отсутствует единый конституционный акт, конституционные вопросы решаются в рамках свода основных законов.)

Многие конституции европейских государств в той или иной степени регламентируют право на охрану здоровья.

Например, в Конституции Греции 1975 г. (в ред. 2008 г.) предусмотрен ряд гарантий права на охрану здоровья, включая генетическую идентичность, защиту от психического насилия, специальные меры для защиты молодежи, старости, инвалидности и помощи нуждающимся, а именно: все люди имеют право на охрану своего здоровья и своей генетической идентичности. Вопросы, касающиеся защиты каждого лица от биомедицинских вмешательств, определяются законом (ст. 5); государство заботится о здоровье граждан и принимает специальные меры для защиты молодежи, старости, инвалидности и помощи нуждающимся (ст. 21).

Конституцией Испании 1978 г. (в ред. 2011 г.) установлено право на охрану здоровья. К ведению органов государственной власти отнесены организация общественного здравоохранения и проведение профилактических мер для контроля за его состоянием, а также оказание необходимых услуг и помощи, содействие развитию санитарного просвещения, физкультуры и спорта. Согласно ст. 43 этой Конституции, предусматривающей право на охрану здоровья, органы государственной власти обязаны организовать общественное здравоохранение и следить за ним посредством профилактических мер и необходимых льгот и услуг. Закон устанавливает права и обязанности всех в этом отношении. Органы государственной власти должны способствовать санитарному просвещению, физическому воспитанию и спорту, а также поощрять надлежащее использование свободного времени.

В Беларуси в историческом аспекте право на охрану здоровья формулировалось неоднозначно с учетом различных периодов конституционно-правового развития в зависимости от политического и социально-экономического устройства государства. За всю историю развития Беларуси как самостоятельного независимого государства было принято пять конституций: в 1919, 1927, 1937, 1978 и 1994 гг. Многие из них имели классовый характер, закрепляли господствующей лишь одну идеологию, исключали многопартийность, многообразие форм собственности. Положения важнейших международных документов о правах и свободах человека и гражданина, как правило, не получали в них отражения, не закреплялся принцип разделения властей, многие нормы носили декларативный характер, не имели прямого, непосредственного действия на практике.

Так, в конституциях БССР 1919 и 1927 гг. не содержалось норм о праве на охрану здоровья. В ст. 95 Конституции БССР 1937 г. было установлено, что граждане БССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Указывалось, что право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов. Примечательно, что нормативное содержание данного права было шире по сравнению с аналогичным правом, закрепленным в Конституции СССР 1936 г., в которой лишь упоминалось о том, что граждане имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, которое осуществляется предоставлением бесплатной медицинской помощи трудящимся.

Только в Конституции БССР 1978 г. право на охрану здоровья впервые было закреплено на конституционном уровне. Так, в ст. 40 Конституции провозглашалось, что граждане Белорусской ССР имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обуче-

нием и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан.

Конституция Республики Беларусь 1994 г. является Основным Законом государства, имеющим высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории страны, устанавливающим модель политического и социально-экономического устройства государства и общества, права, свободы и обязанности человека и гражданина. В ней определены взаимоотношения между государством, обществом и гражданином. В данном контексте провозглашение Конституцией Республики Беларусь как социального государства (часть первая ст. 1) во взаимосвязи с конституционными положениями о том, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (часть первая ст. 2), предполагает, что взаимоотношения государства и личности основываются на принципе приоритета прав и свобод человека и гражданина.

В Основном Законе названный принцип является не только составляющей конституционного строя, но и в системном единстве и взаимосвязи с иными конституционными принципами и нормами выступает как конституционно-правовой ориентир для всех сфер жизнедеятельности государства, общества и гражданина и основа социального государства.

Согласно ст. 45 Конституции, гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом; граждане заботятся о сохранении собственного здоровья; государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания; право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда.

Право на охрану здоровья является важнейшим элементом правового статуса личности, содержание которого предопределено также социальной ценностью здоровья не только как личного, но и общественного блага, формируемого обществом в целом и отдельным гражданином в частности.

Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, доступность медицинского обслуживания, относится к числу важнейших конституционных прав, поскольку без его соблюдения умаляются другие права и свободы в силу особой сущности и значимости здоровья человека как высшего неотчуждаемого блага (решение от 1 декабря 2020 г. № Р-1230/2020).

Социальные права и свободы, как и экономические, относят к позитивным, поскольку для их реализации требуется непосредственное участие государства, в том числе посредством принятия комплекса мер организационного, материального, финансового, правового характера по обеспечению указанных прав. В этой связи обеспечение социальных прав граждан, в том числе права на охрану здоровья, зависит не только от наличия юридических гарантий этих прав, но также и от реальных экономических, финансовых возможностей государства, напрямую влияющих на степень фактической их реализации. В юридической литературе справедливо отмечается, что от состояния здоровья и уровня реализации гарантий указанного права зависит, сможет ли человек реализовать все остальные права в целом. Без возможности реализации данного права все права остаются лишь декларативной конструкцией, негодной для последующего применения и развития. Здоровье человека выступает высшей ценностью для общества, с учетом которой определяются все остальные ценности и блага в социуме.

По словам известного немецкого философа Артура Шопенгауэра, девять десятых нашего счастья зависит от здоровья. Охрана здоровья граждан и обеспечение эффективной системы функционирования системы здравоохранения являются основными направлениями и задачами для любого социального государства в мире. Ни одно государство не может называться социальным, если уровень здравоохранения не соответствует реальным потребностям населения и не отвечает требованиям, установленным международными стандартами [3, с. 151–152].

В связи с этим поддерживаем точку зрения, согласно которой определение содержания конституционных прав и свобод, адекватного фактическому состоянию общественных отношений, представляет собой одну из фундаментальных задач конституционно-правовой науки. Отечест-

венная правовая наука традиционно исходит из того, что «юридические качества конституционных прав граждан прежде всего определяются их социальным содержанием, характером опосредованных ими фактических общественных отношений, в рамках которых они складываются и могут быть реализованы» [4].

Научные представления о содержании права на охрану здоровья отличаются многообразием и вариативностью предлагаемых подходов. Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой право на охрану здоровья состоит из следующих элементов: право на охрану неприкосновенности здоровья, право на бесплатную квалифицированную помощь, право на охрану здоровья в процессе труда, право на особую заботу об охране здоровья детей и женщин, право на предупреждение и снижение заболеваемости и смертности, обеспечение долголетней активной жизни граждан, право на здоровую окружающую среду [4].

Основываясь на аксиологическом потенциале конституционных принципов и норм, сущностная значимость права на охрану здоровья позволяет характеризовать его как ключевое ценностное основание системы конституционных прав и свобод человека, гарантии реализации которого обеспечивают иные социальные, экономические, политические и гражданские права и свободы человека и гражданина. Детальную регламентацию конституционное право на охрану здоровья получило в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении», устанавливающем правовые механизмы оказания медицинской помощи, повышения доступности и качества ее оказания в целях сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения. Согласно ст. 1 этого Закона, здоровье определяется как состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний.

Конституционно-правовые основы права на охрану здоровья корреспондируются с международно-правовыми обязательствами Республики Беларусь, вытекающими из Всеобщей декларации прав человека (ст. 25), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ст. 12), Конвенции о правах ребенка (ст. 24), Конвенции о правах инвалидов (ст. 25), Устава Всемирной организации здравоохранения, Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники), принятого в рамках Евразийского экономического союза 23 декабря 2014 г., и др.

Уставом Всемирной организации здравоохранения 1946 г. понятие «здоровье» определяется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. В преамбуле названного Устава также предусмотрено, что обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения.

Положения Конституции о гарантируемом праве на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом, о создании государством условий доступного для всех граждан медицинского обслуживания (части первая и вторая ст. 45) находятся в системном единстве с другими нормами Основного Закона и прежде всего с положениями, закрепляющими социальный характер государства (часть первая ст. 1), обязанность государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией (часть первая ст. 59), что предполагает обязанность государства принимать необходимые меры по сохранению, укреплению и восстановлению здоровья населения, обеспечению доступа к своевременной медицинской помощи, эффективному функционированию системы здравоохранения.

Разделяем точку зрения, согласно которой реализация конституционного права на охрану здоровья подразумевает сочетание публичного и частного начал. Право на охрану здоровья становится «публичным», так как государство обязано принять меры по обеспечению конституционного права граждан на охрану здоровья, созданию эффективного общественного здравоохранения и повышению общественного здоровья. В качестве примера публично-правовых отношений в исследуемой области можно указать провозглашение данного права на конституционном уровне, установление системы органов, в компетенцию которых входят организация и предоставление медико-социальных услуг и обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия, контроль за качеством их выполнения, их задачи, источники финансирования, предоставление

гарантий реализации данного права. К частноправовым аспектам права на охрану здоровья относятся вопросы предоставления медицинской, медико-социальной помощи конкретному индивиду, защиты его прав, установления ответственности за нарушение права на охрану здоровья человека при оказании медицинской помощи.

Основными принципами государственной политики Республики Беларусь в области здравоохранения наряду с иными являются создание условий для сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения; обеспечение доступности медицинского обслуживания, в том числе лекарственного обеспечения; формирование ответственного отношения населения к сохранению, укреплению и восстановлению собственного здоровья и здоровья окружающих, что согласуется с положениями ст. 45 Конституции, предусматривающими, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом; граждане заботятся о сохранении собственного здоровья (часть первая).

Поскольку право на охрану здоровья как многогранное понятие включает много составляющих, способствующих здоровому образу жизни граждан, необходимо отметить, что понятие «право на охрану здоровья» не тождественно понятию «право быть здоровым».

Охрана здоровья граждан подразумевает целый комплекс мер экономического, правового, социального, научного, медицинского характера, осуществляемых как органами государственной власти, организациями, так и самими гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни.

Обновленная Конституция характеризуется социально-ценностным наполнением конституционного текста, включая воспитательно-мотивирующие нормативные установки в сфере образования, здравоохранения, экологии и т. п. Основываясь на тенденции социализации конституционного права, можно утверждать, что одним из направлений конституционного инжиниринга современного периода конституционализма в Беларуси является «социализация Конституции».

С учетом изложенного следует рассматривать внесенное в ст. 45 Конституции на референдуме 27 февраля 2022 г. дополнение о том, что граждане заботятся о сохранении собственного здоровья, которое является неотчуждаемым благом, социальным явлением, фундаментальной и универсальной конституционной ценностью.

В контексте конституционно-правовой аксиологии следует рассматривать заботу о здоровье как установку в отношении здоровья, разделяемую человеком (индивидом) и усваиваемую им в процессе социализации, которая предполагает внимание к собственному здоровью, понимание здоровья как ценности и формирование правильного образа жизни. Вместе с тем в целях исключения различного толкования и применения на практике данной конституционной нормы и умаления прав граждан необходимо закрепление конституционно-правового механизма, определяющего меру необходимого поведения индивида как заботу о собственном здоровье.

В рамках рассматриваемого вопроса интересен опыт российского законодателя. Так, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает обязанность граждан заботиться о сохранении своего здоровья (ст. 27). В связи с этим заслуживает внимания позиция С. Н. Шишкова, который полагает, что суть проблемы заключается в объективной сложности рассматриваемого предмета. Задача определения истинной роли «не слишком заботливого» отношения человека к своему здоровью в этиологии и патогенезе его заболеваний крайне сложна и чревата ошибками. Поэтому на гражданина следует распространить принцип «презумпции невиновности», когда все неустранимые сомнения при установлении причин его болезни должны толковаться в его пользу [5, с. 85].

Применительно к данному аспекту представляется оправданным упомянуть также Конституцию Португалии 1976 г. (в ред. 2005 г.), в которой закреплены право каждого на охрану здоровья и обязанность поддерживать и укреплять его. В Конституции, в частности, установлено, что каждый имеет право на охрану здоровья и обязан поддерживать и укреплять здоровье (п. 1 ст. 64); каждый имеет право на здоровую и экологически сбалансированную среду обитания человека и обязан защищать ее (п. 1 ст. 66).

В Республике Беларусь конституционно-правовые основы права на охрану здоровья включают принцип доступности медицинской помощи, согласно которому государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания (часть вторая ст. 45 Конституции).

Данная конституционная норма получила развитие в Законе «О здравоохранении». Так, согласно ст. 4 этого Закона граждане Республики Беларусь имеют право на доступное медицинское обслуживание, которое обеспечивается: предоставлением бесплатной медицинской помощи на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения; предоставлением медицинской помощи в государственных организациях здравоохранения, негосударственных организациях здравоохранения и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством порядке медицинскую деятельность, за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством; доступностью лекарственных средств; осуществлением мер по санитарно-эпидемиологическому благополучию населения; проведением медицинских экспертиз.

В главе 7 «Информационное обеспечение в области здравоохранения» указанного Закона регулируются отношения по созданию, развитию, сопровождению и эксплуатации ЦИСЗ, оказанию медицинской помощи, медицинскому наблюдению и проведению медицинских экспертиз с применением телемедицинских технологий.

Так, в ст. 376 Закона «О здравоохранении» предусмотрено, что ЦИСЗ представляет собой интегрированную информационную систему, обеспечивающую централизованное хранение и обработку медицинской информации в области здравоохранения, включая базы (банки) данных, реестры (регистры) в области здравоохранения, информационное взаимодействие и доступ в установленном порядке пользователей ЦИСЗ к указанной информации, в рамках эксплуатации которой осуществляются получение, передача, сбор, обработка, накопление, хранение, поиск, предоставление медицинской информации, а также защита информации в области здравоохранения; формирование электронной медицинской карты пациента, других электронных медицинских документов, единого электронного архива медицинской информации о пациентах, иных информационных ресурсов, государственной статистики здравоохранения; обезличивание в порядке, установленном Министерством здравоохранения, персональных данных лиц, которым оказывается медицинская помощь; обеспечение доступа граждан к электронным сервисам в области здравоохранения; удаленное представление информации государственным органам и организациям в установленных законодательными актами случаях.

Основываясь на конституционных положениях о праве граждан Республики Беларусь на охрану здоровья, создании условий доступности для всех граждан медицинского обслуживания, следует отметить, что законодательное регулирование в данной области правоотношений, предусматривающее создание единой системы электронного здравоохранения на основе электронной медицинской карты, иных электронных медицинских документов, личного электронного кабинета пациента и др. (части третья, пятая ст. 376 и другие нормы Закона «О здравоохранении»), отвечает потребностям современных условий развития цифровой экономики, цифровой трансформации повседневной жизни общества на благо граждан, в том числе при реализации их права на охрану здоровья, и создает дополнительные конституционно-правовые механизмы оказания доступной медицинской помощи населению. Вместе с тем при совершенствовании правового регулирования отношений в области электронного здравоохранения необходимо руководствоваться конституционными принципами верховенства права, правовой обеспеченности, правовой безопасности, обеспечить недопустимость искажения конституционных норм о праве каждого на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь; создании государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности при их использовании (ст. 28 Конституции), о праве граждан Республики Беларусь на получение полной, достоверной и своевременной информации (часть первая ст. 34 Конституции) в целях достижения состояния правовой защищенности личности при реализации права на охрану здоровья.

Интересным в данном аспекте представляется опыт европейских стран. Так, в Отчете о проведении симпозиума ВОЗ «Будущее цифровых систем здравоохранения в Европейском регионе», состоявшегося в Копенгагене (Дания) 6–8 февраля 2019 г., приведена следующая информация.

Национальные системы электронных рецептов являются одной из наиболее распространенных услуг цифрового здравоохранения в странах Европейского региона. По результатам проведенного в 2015 г. глобального опроса ВОЗ по электронному здравоохранению (22), из 27 стран, которые сообщили о наличии национальной системы электронных медицинских карт, в 19 (70 %) действовала связь с аптечной информационной системой, позволяющая оформлять электронные рецепты. По другим данным, по крайней мере одна треть всех стран ЕС имеет полностью функционирующие системы электронных рецептов.

В 2019 г. в Казахстане введена в действие система национальных электронных медицинских карт, доступ к которым можно получить с любого смартфона; создана полностью цифровая экосистема, в которой каждый человек после удостоверения его личности может получить всю свою медицинскую документацию.

В Швеции разработана концепция, в соответствии с которой в 2025 г. Швеция должна занять первое место в мире по использованию средств цифровизации и электронного здравоохранения. Задача национальной экономики – добиться того, чтобы цифровые инструменты позволяли экономить деньги, время и ресурсы, при этом во главу угла должны быть поставлены доверие, уважение, защищенность данных и надежность.

В Португалии действует 60 систем информационно-коммуникационных технологий разного уровня развития. Цель состоит в том, чтобы изменить парадигму оказания медицинской помощи, поместив гражданина в центр системы. Данный переход осуществляется с помощью внедрения национальной электронной медицинской карты. Эта карта предназначена для сохранения на протяжении всей жизни человека, предоставляя ему возможность получать информацию из разных медицинских учреждений, с которыми человек взаимодействует в различные периоды жизни [6].

Важным аспектом обеспечения права на охрану здоровья является также участие населения в принятии решений по всем связанным со здоровьем вопросам (Замечание общего порядка № 14 о наивысшем достижимом уровне здоровья (2000 г.)). В преамбуле Устава ВОЗ указано, что просвещенное общественное мнение и активное сотрудничество со стороны общества крайне важны для улучшения здоровья народа.

В документе Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения «Общественное участие как ключевой фактор обеспечения справедливости в отношении здоровья» (2019 г.) отмечено, что общественное участие предполагает значимое вовлечение граждан в такие процессы, как принятие решений, касающихся состояния здоровья населения и медицинского обслуживания; осуществление принятых решений, включая оценку и мониторинг; и, самое главное, определение сути проблем, стоящих перед обществом.

Рассматривая в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи», Конституционный Суд отметил, что исходя из ценности и значимости здоровья для всех граждан, основываясь на положениях части первой ст. 1, части первой ст. 2, части первой ст. 24, части первой ст. 45 Конституции, в целях усиления гарантий реализации конституционного права на охрану здоровья, повышения качества оказания медицинской помощи, обеспечения баланса интересов личности, общества и государства Конституционный Суд обращает внимание законодателя, что при дальнейшем совершенствовании законодательства о здравоохранении необходимо предусмотреть дополнительные правовые механизмы, обеспечивающие участие граждан в принятии решений, затрагивающих вопросы состояния здоровья населения и оказания медицинской помощи, в оценке и мониторинге принятых решений (решение от 1 декабря 2020 г. № Р-1230/2020).

Согласно части третьей ст. 45 Конституции, право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда.

В развитие данной конституционной нормы законодатель в рамках своих дискреционных полномочий в Законе «О здравоохранении» установил, что к мерам по охране здоровья населения относятся развитие физической культуры и спорта, совершенствование охраны труда, оздо-

ровление окружающей среды, в том числе создание и поддержание благоприятной среды жизнедеятельности без окружающего табачного дыма.

Кроме того, право на охрану здоровья включает в себя такие основополагающие предпосылки здоровья, как доступ к безопасной питьевой воде и адекватным санитарным услугам, достаточное снабжение безопасным продовольствием, питание и жилищные условия, а также доступ к просвещению и информации в области здоровья, в том числе полового и репродуктивного здоровья.

В связи с этим правовые механизмы обеспечения права на охрану здоровья закреплены также в Законах Республики Беларусь «Об оказании психиатрической помощи», «Об оказании психологической помощи», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О правах инвалидов и их социальной интеграции», «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека», «О донорстве крови и ее компонентов», «О физической культуре и спорте», «Об охране окружающей среды», Трудовом кодексе и др. Таким образом, право на охрану здоровья обусловлено своей комплексностью, поскольку тесно и прочно связано с иными правами на основании их взаимного влияния и, соответственно, должно рассматриваться в единстве и целостности с другими правами.

Конституционный Суд Республики Беларусь внес существенный вклад в доктринально-правовое понимание конституционно-правовой природы права на охрану здоровья. В его решениях неоднократно обращалось внимание на необходимость обеспечения гарантий реализации прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду, а также на выполнение конституционной обязанности государства принимать соответствующие меры по охране окружающей среды.

С учетом развития в Республике Беларусь отношений, связанных с производством и использованием атомной энергетики, в том числе строительством Белорусской атомной электростанции, ст. 46 обновленной Конституции о праве каждого на благоприятную окружающую среду дополнена частью, предусматривающей, что Республика Беларусь развивает атомную энергетику в мирных целях, обеспечивает безопасность при производстве и использовании атомной энергии, а в ст. 55 закреплены в качестве долга каждого охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам [7, с. 15].

В соответствии с Конституцией все равны перед законом (ст. 22); женщинам обеспечивается не только предоставление равных с мужчинами возможностей в профессиональной подготовке, труде, но и создание условий для охраны их труда и здоровья (ст. 32).

Вместе с тем Конституционный Суд считает, что реализация принципа юридического равенства не может и не должна осуществляться без учета общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода, что обязывает государство устанавливать дополнительные гарантии, направленные на охрану здоровья женщин, в том числе в области охраны труда, в целях ограждения репродуктивного здоровья женщин от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов *(решение от 5 июля 2013 г. № Р-839/2013).*

В другом решении, исходя из норм Конституции об осуществлении государством регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества, об охране природной среды как долге каждого (часть пятая ст. 13, с. 55), Конституционный Суд обратил внимание законодателя, что при установлении правовых требований к экономической деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду, их корректировке либо отмене должен быть обеспечен баланс между экономическими интересами субъектов этой деятельности и экологическими интересами личности, общества и государства. Важнейшим критерием такого баланса является сохранение благоприятного состояния окружающей среды как публичного блага, имеющего основополагающее значение для обеспечения реализации права каждого на достойный уровень жизни, прав граждан на охрану здоровья и иных конституционных прав и свобод (часть вторая ст. 21, часть третья ст. 45 и часть первая ст. 46 Конституции) *(решение от 11 июня 2019 г. № Р-1173/2019).*

При оценке конституционности норм Закона «О донорстве крови и ее компонентов» Конституционным Судом отмечалось также, что конституционное право на охрану здоровья обеспечивается системой конституционных гарантий, к которым относится создание условий доступного медицинского обслуживания, а также развитие физической культуры и спорта, оздоровление окружающей среды, возможность пользоваться оздоровительными учреждениями и совершенствование охраны труда (части вторая и третья ст. 45 Конституции). Эти конституционные поло-

жения обязывают государство осуществлять необходимый комплекс мероприятий, включая законодательное регулирование деятельности, связанной в том числе с доступностью медицинского обслуживания *(решение от 22 ноября 2010 г. № Р-516/2010).*

Таким образом, конституционное право на охрану здоровья характеризуется совокупностью связанных прав и свобод, которые в комплексе с конституционными обязанностями определяют конституционно-правовой механизм обеспечения права на охрану здоровья.

Полагаем, что для действенного функционирования названного механизма одновременно необходимо наличие адекватной системы мер юридической ответственности граждан, организаций, должностных лиц за нарушение права на охрану здоровья, обеспечивающей на основе принципа верховенства права (ст. 7 Конституции) согласованное, непротиворечивое и полное конституционно-правовое регулирование отношений в области охраны здоровья.

Отметим, что в Конституции Российской Федерации содержится норма, согласно которой сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом (часть третья ст. 41), тем самым на конституционном уровне закреплен принцип ответственности за нарушение права на охрану здоровья.

Заключение. Таким образом, с учетом изложенного представляется возможным сделать следующие обобщенные выводы.

1. В Конституции БССР 1978 г. впервые была закреплена конституционная модель современного содержания права на охрану здоровья, которая включает важнейшие составляющие этого права: оказание населению бесплатной квалифицированной медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширение сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитие и совершенствование техники безопасности и производственной санитарии; проведение широких лечебно-профилактических мероприятий; принятие мер по оздоровлению окружающей среды и др.

2. Основываясь на аксиологическом потенциале конституционных принципов и норм, сущностная значимость права на охрану здоровья позволяет характеризовать его как ключевое ценностное основание системы конституционных прав и свобод человека, гарантии реализации которого обеспечивают иные социальные, экономические, политические и гражданские права и свободы человека и гражданина.

3. Конституционное право на охрану здоровья характеризуется совокупностью взаимосвязанных прав и свобод, которые в комплексе с конституционными обязанностями определяют конституционно-правовой механизм обеспечения права на охрану здоровья.

Для действенного функционирования названного механизма одновременно необходимо наличие адекватной системы мер юридической ответственности граждан, организаций, должностных лиц за нарушение права на охрану здоровья, обеспечивающей на основе принципа верховенства права (ст. 7 Конституции) согласованное, непротиворечивое и полное конституционно-правовое регулирование отношений в области охраны здоровья.

4. В контексте конституционно-правовой аксиологии следует рассматривать заботу о здоровье как установку в отношении здоровья, разделяемую человеком (индивидом) и усваиваемую им в процессе социализации, которая предполагает внимание к собственному здоровью, понимание здоровья как ценности и формирование правильного образа жизни.

Вместе с тем в целях достижения единообразного толкования и применения на практике данной конституционной нормы и недопущения искажения ее правовой сути необходимо закрепление четкого и ясного конституционно-правового механизма, определяющего меру необходимого поведения индивида как заботу о собственном здоровье.

5. В целях достижения состояния правовой защищенности личности при реализации права на охрану здоровья в условиях развития цифровой экономики, цифровой трансформации повседневной жизни общества на благо граждан необходимо в ходе совершенствования правового регулирования отношений в области электронного здравоохранения руководствоваться конституционными принципами верховенства права, правовой обеспеченности, правовой безопасности, обеспечить недопустимость искажения конституционных норм о праве каждого на защиту от

незаконного вмешательства в его личную жизнь; создании государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности при их использовании (ст. 28 Конституции), о праве граждан Республики Беларусь на получение полной, достоверной и своевременной информации (часть первая ст. 34 Конституции).

6. Выраженные в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь правовые позиции раскрывают сущность конституционного права на охрану здоровья и позволяют на основе выявленной конституционно-правовой природы сформулировать доктринальные подходы к уяснению конституционно-правового содержания данного права и выработать правовые механизмы его обеспечения.

Список использованных источников

1. Колотова, Н. В. Социализация конституций: сравнительно-правовой анализ / Н. В. Колотова // Образование и право. – 2019. – № 3. – С. 47–53.

2. Дюжиков, С. А. Международно-правовые стандарты в области охраны здоровья человека и их реализация в конституциях современных государств / С. А. Дюжиков // Ученые записки : сб. науч. тр. юрид. фак. РГУ. – Вып. 4. – Ростов-н/Д : Проф-Пресс, 2002. – 544 с.

3. Пащенко, И. Ю. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в системе социальных прав человека и гражданина / И. Ю. Пащенко // Наука. Мысль: электрон. период. журн. – 2016. – № 10. – С. 151–156.

4. Тимофеев, И. В. К вопросу о содержании права на охрану здоровья и медицинскую помощь: конституционно-правовой аспект [Электронный ресурс] / И. В. Тимофеев. – Режим доступа: https://remedium.ru/doctor/dermatology/specproekt-esteticheskaya-meditsina-2023/&erid=Pb3XmBtzstFuqLDNSDvHFU3EGqNRZK6EEbWdSFr. – Дата доступа: 27.02.2023.

5. Шишков, С. Н. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность / С. Н. Шишков // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 81–89.

6. Отчет о проведении симпозиума ВОЗ «Будущее цифровых систем здравоохранения в Европейском регионе». Копенгаген, Дания, 6–8 февраля 2019 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/330370/9789289059985-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – Дата доступа: 27.02.2023.

7. Миклашевич, П. П. Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок / П. П. Миклашевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2022. – № 2. – С. 5–34.

References

1. Kolotova N. V. Socialization of constitutions: comparative legal analysis. *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2019, no. 3, pp. 47–53 (in Russian).

2. Djuzhikov S. A. *International legal standards in the area of human health care and their implementation in constitutions of modern states.* Scientific notes: a collection of scientific papers of the Faculty of Law of the Russian State University. 2002, no. 4. Rostov on Don, Prof-Press Publ., pp. 544 (in Russian).

3. Paschenko I. Yu. Right to health and medical care in system of social rights of human and citizen. *Nauka. Mysl'* [A Science. Thought], 2016, no. 10, pp. 151–157 (in Russian).

4. Timofeev I. V. To the question of content of the right for health promotion and medical care: constitutional and legal aspect. Available at: https://remedium.ru/doctor/dermatology/specproekt-esteticheskaya-meditsina-2023/&erid=Pb3XmBtzstFuqLDNSDvHFU3EGqNRZK6EEbWdSFr (accessed 27.02.2023) (in Russian).

5. Shishkov S. N. Caring for one's own health as legal duty. *Gosudarstvo i parvo* [State and Law], 2020, no. 10, pp. 81–89 (in Russian).

6. *Future of digital health systems: report on the WHO symposium on the future of digital health systems in the European region*. Copenhagen, Denmark, 6–8 February 2019. Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/330370/9789289059985-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 25.02.2023) (in Russian).

7. Miklashevich P. P. Updated Constitution of the Republic of Belarus: substantive content of the amendments. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus* [Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus], 2022, no. 2, pp. 5–34 (in Russian).

Информация об авторе

Бодак Алла Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, судья Конституционного Суда Республики Беларусь (ул. Красноармейская, 4, 220016, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bodak@kc.gov.by

Information about the author

Alla N. Bodak – Ph. D. (Law), Associate Professor. Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (4 Krasnoarmeyskaya Str., Minsk 220016, Belarus). E-mail: bodak@kc.gov.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 339.5 (476+866)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-160-171

Поступила в редакцию 21.02.2023
Received 21.02.2023

Т. С. Вертинская, Педро Колон Вальдивьесо Салинас

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ СОВМЕСТНОЙ СТРАТЕГИИ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ ЭКВАДОР

Аннотация. Статья посвящена научным, методологическим и практическим аспектам разработки совместной стратегии торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор.

Проведены обзор и систематизация с учетом предложенных авторами критериев (степень внешней открытости национальной экономики, внешнеторговый приоритет, влияние на международную торговлю, методы ее регулирования) теорий и концепций внешнеторговой политики, определяющих ее типы.

Выделены особенности внешнеторговой политики Республики Эквадор: ориентация на региональную интеграцию; налаживание двусторонних связей с третьими странами и заключение договоров о свободной торговле с нелатиноамериканскими (внерегиональными) партнерами; укрепление экономического взаимодействия на уровне интеграционных группировок и др.

Разработана методологическая основа совместной стратегии белорусско-эквадорского торгового сотрудничества, содержащая три этапа.

Определены ключевые приоритеты торгового взаимодействия Беларуси и Эквадора: наращивание объемов взаимной торговли по сложившейся товарной номенклатуре и товарная диверсификация экспортных корзин стран-партнеров; расширение взаимной торговли на основе выхода партнеров на рынки региональных экономических объединений, членами которых являются Беларусь и Эквадор; развитие и включение сектора креативной экономики в белорусско-эквадорские связи; создание совместных институтов поддержки белорусско-эквадорских торговых связей, а также повышение эффективности действующих структур.

Предложены меры, рекомендованные для включения в совместный план действий по развитию белорусско-эквадорского торгового сотрудничества по следующим направлениям: а) дипломатическая поддержка взаимной торговли; б) реализация специальных мер поддержки в области креативной («оранжевой») экономики как фактора международной торговли; в) сотрудничество с ведущими мировыми торговыми сетями; г) активизация деятельности торгово-промышленных палат; д) создание дополнительных условий для белорусско-эквадорского торгового сотрудничества на уровне региональных объединений и др.

Ключевые слова: белорусско-эквадорское торговое сотрудничество, внешнеэкономическая политика, креативная экономика, методологическая основа, приоритеты, совместная стратегия, совместный план действий

Для цитирования: Вертинская, Т. С. Теоретико-методологические и практические основы разработки совместной стратегии торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор / Т. С. Вертинская, Педро Колон Вальдивьесо Салинас // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 160–171. https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-2-160-171

Tatyana S. Vertinskaya, Pedro Colon Valdivieso Salinas

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THEORETICAL, METHODOLOGICAL AND PRACTICAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF A JOINT STRATEGY FOR TRADE COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF ECUADOR

Abstract. The article is devoted to the scientific, methodological and practical aspects of developing a joint strategy for trade cooperation between the Republic of Belarus and the Republic of Ecuador.

The review and systematization, taking into account the criteria proposed by the authors (the degree of external openness of the national economy, foreign trade priority, the impact on international trade, methods of its regulation), theories and concepts of foreign trade policy that determine its types, are carried out.

© Вертинская Т. С., Педро Колон Вальдивьесо Салинас, 2023

The features of the foreign trade policy of the Republic of Ecuador are highlighted: orientation towards regional integration; establishing bilateral relations with third countries and concluding free trade agreements with non-Latin American (extra-regional) partners; strengthening economic cooperation at the level of integration groupings, etc.

The methodological basis of the joint strategy of the Belarusian-Ecuadorian trade cooperation has been developed, which contains three stages.

The key priorities of trade cooperation between Belarus and Ecuador were determined: increasing the volume of mutual trade according to the existing product range and commodity diversification of export baskets of partner countries; expansion of mutual trade on the basis of partners entering the markets of regional economic associations, of which Belarus and Ecuador are members; development and inclusion of the creative economy sector in the Belarusian-Ecuadorian relations; creation of joint institutions to support Belarusian-Ecuadorian trade relations, as well as increasing the efficiency of existing structures.

Measures recommended for inclusion in the joint action plan for the development of Belarusian-Ecuadorian trade cooperation in the following areas are proposed: a) diplomatic support for mutual trade; b) implementation of special support measures in the field of the creative (orange) economy as a factor in international trade; c) cooperation with the world's leading retail chains; d) revitalization of the activities of chambers of commerce and industry; e) creation of additional conditions for Belarusian-Ecuadorian trade cooperation at the level of regional associations, etc.

Keywords: Belarusian-Ecuadorian trade cooperation, foreign economic policy, creative economy, methodological framework, priorities, joint strategy, joint action plan

For citation: Vertinskaya T. S., Pedro Colon Valdivieso Salinas. Theoretical, methodological and practical foundations for developing a joint strategy for trade cooperation between the Republic of Belarus and the Republic of Ecuador. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 2, pp. 160–171 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-160-171

Введение. Одним из стратегических приоритетов внешнеэкономической политики Беларуси является активизация торгового сотрудничества со странами так называемой «дальней дуги», в частности, со странами Латинской Америки. Этот вектор международных торговых связей особенно актуален в сложившейся ситуации – в условиях санкционной политики коллективного Запада по отношению к Беларуси.

Представляется, что одним из катализаторов расширения и диверсификации международных товарных потоков в этом направлении может стать углубление торгового взаимодействия Республики Беларусь и Республики Эквадор.

Основная часть. Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Республикой Эквадор были установлены 5 мая 1993 г. Наиболее активно они стали развиваться с 2012 г., после визита в Эквадор Главы белорусского государства А. Г. Лукашенко и открытия в 2014 г. Посольства Эквадор в Республике Беларусь. В качестве приоритетных областей белорусско-эквадорского экономического сотрудничества были определены взаимная торговля и такие отрасли, как производство тракторов, тяжелых транспортных средств и сборка двигателей; совместные проекты по нефтеразведке и добыче, включая оказание комплексных специализированных услуг по оптимизации добычи, повышению нефтеотдачи и геологоразведке месторождений. Была поставлена задача по реализации программ жилищного строительства в области социального жилья в Эквадоре [1].

Во внешней торговле Беларуси с латиноамериканскими странами Эквадор сохраняет четвертое место. За последнее пятилетие оборот взаимной торговли двух стран увеличился на 6 % и составил около 66 млн долл. США в 2021 г., в том числе белорусский экспорт сократился на 21,4 % до уровня 15 млн долл. США, белорусский импорт увеличился на 17,8 % до уровня 51 млн долл. США [2].

Научная проработка вопросов углубления двустороннего международного торгового сотрудничества между странами предполагает в первую очередь обобщение имеющейся теоретической основы этого направления научных исследований.

Анализ теорий, концепций и в целом экономической литературы в области внешнеторговой политики стран позволил авторам с учетом предложенных критериев систематизировать имеющийся научный задел и определить несколько типов внешнеторговой политики.

Так, в соответствии с таким критерием, как степень *открытости национальной экономики внешнему миру* выделяют теории ***протекционизма*** (Ф. Лист, А. Гамильтон, Г. Кэрри, Ш. Дюпен, А. Мюллер, С. Витте), ***свободы торговли*** (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. С. Милль, Э. Хекшер, Б. Олин, П. Кругман), а также ***гибкую внешнеторговую политику.*** В зависимости от *внешнеторгового*

приоритета различают ***экспортоориентированную, импортозамещающую*** и ***нейтральную*** внешнеторговую политику [3].

Классифицировать внешнеторговую политику можно с учетом *степени влияния экономики страны на международную торговлю.* Так, Е. Л. Давыденко выделяет внешнеторговую политику ***малой страны*** и внешнеторговую политику ***большой страны*** [4].

В первом случае, по мнению ученого, такая политика не оказывает существенного влияния на состояние мирового рынка и находится под влиянием тенденций, складывающихся на мировых рынках. В то же время влияние внешнеторговой политики большой страны на процессы, происходящие в международной торговле, может быть существенным благодаря масштабам, участию в международном разделении труда, степени вовлеченности в мировые рынки товаров, услуг, капитала и др.

Разнообразие внешнеторговой политики стран как части внешнеэкономической и интеграционной политики возникает в силу *различий характера* и *методов ее регулирования.*

Указанный критерий позволил выделить несколько теоретических концепций и моделей: ***либеральная модель*** (Р. Арон, В. Репке, Ж. Рюэффо); ***неолиберальная модель*** (Алле, Б. Баласса, Дж. Вайнер, Дж. Мид, В. Репке, Т. Сцитовски); ***институциональная теория*** регулирования (Коуз, А. Алчиян, О. Уильямсон, Х. Демсец, Д. Норт); неокейнсианская теория (Р. Купер, Б. Ф. Массел, Дж. Пайндер); ***теория дирижизма*** (Я. Тинберген, Р. Санвальд, И. Штолер); ***теория функционализма*** (Митрани, Р. Шуман, Э. Хаас, Ф. Шмиттер, Л. Линдберг, Д. Най, Ж. Монне) [5–7].

Содержание, методы и инструменты внешнеторговой политики могут варьироваться в зависимости от ***управленческого уровня*: *национальный, региональный (внутри страны), первичный (предприятие), а также глобальная экономика***. Поэтому еще одним критерием разнообразия видов внешнеторговой политики можно считать *управленческий уровень*, на котором она формируется и реализуется.

Исследуемые теоретические основы тесно связаны с формированием *моделей региональной интеграции* и такими концептуальными конструкциями, как ***«старый регионализм»*** и ***«новый, или открытый регионализм»***. Указанные схемы региональной интеграции оказывают влияние на характер внешнеторговой политики стран – членов региональной группировки [8].

Учитывая тот факт, что регионализм получил в настоящее время широкое распространение и реализуется в более разнообразных формах, нежели модель открытого или закрытого регионализма, в качестве критериев классификации внешнеторговой политики могут быть использованы *различные схемы региональной интеграции.*

Авторы одного из реализованных научных проектов, финансируемого Евразийской экономической комиссией, выделили семь схем развития экономической интеграции в региональной группировке: 1) совместное развитие системообразующих для всех стран объединения отраслей экономики; 2) развитие отраслей, представляющих интерес для всех стран интеграционного объединения; 3) совместное развитие взаимодополняемых отраслей национальных экономик; 4) совместное развитие отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения; 5) развитие отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения; 6) совместное развитие импортозамещающих отраслей; 7) совместное развитие инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли [9].

Весомый вклад в развитие научной основы разработки внешнеторговой политики вносят результаты обобщения ***практики внешнеторгового позиционирования стран в мировой экономике***. С этих позиций интерес представляет внешнеторговая политика Беларуси и Эквадора.

Так, эквадорский опыт демонстрирует следующие черты внешнеторговой политики. Первой и ключевой особенностью внешнеэкономической стратегии стран Латинской Америки является *ее ориентация на региональную интеграцию.* Эквадор является участником ряда организаций латиноамериканской интеграции – Андское сообщество, Группа Рио, Латиноамериканская Ассоциация Интеграции (ЛАИ) и МЕРКОСУР (ассоциированный член).

Вторая особенность внешнеэкономической стратегии стран этого региона, в первую очередь Эквадора, – это *налаживание двусторонних связей с третьими странами и заключение договоров о свободной торговле с нелатиноамериканскими (внерегиональными) партнерами.*

Как свидетельствуют статистические данные, 70 % экспорта Эквадора приходится на рынки США и стран Европы, в то время как на страны – участники интеграционных группировок Латинской Америки – около 30 %. В итоге внешнеэкономические связи Эквадора направлены в меньшей степени на латиноамериканский регион и в большей мере – на другие страны мира.

Третья характерная черта внешнеэкономической стратегии стран Латинской Америки и Карибского бассейна, которая стала набирать значительную силу в последний период времени, это укрепление *экономического взаимодействия на уровне интеграционных группировок.* Так, стали укрепляться торговые связи стран Южной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона на уровне интеграционных объединений, которые способствуют становлению трансокеанского интеграционного процесса, основанного на взаимодополняемости экономик двух групп государств [10; 11].

В числе новых приоритетов – сотрудничество латиноамериканских объединений с Евразийским экономическим союзом как на двусторонней, так и многосторонней основе.

Среди стран – членов ЕАЭС наиболее развитые торговые отношения установились между Эквадором и Российской Федерацией. По данным за 2020 г., Россия являлась поставщиком на рынок Эквадора продукции химической промышленности (41,44 % от всего объема экспорта России в Эквадор); минеральных продуктов (28,03 %); древесины и целлюлозно-бумажных изделий (16,91 %); машин, оборудования и транспортных средств (8,43 %); металлов и изделий из них (4,10 %) [12].

В числе других характеристик внеэкономической стратегии стран Латинской Америки эксперты выделяют расширение внешнеторговых отношений и институционального сотрудничества с международными организациями; встраивание крупного бизнеса латиноамериканских стран в глобальные производственные цепочки; внедрение «оранжевой экономики», основанной на коммерциализации культурных идей и ценностей; расширение международного взаимодействия в этой сфере.

Если кратко охарактеризовать внешнеторговую политику Республики Беларусь, то это экспортоориентированная политика, сочетающая черты региональной интеграции (членство в Союзном государстве Беларуси и России, ЕАЭС, СНГ) и двустороннего сотрудничества. Белорусские экспортные позиции включают минеральные удобрения, калийные удобрения, большегрузные автомобили, тракторы, нефтехимические товары, продукцию деревообработки, продукты питания, мясомолочную продукцию, кондитерские изделия. Страна обладает международными конкурентными преимуществами в области большегрузного транспортного машиностроения, медицинского туризма, агроэкотуризма, IT-услуг и образования. Таможенно-тарифную политику формирует Таможенный кодекс ЕАЭС.

Проведенное обобщение и систематизация существующего теоретического и практического задела в области внешнеторговой политики являются научной базой для обоснования стратегических направлений белорусско-эквадорского сотрудничества.

Методологическая основа разработки совместной стратегии белорусско-эквадорского торгового сотрудничества. Под двусторонним международным торговым сотрудничеством авторы понимают систему установления и развития взаимных торговых отношений между двумя странами и их совместную или скоординированную управленческую деятельность в этой области. Она реализуется в различных правовых, институциональных и организационно-экономических формах на уровне органов государственного управления и хозяйствующих субъектов и нацелена на создание благоприятной внешней среды взаимодействия стран.

Правовой основой развития двусторонних торговых связей межу Республикой Беларусь и Республикой Эквадор может стать совместная страновая стратегия. В отличие от внешнеэкономической политики стран такая стратегия носит двусторонний характер и касается только торговых отношений, ее разработка основывается на согласовании внеэкономических интересов и приоритетов сотрудничества, а также разработке взаимоувязанного плана совместных действий по ее реализации.

Авторами предложена следующая методологическая основа разработки совместной стратегии белорусско-эквадорского торгового сотрудничества.

На первом этапе ее разработки должна быть сформирована информационная и аналитическая база, отражающая следующие важнейшие аспекты внешнеэкономической деятельности стран.

Во-первых, это оценка места стран-партнеров в мировой экономике. Здесь должно быть отражено следующее: тип экономики (например, малая экономика; рыночная или со значительным государственным регулированием); уровень социально-экономического развития стран-партнеров; территориальная удаленность по отношению к партнеру; логистические условия развития международной торговли; уровень открытости экономики внешнему миру; степень интегрированности в мировую экономику (региональная или глобальная интеграция); в целом тип внешнеторговой политики.

Во-вторых, уровень и направления существующего торгового сотрудничества между странами-партнерами. По этому направлению необходимы анализ и выявление товарной структуры взаимных торговых связей и ключевых экспортных позиций стран; оценка конкурентных преимуществ экономики стран и уровня международной и национальной конкурентоспособности экспортируемых товаров.

В-третьих, для разработки стратегии целесообразно отразить ключевые условия и факторы торгового сотрудничества Беларуси и Эквадора. Это в свою очередь предполагает: а) сравнительный анализ моделей социально-экономического развития стран-партнеров; б) учет культурных и национальных особенностей стран в аспекте своеобразного спроса на товары и практикуемых бизнес-моделей; в) определение приоритетов социально-экономического развития страны, включая приоритетные направления развития внешнеэкономического сектора; г) оценку уровня международной конкуренции в странах, а также потенциала и выявление особенностей конъюнктуры товарных рынков стран-партнеров; д) рассмотрение основных участников внешнеторговых операций стран-партнеров; е) определение международной торговой и экономической специализация стран-партнеров.

В-четвертых, всесторонний анализ механизма реализации внешнеторговой политики стран и условий доступа зарубежных субъектов хозяйствования на национальный рынок.

Результаты анализа должны содержать: а) политические условия и уровень политического доверия между странами, геополитическую ситуацию в регионе; б) влияние международных факторов и общей ситуации в мире на развитие торгового сотрудничества между странами; в) особенности таможенно-тарифного регулирования стран и региональных объединений, членами которых являются партнеры; г) институциональные условия внешнеторговой политики стран-партнеров; д) условия доступа на товарные рынки для ключевых участников торгово-экономических связей; е) риски и угрозы торгового сотрудничества стран, условия и механизмы их минимизации.

На втором этапе с учетом полученной информации могут быть сформулированы структура и ключевые позиции обосновываемой совместной стратегии как результат обобщения представленной информации по странам.

В частности, совместная стратегия торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор должна, по мнению авторов, содержать следующие положения: 1) цель, задачи торгового взаимодействия Беларуси и Эквадора; 2) сферы экономики, обладающие высоким экспортным потенциалом и сравнительными преимуществами, товарную специализацию стран-партнеров во взаимной и международной торговле; 3) внешнеэкономические интересы стран-партнеров и точки их пересечения, нереализованный потенциал торгового сотрудничества Беларуси и Эквадора и, как результат, основные приоритеты международного белорусско-эквадорского торгового сотрудничества; 4) организационно-экономическое обеспечение реализации совместной стратегии сотрудничества Беларуси и Эквадора, включая информационно-коммуникативные и транспортные условия торгового взаимодействия стран-партнеров, а также совершенствование правовых основ белорусско-эквадорского торгового сотрудничества; 5) ожидаемые результаты двустороннего торгового сотрудничества стран, включая достигаемые торговые эффекты

экономического взаимодействия стран в краткосрочном и долгосрочном периодах и вклад торгового взаимодействия в достижение национальных целей социально-экономического развития.

Третий этап разработки совместной стратегии предполагает совместный план действий по развитию белорусско-эквадорского торгово-экономического сотрудничества.

Основные положения совместной стратегии торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор. Проведенный авторами всесторонний анализ в соответствии с предложенной методологической схемой позволил сформулировать ряд основных позиций, предлагаемых к разработке совместной стратегии торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор.

Основная цель стратегии заключается в углублении взаимного торгового белорусско-эквадорского сотрудничества.

Задачи двустороннего торгового взаимодействия Беларуси и Эквадора: обеспечение социально-экономического развития страны; развитие двустороннего сотрудничества как платформы для выхода стран-партнеров на рынки региональных объединений, членами которых являются Беларусь и Эквадор; выявление точек пересечения долгосрочных внешнеторговых интересов стран-партнеров как катализаторов углубления торгово-экономического сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе; максимальная реализация конкурентных международных преимуществ экспортного сектора стран в формате двусторонних торговых связей; формирование новых экспортных секторов на основе углубления взаимной торговли уникальными или специфическими товарами и услугами, производство которых основано на особенностях культуры, этноса.

В среднесрочном периоде как для Беларуси, так и Эквадора актуальными являются следующие приоритеты торгового сотрудничества.

Первый приоритет **–** это дальнейшее наращивание объемов взаимной торговли по сложившейся товарной номенклатуре, а также товарная диверсификация экспортных корзин стран-партнеров.

Это обусловлено взаимодополняемостью и практически отсутствием однотипных товарных позиций во взаимной торговле: экспортные позиции Эквадора связаны с сырьевыми товарами (нефть и нефтепродукты), фруктами, продуктами питания (рыбопродукты), а для Беларуси – продуктами питания другой товарной номенклатуры (молоко, сыры), машинами и оборудованием, минеральными удобрениями.

В частности, важнейшими товарными позициями белорусского экспорта на эквадорский рынок являются (топ-5 из 26 товарных позиций в 2021 г.): удобрения калийные – с долей 66,6 % в товарной структуре экспорта; скрученная проволока из черных металлов без электрической изоляции – 22,4 %; нефтепродукты – 9,6 %; печатные книги, брошюры – 0,5 %; игрушки и головоломки – 0,4 %.

Основные товарные позиции импорта Беларуси из Эквадора (топ-5 из 32 товарных позиций в 2021 г.): бананы – с долей 50,7 % в товарной структуре импорта; срезанные цветы и бутоны – 46,3 %; джемы, желе, мармелады, пюре фруктово-ореховые с сахаром – 0,8 %; ракообразные – 0,8 %; готовая или консервированная рыба – 0,7 % [2].

Второй приоритет – расширение объемов как традиционного экспорта, так и новых товарных позиций во взаимной торговле на основе выхода партнеров на рынки региональных экономических объединений, членами которых являются Беларусь и Эквадор. Речь идет, с одной стороны, о МЕРКОСУР, Андском сообществе, а с другой – Союзном государстве Беларуси и России, ЕАЭС, СНГ.

С учетом имеющегося экспортного потенциала Беларуси и импортируемых товаров из других стран перспективными направлениями развития экспорта Беларуси на латиноамериканском рынке и, соответственно, импорта стран Латинской Америки можно рассматривать следующие позиции: сельскохозяйственные машины и оборудование (тракторы; посевная техника, уборочная техника); продукты питания (мясные и молочные продукты; шоколад и прочие кондитерские изделия (печенье и вафли), хлебобулочные изделия (смеси для блинов, мука для выпечки), детское питание); медицинские устройства (оборудование для интенсивной терапии; диагности-

ческое оборудование, лабораторное оборудование и др.); электромобили; средства обеспечения безопасности; строительная техника и строительные материалы, которые используются для улучшения, декорирования или модификации существующих зданий.

Учитывая, что 30 % южноамериканского импорта приходится на сырье и товары на основе природных ресурсов (минеральное топливо, органические химикаты, удобрения, бумага, пневматика и зерновые), перспективными экспортными позициями на латиноамериканском рынке остаются минеральные удобрения, изделия деревообработки [13–15].

Третий приоритет – развитие и включение сектора креативной, или «оранжевой экономики» в белорусско-эквадорские связи. Реализации этого приоритета способствует целевая задача экспортной политики Республики Эквадор до 2030 г. по обеспечению роста этого сегмента во внешней торговле.

В числе других предпосылок для организации и осуществления взаимной торговли креативными (творческими) товарами и услугами можно отметить следующее: усиление торговых отношений между странами в области торговли креативными товарами и услугами; участие стран Латинской Америки и стран постсоветского пространства в развитии мирового рынка креативных продуктов и услуг; существенные различия в культуре и национальных традициях Беларуси и Эквадора как источник формирования и роста спроса на специфические товары и услуги с национальным колоритом; ориентация стран на более широкое использование цифровых технологий, что с учетом их территориальной удаленности формирует благоприятные условия для включения секторов креативной экономики в белорусско-эквадорские экономические связи; схожесть приоритетов развития белорусской и эквадорской экономики, прежде всего в части обеспечения инновационного развития и создания новых продуктов на базе интеллектуальной собственности, а также в области развития международного туризма, что является драйвером для взаимной торговли креативными товарами и услугами; наметившееся тесное взаимодействие стран в области культуры, что является по сути «мягкой» силой, стимулирующей развитие не только торгово-экономического, но научно-технологического и инвестиционного сотрудничества, включая освоение более обширных рынков региональных объединений, в состав которых входит Эквадор [17; 18].

Четвертый приоритет – организационное и информационное обеспечение реализации совместной стратегии белорусско-эквадорского торгового сотрудничества. Это включает создание совместных институтов поддержки белорусско-эквадорских торговых связей как самостоятельных структур или подразделений действующих организаций в системе национальной поддержки экспорта, а также повышение эффективности действующих структур (межправительственная белорусско-эквадорская торгово-экономическая комиссия, торгово-промышленные палаты, Эквадорский институт по продвижению экспорта и привлечению инвестиций «ПРО ЭКВАДОР» и др.).

Авторами разработан ***перечень мер, рекомендуемых для включения в совместный план действий по развитию белорусско-эквадорского торгово-экономического сотрудничества.***

1. Дипломатическая поддержка взаимной торговли товарами и услугами между Беларусью и Эквадором в условиях членства стран в региональных интеграционных объединениях, что включает открытие посольства Эквадора в России, а впоследствии и в Беларуси.

2. Формирование специальной структуры либо подразделения национальных институтов поддержки экспорта по информационному и организационному обеспечению внешнеторговых сделок и выходу субъектов хозяйствования на рынки стран-партнеров, что может включать следующие посреднические услуги, оказываемые на безвозмездной основе:

информационное и организационное содействие включению белорусских производителей в производственно-сбытовые цепочки, существующие в странах Латинской Америки;

предоставление информации о рынках стран Латинской Америки, включая сведения об импортных потребностях этих стран;

поиск рынков сбыта для конкретного товара, а также потенциальных компаний-импортеров;

проверка платежеспособности импортера;

организация встреч латиноамериканских и белорусских предпринимателей;

предоставление по запросам внешнеторговой статистической информации;

обеспечение базовой методической информацией в области организации экспортных поставок предпринимателей, не имеющих опыта экспортной деятельности;

содействие в получении услуг в области логистики.

На коммерческой основе целесообразно предоставление следующих услуг:

организация взаимных визитов предпринимателей стран ЕАЭС и Латинской Америки в составе многоотраслевых или отраслевых торговых миссий;

создание курсов повышения квалификации для представителей бизнес-кругов стран, заинтересованных в выходе на рынки стран-партнеров со своей продукцией и в диверсификации рынков сбыта;

подготовка информационно-аналитических и других материалов, в том числе конъюнктурных обзоров рынков;

предоставление юридической поддержки (нормы местного законодательства) и информации о тарифных и нетарифных условиях выхода на рынки стран-партнеров и др.;

организация с эквадорскими партнерами совместного финансирования рекламной работы;

проведение семинаров по повышению конкурентоспособности товаров, производимых в ЕАЭС, на рынках стран Латинской Америки и, соответственно, товаров, производимых в Беларуси, в том числе на совместной основе со странами ЕАЭС, на латиноамериканском рынке.

3. Открытие в столицах Беларуси (г. Минск) и Эквадора (г. Кито) магазинов, специализированных секций в крупных торговых центрах по реализации белорусской и эквадорской продукции.

4. Заключение договоров и налаживание сотрудничества с ведущими мировыми торговыми сетями, работающими на рынках стран-партнеров с целью продвижения товаров, входящих в экспортную корзину стран, включая следующие формы продвижения экспортной продукции:

присутствие продуктов с белорусской и эквадорской торговой маркой в «корзине» ведущих мировых торговых сетей;

демонстрация товаров, имеющих белорусскую и эквадорскую марку, в витринах крупнейших мировых торговых домов, их рекламные публикации в ведущих специализированных изданиях;

участие в показах мод и выставка торговых марок белорусских и эквадорских модельеров, проведение «Недель белорусской моды» в странах Латинской Америки и, соответственно, «Недель латиноамериканской моды» в странах ЕАЭС;

организация дегустаций латиноамериканских и белорусских продуктов питания;

размещение рекламы товаров, входящих в перечень товаров взаимной торговли в мировых торговых сетях, в меню популярных ресторанов, Интернете, каталогах и т. д.

5. Активизация деятельности торгово-промышленных палат в развитии торгового взаимодействия Беларуси и Эквадора, что включает:

обмен информацией торгово-промышленными палатами о запланированных мероприятиях (деловых ярмарках, выставках, семинарах, форумах и т. д.) на территориях обеих стран, привлечение к участию в них деловых кругов, использование площадок торгово-промышленных палат и Совместной торгово-промышленной комиссии для обсуждения и решения актуальных вопросов взаимодействия белорусских и эквадорских организаций;

содействие обмену информацией между национальными регулирующими органами о процедурах сертификации поставляемой на рынки стран продукции, а также передовому опыту и механизмам формирования инфраструктуры по контролю качества в целях содействия торговле между странами;

организация постоянно действующей международной выставки производимой в Беларуси продукции для поставок на латиноамериканский рынок.

6. Дополнительные меры поддержки экспортной деятельности малого и среднего предпринимательства (МСП) стран-партнеров, участвующих в белорусско-эквадорских торгово-экономических связях:

использование экономических и финансовых стимулов, предусмотренных национальными системами поддержки МСП;

обеспечение доступа предприятий МСП на бесплатной основе к базе данных зарубежных импортеров, а также к виртуальной базе данных, содержащей исследования региональных и товарных рынков;

предоставление информации о компаниях, оказывающих услуги участникам внешнеэкономической деятельности, с которыми заключены специальные соглашения на оказание услуг на льготной основе;

проведение обучающих курсов в области внешней торговли (школа первого экспорта на латиноамериканский рынок);

оказание помощи в составлении экспортного бизнес-плана, создании имиджа компании, разработке и внедрении стандартов качества;

правовая и организационная помощь для вхождения в состав одного из экспортных консорциумов;

регистрация в электронном справочнике предприятий-экспортеров, доступном для иностранных пользователей, с указанием детальной информации о предлагаемых товарах или услугах;

реализация совместных мер по продвижению стартапов МСП и инвестированию в них, организуя их участие в деловых мероприятиях в обеих странах.

7. Осуществление на постоянной основе двустороннего сотрудничества в области транспорта и логистики с использованием инфраструктуры Беларуси и стран ЕАЭС, с одной стороны, и Республики Эквадор и стран региональных объединений МЕРКОСУР, Андского сообщества – с другой:

налаживание сотрудничества между соответствующими министерствами и ведомствами Беларуси и Эквадора в сфере связи и информационных технологий для содействия инновационному развитию и построению цифровой экономики в Беларуси и Эквадоре;

активизация сотрудничества между латиноамериканскими, белорусскими и мировыми компаниями в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для разработки информационно-технологических продуктов для экспортной деятельности МСП;

организация онлайн-торговли между участниками рынка Беларуси и Эквадора по отдельным товарным позициям.

8. Разработка и реализация специальных мер поддержки международного сотрудничества Беларуси и Эквадора в области креативной, или «оранжевой экономики»:

организация, проведение и обеспечение регулярного участия субъектов креативной экономики в международных конференциях и выставках творческих товаров, а также креативных индустрий;

активное содействие посольств и загранучреждений в презентации конкурентных преимуществ стран в области креативных индустрий;

включение городов Беларуси и Эквадора в сети креативных и культурных городов ЮНЕСКО;

налаживание взаимодействия с агентствами ООН и другими национальными агентствами и ассоциациями креативной индустрии;

участие в формировании трансграничных цепочек добавленной стоимости в области креативных индустрий, в том числе на основе региональной интеграции;

оказание содействия в установлении прямых связей между учреждениями культуры, творческими союзами, коллективами и исполнителями Республики Беларусь и Республики Эквадор, обмене информацией о культурных событиях и мероприятиях, имеющих международный характер и проводимых на территории стран;

регулярный обмен информацией о запланированных на территории обеих стран международных туристических выставках и мероприятиях, связанных со сферой туризма, и участие в них представителей правительственных туристских ведомств, а также туристических компаний Беларуси и Эквадора;

поощрение проведения презентаций для туристических компаний и представителей СМИ Беларуси и Эквадора;

в связи со значительным туристическим потенциалом двух стран реализация на совместной основе комплекса мер, направленных на организацию ознакомительных поездок для туристических агентств обеих стран с целью увеличения числа туристов;

осуществление обмена делегациями специалистов туристического бизнеса: с одной стороны, для участия в ежегодной Международной туристической выставке в г. Минске, а с другой – для участия белорусских туристических агентств в крупнейших деловых мероприятиях по развитию туристической отрасли в Эквадоре;

установление сотрудничества между латиноамериканской игровой ассоциацией и аналогичными учреждениями в Беларуси с целью проведения совместных мероприятий для развития игровой индустрии, а также обмена компетенциями и информацией об экосистеме этого сектора креативной экономики;

отбор креативных товаров и видов услуг креативных индустрий для международной торговли и глобального продвижения с учетом имеющихся наилучших конкурентных преимуществ (кино, музыка, программное обеспечение, текстильные бренды, изделия прикладного искусства (картины, ковры, изделия из драгоценных металлов, предметы ремесленнического искусства и др.));

обеспечение доступа субъектов креативной экономики к цифровым торговым платформам для продвижения на внешние рынки креативных товаров;

разработка комплекса специальных мер содействия экспорту креативных товаров и услуг в рамках национальных систем поддержки экспорта товаров и услуг;

организация и субсидирование «креативных стажировок» по различным международным программам, по которым молодые специалисты изучают практику успешных креативных проектов за рубежом;

создание дополнительных условий для повышения международной мобильности с целью включения креативных индустрий в международную торговлю (внедрение коммуникационных технологий, дешевые международные перелеты, упрощение визовых процедур для свободного перемещения людей) [17; 18].

9. Создание следующих дополнительных условий для белорусско-эквадорского торгового сотрудничества на уровне региональных объединений, членами которых являются страны-партнеры [19]:

разработка долгосрочной Стратегии развития торгово-экономических связей стран ЕАЭС со странами Латинской Америки и региональными объединениями МЕРКОСУР, Андским сообществом;

осуществление деятельности по заключению соглашения о взаимодополняемости между ЕАЭС и МЕРКОСУР, где будут определены товары, на которые импортные пошлины обнуляются или значительно снижаются (в дальнейшем на базе этого документа можно будет подписать Соглашение о свободной торговле);

участие в формировании экспортных консорциумов для выхода на рынки стран как ЕАЭС, так и Латинской Америки;

разработка ежегодных национальных планов (программ, стратегий) по содействию развитию экспорта и освоению внешних рынков, а также мер по развитию торговых связей с латиноамериканскими странами;

организация сотрудничества с Межамериканским банком развития для улучшения финансового обеспечения внешнеторговых сделок между странами ЕАЭС и Латинской Америки;

рассмотрение вопроса об организации консорциумов экспортеров на базе средних и малых предприятий на латиноамериканский рынок.

Заключение. Таким образом, учитывая все вышеизложенное, реализация совместной стратегии торгового сотрудничества Республики Беларусь и Республики Эквадор будет способствовать дальнейшей интеграции стран в мировую экономику: для Беларуси – со странами Латинской Америки, что усилит переориентацию торговых потоков на экономическое взаимодействие со странами так называемой «дальней дуги», а для Эквадора – со странами евразийской интеграции, диверсификации экспортных корзин стран. Это будет способствовать развитию совместных производств, освоению рынка сбыта производимой продукции, а также включению сектора «оранжевой экономики» во внешнеторговые связи. Все отмеченное выше должно положительно отразиться на уровне благосостояния населения Беларуси и Эквадора.

Список использованных источников

1. Гусман Гомес, Ф. Эквадор – Беларусь: курс на стратегическое партнерство (2007–2016 гг.) / Ф. Гусман Гомес, А. А. Челядинский. – Минск : Право и экономика, 2017. – 289 с.

2. Внешняя торговля [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/. – Дата доступа: 05.10.2022.

3. Киреев, А. П. Международная экономика : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 1. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства / А. П. Киреев. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 415 с.

4. Давыденко, Е. Л. Внешнеторговая политика малой экономики в условиях либерализации международной торговой системы / Е. Л. Давыденко ; под науч. ред. В. Н. Шимова. – Минск : БГУ, 2008. – 279 с.

5. Machlup, F. A history of thought on economic integration / F. Machlup. – London : Palgrave Macmillan, 1977. – 334 p. https://doi.org/10.1007/978-1-349-03171-9

6. Теория международных отношений на рубеже столетий : пер. с англ. / под ред. К. Бус, С. Смита ; общ. ред. и предисл. Н. А. Цыганкова. – М. : Гардарики, 2002. – 362 с.

7. Олейнов, А. Г. Внешнеэкономическая политика стран мира: теория и методология анализа [Электронный ресурс] / А. Г. Олейнов // Мировое нац. хоз-во. – 2016. – № 4 (39). – Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-4-oleinov.pdf. – Дата доступа: 22.08.2022.

8. Габарта, А. А. Интеграция в Латинской Америке / А. А. Габарта // Мировое нац. хоз-во. – 2020. – № 4 (53). – Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/53-latin-amer-integration-gabarta.pdf. – Дата доступа: 22.08.2022.

9. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира [Электронный ресурс] / Евраз. экон. комис. – М., 2014. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7f/Analiz-integratsionnykh-obedineniy.pdf. – Дата доступа: 26.08.2022.

10. Лезгинцев, Ю. М. Современные формы торгово-экономического партнерства Латинской Америки и их влияние на внешнеэкономическую политику России в регионе : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.14 / Ю. М. Лезгинцев ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2009. – 48 с.

11. Наранхо Сагнай Хуан Данило. Эквадор в интеграционных процессах Латинской Америки : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.14 / Наранхо Сангай Хуан Данило ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2018. – 28 с.

12. Торговля между Россией и Эквадором в 2020 г. [Электронный ресурс] // Внешняя торговля России. – Режим доступа: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-ekvadorom-v-2020-g/. – Дата доступа: 22.08.2022.

13. Евразийский экономический союз и страны Латинской Америки и Карибского бассейна: трансконтинентальное партнерство [Электронный ресурс] : аналит. докл. / ECLAC, Евраз. экон. комис. ; [подгот.: Х. М. Мартинес и др.]. – Мехико, 2021. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/033/EEK-EKLAK-russkiy.pdf. – Дата доступа: 22.08.2022.

14. Latin America Economic Forecast [Electronic resource] // FocusEconomics. – Mode of access: https://www.focus-economics.com/regions/latin-america. – Date of access: 15.01.2023.

15. Regional Trends: Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/non-official-document/WIR2022-Regional_trends_LAC_en.pdf. – Date of access: 15.01.2023.

16. Creative economy outlook: trends in international trade in creative industries, 2002–2015. Country profiles, 2005–2014 / UN Conf. on Trade a. Development. – United Nations, 2018. – 445 p.

17. Вклад цифровых платформ в развитие креативных индустрий и поддержку креативного предпринимательства / Г. Р. Имаева [и др.]. – М. : Изд-во НАФИ, 2021. – 84 с.

18. Смольянова, И. В. Развитие креативных индустрий как перспективный инструмент региональной социально-экономической политики / И. В. Смольянова // Креатив. экономика. – 2022. – Т. 16, № 10. – С. 3771–3784. https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116327

19. Кокорев, В. М. Внешнеэкономическая стратегия Аргентины и перспективы российско-аргентинского торгово-экономического сотрудничества : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.14 / В. М. Кокорев ; Рос. акад. наук, Ин-т Лат. Америки. – М., 2017. – 29 с.

References

1. Gusman Gomes F., Chelyadinskii A. A. *Ecuador – Belarus: a course towards strategic partnership (2007–2016)*. Minsk, Pravo i Economika Publ., 2017. 289 p. (in Russian).

2. International trade. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. Available at: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/ (accessed 05.10.2022) (in Russian).

3. Kireev A. P. *International economics. Part 1. International microeconomics: the movement of goods and factors of production*. Moscow, Mezhdunarodnuye otnosheniya Publ., 1999. 415 p. (in Russian).

4. Davydenko E. L. *Foreign trade policy of a small economy in the context of the liberalization of the international trading system*. Minsk, Belarusian State University, 2008. 279 p. (in Russian).

5. Machlup F. *A history of thought on economic integration*. London, Palgrave Macmillan, 1977. 334 p. https://doi.org/10.1007/978-1-349-03171-9

6. Booth K., Smith S. (eds.). *International relations theory today*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1995. 367 p.

7. Oleinov A. G. States' foreign economic policy: theory and methodology of analysis. *Mirovoe natsional'noe khozyaistvo = World and National Economy*, 2016, no. 4 (39). Available at: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-4-oleinov.pdf (accessed 22.08.2022) (in Russian).

8. Habarta A. A. Integration in Latin America. *Mirovoe natsional'noe khozyaistvo = World and National Economy*, 2020, no. 4 (53). Available at: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/53-latin-amer-integration-gabarta.pdf (accessed 22.08.2022) (in Russian).

9. Eurasian Economic Commission. *Analysis of strategies for integration cooperation (models for realizing integration potential) of the most famous integration associations of the world*. Moscow, 2014. Available at: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7f/Analiz-integratsionnykh-obedineniy.pdf (accessed 22.08.2022) (in Russian).

10. Lezgintsev Yu. M. *Modern forms of trade and economic partnership of Latin America and their influence on Russia's foreign economic policy in the region.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2009. 48 p. (in Russian).

11. Narankho Sagnai Khuan Danilo. *Ecuador in the integration processes of Latin America*. Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2018. 28 p. (in Russian).

12. Russian trade with Ecuador in 2020. *Russian Foreign Trade*. Available at: https://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/russian-trade-with-ecuador-in-2020/ (accessed 22.08.2022).

13. Economic Commission for Latin American and the Caribbean/Eurasian Economic Commission (ECLAC/EEC*). The Eurasian Economic Union & Latin America and the Caribbean: a transcontinental partnership.* Mexico, 2021. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46785/1/S2100816_en.pdf (accessed 22.08.2022).

14. Latin America Economic Forecast. *FocusEconomics*. Available at: https://www.focus-economics.com/regions/latin-america (accessed 15.01.2023).

15. Regional Trends: Latin America and the Caribbean. *UNCTAD*. Available at: https://unctad.org/system/files/non-official-document/WIR2022-Regional_trends_LAC_en.pdf (accessed 15.01.2023).

16. United Nations Conference on Trade and Development. *Creative economy outlook: trends in international trade in creative industries, 2002–2015. Country profiles, 2005–2014*. United Nations, 2018. 445 p.

17. Imaeva G. R., Sushko E. Yu., Gil'debrandt I. A., Spiridonova L. V., Aimaletdinov T. A. *The contribution of digital platforms to the development of creative industries and support for creative entrepreneurship*. Moscow, NAFI Publ., 2021. 84 p. (in Russian).

18. Smolyanova I. V. Development of creative industries as a promising tool for regional socio-economic policy. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2022, vol. 16, no. 10, pp. 3771–3784 (in Russian). https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116327

19. Kokorev V. M. *Foreign economic strategy of Argentina and prospects for Russian-Argentinean trade and economic cooperation*. Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2017. 30 p. (in Russian).

Информация об авторах

Вертинская Татьяна Сергеевна – доктор экономических наук, доцент, руководитель Центра мировой экономики. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com.

Педро Колон Вальдивьесо Салинас – преподаватель. Центральный университет Эквадора (ул. Бенджамина Чавеза, 51, Кито, Республика Эквадор). E-mail: pcvs2023@gmail.com

Information about authors

Tatyana S. Vertinskaya – D. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for World Economy. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com.

Pedro Colon Valdivieso Salinas – lecturer. Central University of Ecuador (51 Benjamin Chavez Str., Quito, Ecuador). E-mail: pcvs2023@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

Паступіў у рэдакцыю 27.11.2022
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-172-176 Received 27.11.2022

А. В. Гурын

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь

30 ГОД ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ НЕЗАЛЕЖНАЙ БЕЛАРУСІ: ЦІКАВЫ І ГЛЫБОКІ АНАЛІЗ

Уводзіны. Прафесар Уладзімір Еўдакімавіч Снапкоўскі, адзін з заснавальнікаў кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, з'яўляецца стваральнікам навуковай школы беларускіх даследчыкаў у галіне гісторыі і сучасных праблем знешняй палітыкі Беларусі. У яго працах разгледжаны самыя розныя праблемы знешнепалітычнай гісторыі: ад знешняй палітыкі дзяржаў сярэднявечча да сучасных праблем міжнародных адносін і знешняй палітыкі незалежнай Беларусі. Ужо ў пачатку 2000-х гг. гэтым вучоным і выкладчыкам было створана навукова-метадычнае забеспячэнне і апублікаваны першыя падручнікі па дысцыплінах "Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі" і "Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь". У. Е. Снапкоўскі ў сваёй кнізе "Традыцыі і навацыі ў знешнепалітычных даследаваннях Беларусі" (2020)[1] упершыню ў айчыннай гістарычнай навуцы зрабіў комплексны аналіз тэарэтыка-метадалагічных і вучэбна-метадычных аспектаў знешнепалітычных даследаванняў у Беларусі. У 2021 г. аўтар звярнуўся да такой важнай тэмы, як навуковы аналіз знешняй палітыкі незалежнай Беларусі.

Новая кніга У. Е. Снапкоўскага "Аналіз знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь" (Мінск, 2021)[2] выканана ў выглядзе дапаможніка, прызначанага для магістрантаў спецыяльнасці "Міжнародныя адносіны" і ў першую чаргу накіравана на паглыбленае вывучэнне знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь і выяўленне яе сутнасных характарыстык, навукова-тэарэтычных і канцэптуальных асноў, напрамкаў двухбаковых адносін Беларусі і яе шматбаковага супрацоўніцтва.

Разгледзім асноўны змест, аўтарскія падыходы і вартасці кнігі больш падрабязна.

Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь як сфера дзяржаўнай дзейнасці і прадмет вывучэння. Пры аналізе знешняй палітыкі незалежнай Беларусі аўтар дае яе ўласную перыядызацыю, падзяляючы на перыяды парламенцкай рэспублікі і прэзідэнцкай рэспублікі, і выяўляе асаблівасці знешнепалітычнай дзейнасці кожнага з перыядаў. Важным вынікам даследавання тэарэтыка-метадалагічных асноў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь з'яўляецца апісанне эвалюцыі яе знешнепалітычных прыярытэтаў.

Асноўны змест першага этапу – працэс міжнароднага прызнання Рэспублікі Беларусь, яе выхаду на міжнародную арэну як незалежнай дзяржавы, пашырэння актыўнасці Беларусі на міжнароднай арэне з улікам новага дзяржаўна-палітычнага статусу. 27-гадовы перыяд знешняй палітыкі прэзідэнцкай рэспублікі аўтар падзяляе на тры этапы: першы этап (1994–1999 гг.) – пяцігодка актыўнай інтэграцыйнай палітыкі з Расіяй; другі этап (2000–2014 гг.) – час правядзення шматвектарнай палітыкі; трэці этап (2014 г. – жнівень 2020 г.) – час набыцця Беларуссю сваёй

[1] Гл. рэц.: Гурын, А. В. Пра традыцыі і навацыі ў справе дзяржаўнай важнасці ў эпоху радыкальных перамен: глыбока і кампетэнтна / А. В. Гурын, М. В. Стралец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2021. – № 4. – С. 63–67.

[2] Снапковский, В. Е. Анализ внешней политики Республики Беларусь / В. Е. Снапковский. – Минск: БГУ, 2021. – 243 с.

© Гурын А. В., 2023

міжнароднай ідэнтычнасці. На трэцім этапе палітыка шматвектарнасці, якая вызначаецца як імкненне аслабіць празмерную залежнасць ад аднаго ўсходняга вектара (Расійскай Федэрацыі), стала набываць больш рэальныя рысы і набліжацца да збалансаванага развіцця адносін з усімі геаграфічнымі вектарамі знешняй палітыкі дзяржавы.

Аўтар слушна сцвярджае, што, нягледзячы на палітычны крызіс у 2020 г. і рэзкае звужэнне знешнепалітычнага курсу, трыццацігадовы вопыт самастойнага існавання краіны паказвае, што Рэспубліка Беларусь, як і іншыя постсавецкія дзяржавы, працягвае нялёгкі, супярэчлівы шлях фарміравання незалежнай еўрапейскай дзяржавы (с. 42). Таксама ў першай главе сваёй працы аўтар аналізуе напрамкі навуковых даследаванняў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь. Цікавым уяўляецца даследаванне дасягненняў беларускіх навукоўцаў у гэтай галіне.

Канцэптуальныя асновы знешняй палітыкі незалежнай Беларусі на розных гістарычных этапах. Перавагай навуковага аналізу знешняй палітыкі незалежнай Беларусі, які зроблены аўтарам, з'яўляецца даследаванне не толькі кірункаў і зместу, але і яе канцэптуальных асноў на розных гістарычных этапах. У прыватнасці, прааналізаваны фарміраванне асноў знешняй палітыкі Беларусі ў перыяд перабудовы і парламенцкай рэспублікі ў 1989–1994 гг., распрацоўка знешнепалітычнай стратэгіі беларускай дзяржавы ў першы перыяд прэзідэнцкай рэспублікі ў 1994–2010 гг., развіццё дактрынальных асноў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь у 2010-я гг. Акрамя гэтага, у другой главе кнігі ахарактарызаваны тэарэтыка-метадалагічныя аспекты даследавання знешнепалітычнай дзейнасці Рэспублікі Беларусь.

Аўтар прыходзіць да высноў, што галоўныя прынцыпы знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь, зафіксаваныя ў Канстытуцыі і іншых прававых актах, складаюцца з агульнапрызнаных прынцыпаў і норм міжнароднага права, у тым ліку суверэннай роўнасці дзяржаў, неўмяшання ва ўнутраныя справы іншых дзяржаў і ўліку нацыянальных інтарэсаў краіны. Гэта спрыяе палітычнаму дыялогу з замежнымі дзяржавамі з акцэнтам на кантакты на найвышэйшым узроўні, прасоўванню інтарэсаў беларускай эканомікі ў мэтах павелічэння аб'ёмаў экспарту, прыцягненню замежных інвестыцый, развіццю інтэграцыйных працэсаў, фарміраванню двухбаковай і шматбаковай дагаворна-прававой базы, пашырэнню канструктыўнага ўзаемадзеяння ў міжнародных арганізацыях. Важным аспектам правядзення прагматычнай і эфектыўнай знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь з'яўляецца выпрацоўка перспектыўных стратэгічных мэт, абгрунтаванне іерархіі знешнепалітычных задач, напрамкаў і прыярытэтаў, вызначэнне сіл і сродкаў пры ажыццяўленні знешняй палітыкі, фарміраванне знешнепалітычнай канцэпцыі дзяржавы з улікам неабходнасці забеспячэння яе нацыянальнай бяспекі.

Беларусь і Расія: дыялектыка ўзаемаадносін. У рэцэнзуемай працы шмат увагі надаецца ўзаемадзеянню Беларусі з галоўным стратэгічным партнёрам – Расійскай Федэрацыяй. У адпаведнай главе ахарактарызаваны этапы развіцця адносін паміж краінамі, прааналізаваны айчынныя даследаванні беларуска-расійскіх адносін і, што вельмі каштоўна, падыходы расійскай акадэмічнай супольнасці да даследавання інтэграцыйных працэсаў паміж Расіяй і Беларуссю. Нельга не пагадзіцца з аўтарам ў тым, што "ў расійска-беларускіх адносінах, якія складваюцца ў рамках інтэграцыйных праектаў і саюзных дамоўленасцей, прысутнічае ўзаемная зацікаўленасць, але напрамкі іх рэалізацыі, тым больш фінальная геапалітычная мэта, істотна адрозніваюцца. Паводле меркавання большасці расійскіх экспертаў, Беларусь з'яўляецца неад'емнай часткай так званага "рускага свету", дзякуючы Расіі забяспечваецца яе эканамічны рост, абслугоўваюцца яе спецыфічныя правы ў сістэме міжнародных адносін на працягу ўсяго перыяду з моманту набыцця незалежнасці. У беларускіх палітычных і дзелавых колах падобная ацэнка геапалітычнай ролі краіны не падзяляецца і ставіцца акцэнт на раўнапраўных міждзяржаўных адносінах" (с. 104).

Адносіны Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі з'яўляюцца дастаткова даследаванымі ў айчыннай навуцы аб міжнародных адносінах. Пра іх розныя аспекты (палітычныя, эканамічныя, ваенна-палітычныя, супрацоўніцтва на міжнароднай арэне) пісалі А. І. Гардзейчык, С. А. Кізіма, А. А. Разанаў, У. Е. Снапкоўскі, А. У. Ціхаміраў, А. А. Чалядзінскі, М. Э. Часноўскі, В. Г. Шадурскі, А. В. Шарапа і інш. Аднак абароненых кандыдацкіх дысертацый на гэту тэму ў нашай

краіне няшмат, а доктарскіх дысертацый па спецыяльнасці "Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі" ўвогуле няма, што застаецца важнай задачай даследчыкаў знешнепалітычнай тэматыкі.

Вынікі вывучэння У. Е. Снапкоўскім беларускай гістарыяграфіі аб адносінах Беларусі і Расіі паказваюць, што сцвярджэнні даследчыкаў пра ўплыў на інтэграцыйны працэс як аб'ектыўных (гістарычнае мінулае, цесныя ўзаемасувязі, палітычная і сацыяльна-эканамічная сітуацыя ў свеце, уздзеянне знешніх сіл і г. д.), так і суб'ектыўных (падыходы лідараў дзяржаў, палітычныя сілы, грамадская думка, экспертная супольнасць, СМІ і г. д.) фактараў цалкам абгрунтаваныя і справядлівыя. Характэрнай асаблівасцю большасці прац беларускіх аналітыкаў з'яўляецца разгляд узаемаадносін Мінска і Масквы з пазіцый нацыянальных інтарэсаў Беларусі. Пры гэтым сам аўтар вылучае ўласную канцэпцыю развіцця беларуска-расійскіх адносін, лічачы, што найбольш прымальнай і выгоднай для абедзвюх краін мадэллю двухбаковых адносін, якая ўлічвала б гістарычны вопыт узаемасувязей беларускага і рускага народаў і сучасны міжнародны кантэкст, было б стратэгічнае супрацоўніцтва або сяброўскія партнёрскія адносіны пры захаванні суверэнітэту і незалежнасці абедзвюх дзяржаў.

Паміж Усходам і Захадам: асаблівасці геапалітычнага становішча Беларусі. У чацвёртай главе кнігі прааналізаваны асаблівасці адносін Беларусі да асноўных актараў сістэмы міжнародных адносін універсальнага і рэгіянальнага ўзроўняў (акрамя ўжо разгледжанай расійскай тэматыкі). Гэта адносіны Беларусі і Злучаных Штатаў Амерыкі, беларуска-польскія адносіны, этапы і асноўныя кірункі ўзаемадзеяння Рэспублікі Беларусь і Кітая.

Складаны і няроўны шлях прайшлі адносіны Беларусі і ЗША ў 1991–2020 гг. На працягу першага этапу (1991–1996 гг.) яны дынамічна развіваліся ў розных галінах. ЗША з'яўляюцца адной з першых дзяржаў свету і першай з пастаянных членаў Савета Бяспекі ААН, хто прызнаў незалежнасць Рэспублікі Беларусь і ўстанавіў з ёй дыпламатычныя адносіны. Пасля рэферэндуму 1996 г. адносіны паміж дзвюма дзяржавамі пагоршыліся. Вашынгтон стаў праводзіць палітыку выбарчага ўздзеяння, якая спалучала абмежаваны дыялог на ўзроўні міністэрстваў і ведамстваў з падтрымкай гуманітарных кантактаў і структур грамадзянскай супольнасці, а таксама развіццём гандлёвых сувязей. Пікам пагаршэння адносін з'явіўся 2008 г., калі Мінск рэзка адрэагаваў на ўвядзенне эканамічных санкцый супраць айчынных прадпрыемстваў. Адмоўная рэакцыя ЗША на вынікі прэзідэнцкіх выбараў 2010 г. стала дадатковым сур'ёзным раздражняльнікам ў двухбаковых адносінах. З 2013 г. да першай паловы 2020 г. Мінск і Вашынгтон прайшлі пачатковы этап нармалізацыі адносін, аднак далейшы працэс нармалізацыі быў перапынены палітычным крызісам і рэакцыяй ЗША на ўнутрыпалітычныя падзеі ў краіне. Непрызнанне вынікаў прэзідэнцкіх выбараў і аднаўленне эканамічных санкцый супраць беларускіх прадпрыемстваў павярнулі назад паступальны працэс нармалізацыі беларуска-амерыканскіх адносін.

Вопыт цыклічнага развіцця адносін Беларусі і Польшчы, на думку аўтара, паказвае рэгулярныя рэзкія ваганні, перыяды ўздыму і спаду. Як правіла, прычынай пагаршэння станавіліся ўнутрыпалітычныя падзеі ў Беларусі, якія выклікалі адваротную негатыўную рэакцыю заходніх дзяржаў, у тым ліку Польшчы. Асабліва моцна на адносіны дзвюх краін паўплывалі падзеі 2020 г., пасля якіх беларуска-польскія адносіны аказаліся адкінутымі да стану найбольш горшых часоў і іх нармалізацыя запатрабуе шмат сіл і ўвагі, асабліва з боку Беларусі.

У адрозненне ад адносін з заходнімі краінамі сувязі Беларусі і КНР з'яўляюцца на парадак больш паспяховымі і выніковымі. Яны сталі актыўна развівацца з першых гадоў незалежнасці, аднак з'явіліся прыярытэтным напрамкам знешняй палітыкі Мінска з другой паловы 1990-х гг., калі прэзідэнт А. Р. Лукашэнка зрабіў стаўку на Пекін з улікам важнай міжнароднай ролі Кітая ў сусветнай палітыцы і ўзнікшых цяжкасцей у адносінах з заходняй супольнасцю. Кітай у сваю чаргу таксама праявіў цікавасць да развіцця адносін з невялікай, але стратэгічна важнай усходнееўрапейскай дзяржавай, якая мяжуе з краінамі ЕС і НАТА на захадзе і з Расіяй і Украінай на ўсходзе і поўдні. Першапачаткова двухбаковыя адносіны былі больш сканцэнтраваны на палітычных пытаннях і ўзаемападтрымцы на міжнароднай арэне. У новым стагоддзі яны набылі прагматычны характар, у іх узмацніўся гандлёва-эканамічны вектар. Да канца першага дзесяцігоддзя XXI ст. беларуска-кітайскія адносіны павысіліся да ўзроўню стратэгічнага партнёрства (с. 176).

Беларусь і міжнародныя арганізацыі. У пятай главе манаграфіі апісваецца шматбаковая дыпламатыя Беларусі на прыкладзе яе адносін з Еўрапейскім саюзам, удзелу ў праграме "Усходняе партнёрства" і дзейнасці Шанхайскай арганізацыі супрацоўніцтва. Аўтар выводзіць за дужкі ў сваёй працы адносіны Беларусі і ААН, аналізу якіх ён прысвяціў вялікую колькасць сваіх даследаванняў[1].

Дваццацігадовая гісторыя адносін паміж Беларуссю і ЕС, на думку аўтара, падзяляецца на два перыяды: да і пасля лістапада 1996 г. На працягу першага перыяду беларуска-еўрапейскія адносіны развіваліся з нарастаючым дынамізмам і ў 1995 г. былі ўвенчаны падпісаннем Пагаднення аб партнёрстве і супрацоўніцтве. Другі перыяд пачаўся пасля лістападаўскага рэферэндуму 1996 г., вынікі якога не былі прызнаны ЕС. Пасля гэтага ў беларуска-еўрапейскіх адносінах наступіў адкат, назіралася чаргаванне пацяплення і ахаладжэння. У снежні 2010 г. адносіны з ЕС, як і ўвогуле з дзяржавамі Захаду, аказаліся адкінутым да самага нізкага ўзроўню з лістападаўскага рэферэндуму 1996 г. Бакам спатрэбілася нямала часу і цярпення, каб вярнуцца да больш-менш прымальнага ўзроўню адносін. У 2013–2019 гг. яны былі вымушаны зноў прайсці неабходную фазу нармалізацыі і аднаўлення даверу.

Зыходзячы са стратэгічнай мэты забеспячэння добрасуседства на сваіх знешніх межах, ЕС увесь час імкнуўся праводзіць палітыку ўцягвання Беларусі ў праграму Усходняга партнёрства і канкрэтныя рэгіянальныя праекты. Для беларускага кіраўніцтва, якое не ставіла сваёй нават доўгатэрміновай мэтай уступленне ў ЕС, галоўнымі мэтамі ўдзелу ва Усходнім партнёрстве з'яўляліся магчымасці пашырэння супрацоўніцтва з ЕС у сферах эканомікі і энергетыкі, павелічэння гандлёвага абароту, атрымання еўрапейскіх інвестыцый і тэхналогій. Палітычная цікавасць заключалася ў пашырэнні манеўравання на еўрапейскай і сусветнай арэне, наданні беларускай знешняй палітыцы рэальнай шматвектарнасці. А. Р. Лукашэнка выкарыстаў абвастрэнне стасункаў Расіі з Захадам пасля канфліктаў Масквы з Грузіяй і Украінай для ўмацавання незалежнага статусу Беларусі на міжнароднай арэне і правядзення больш самастойнай, манеўранай палітыкі ў стасунках з Крамлём.

Удзел Беларусі ў Шанхайскай арганізацыі супрацоўніцтва адкрывае для нашай краіны магчымасць уключэння ў міжрэгіянальныя праекты супрацоўніцтва з улікам выгаднага транзітнага становішча паміж Усходам і Захадам, стварэння спрыяльных умоў для гандлю і інвестыцый, актывізацыі ўзаемадзеяння ў мытных справах, партнёрства ў пытаннях рэгіянальнай і глабальнай бяспекі, развіцця дыялогу па знешнепалітычных пытаннях. Геапалітычны вектар Беларусі, на думку У. Е. Снапкоўскага, накіраваны на геастратэгічны рэгіён ШОС, дае падставы выказаць меркаванне, што краіна ў бліжэйшы час зможа павысіць свой статус у гэтай арганізацыі, стаўшы адным з паўнапраўных «канструктараў» сучаснай еўразійскай геапалітычнай прасторы (с. 225).

Высновы. Галоўная каштоўнасць кнігі прафесара У. Е. Снапкоўскага заключаецца ў тым, што у ёй зроблены не толькі аналіз дасягненняў і праблем, поспехаў і няўдач, памылак і пралікаў у знешняй палітыцы незалежнай Беларусі, але і прысутнічае своеасаблівы погляд у будучыню. З гісторыі краіны добра бачна, што не на ўсіх этапах знешнепалітычны курс быў у поўнай меры ўзважаны і прагматычны, асабліва ў тым, што тычыцца асноўных знешнепалітычных кірункаў. У прыватнасці, большую частку часу айчынная знешняя палітыка не была сапраўды шматвектарнай, што неабходна для такой дзяржавы, як Беларусь з геапалітычнага пункту гледжання. Несумненна, кіраўніцтва краіны ўвесь час прадпрымала намаганні захаваць незалежнасць і не стаць геапалітычнай ускраінай Захаду ці Усходу, але відавочна, што ў выпадку перакосу знешняй палітыкі ў адным з кірункаў логіка развіцця міжнародных адносін можа прывесці да страты некаторых атрыбутаў дзяржаўнага суверэнітэту, калі не ўвогуле незалежнасці. Таму аналіз трыццацігадовай гісторыі знешняй палітыкі Беларусі як ніколі карысны для цвярозых палітыкаў, грамадскіх дзеячаў і навукоўцаў.

---

[1] Снапковский, В. Е. Белорусская ССР и ООН (1945–1985 гг.) / В. Е. Снапковский. – Минск: Наука и техника, 1985. – 104 с.; Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг. / В. Е. Снапковский. – Минск: Наука и техника, 1994. – 141 с.; Снапкоўскі, У. Е. 50 гадоў дзейнасці Беларусі ў ААН / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь. – 1995. – № 10. – С. 1–3; Снапкоўскі, У. Е. Традыцыі і навацыі ў знешнепалітычных даследаваннях Беларусі / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2020. – 295 с.

Акрамя навуковага аналізу праблем знешняй палітыкі Беларусі ў кнізе зроблены змястоўны гістарыяграфічны агляд найбольш важных і значных работ па знешняй палітыцы Рэспублікі Беларусь, выдадзеных у краіне і свеце за апошнія 25 гадоў. Нягледзячы на тое, што кніга У. Е. Снапкоўскага “Аналіз знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь” выканана ў выглядзе дапаможніка, яна па сваім фармаце, творчых задумах, аналітычных падыходах і багатым навуковым апараце з’яўляецца глыбокім манаграфічным даследаваннем. Таму гэта праца можа быць карысна не толькі для навучэнцаў, але і для выкладчыкў, навуковых работнікаў, дыпламатаў, дзяржаўных служачых і ўсіх, хто цікавіцца сучаснымі міжнароднымі адносінамі і знешняй палітыкай нашай краіны. Напэўна не ўсе пагадзяцца з аўтарскімі падыходамі, ацэнкамі і высновамі. Але ў гэтым ёсць галоўная задума аўтара: будзіць думку, аналізаваць, разважаць, сумнявацца, супастаўляць знешнепалітычныя з’явы і працэсы, рабіць адпаведныя высновы і абагульненні. Думаецца, што аўтару будуць карысны пэўныя слушныя заўвагі, якія лягуць у аснову яго будучых даследаванняў і аналітычных распрацовак.

Информация об авторе

Гурин Александр Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом докторантуры и аспирантуры. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (ул. Московская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gurin@pac.by

Information about the author

Aliaksandr V. Huryn – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of Doctoral and Postgraduate Studies. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (17 Moskovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: gurin@pac.by